

КОСТЁР

ISSN 0130-2574

4

АПРЕЛЬ 1983

КОСТЁР

4

АПРЕЛЬ
1983

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издаётся с 1936 года

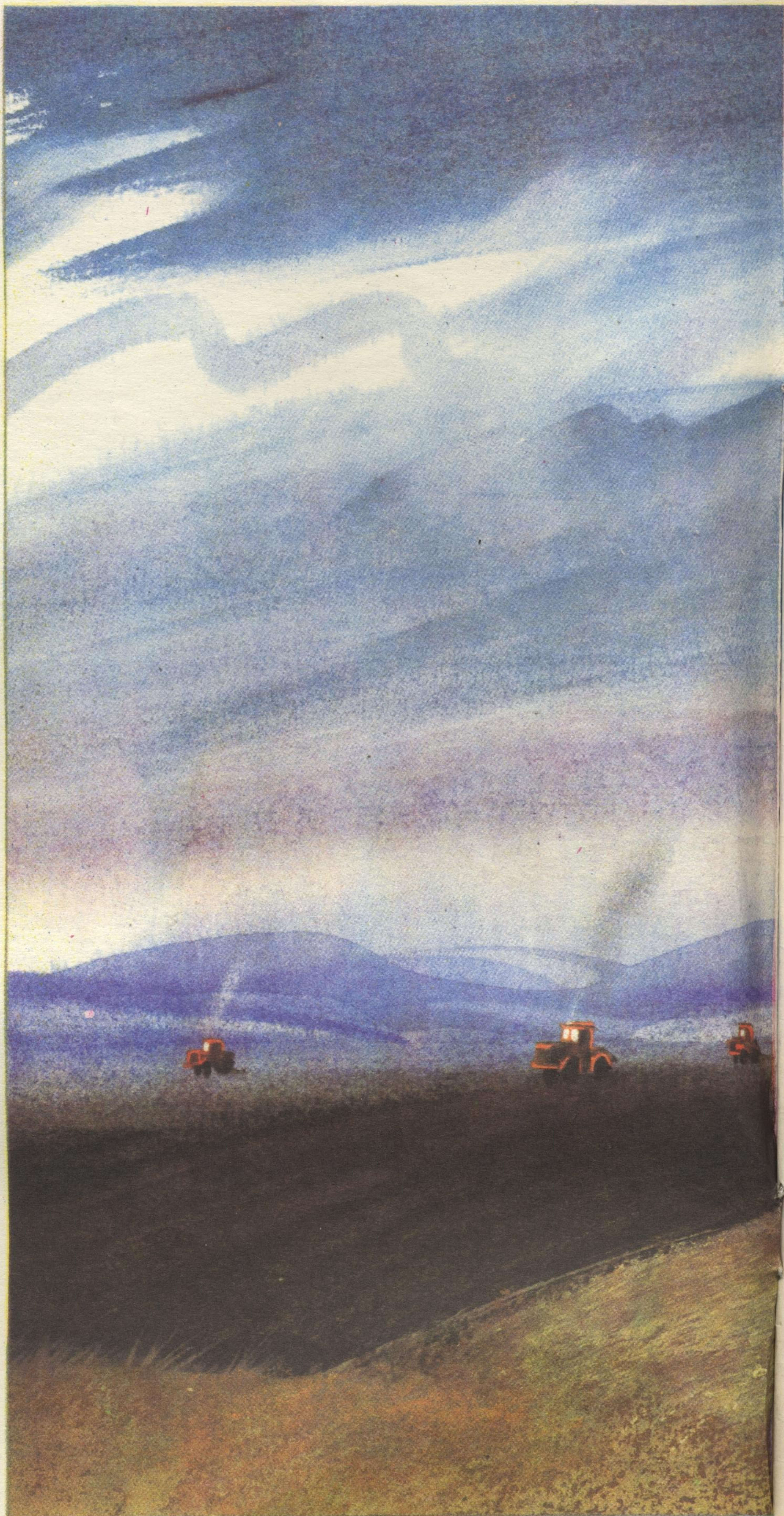
© «Костер», 1983 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Таня	рассказ Н. Федорова	3
Барабан		10
Меня зовут Ивановым	главы из повести А. Зверинцева	14
Путь через перевал	очерк Е. Лукина	22
Начинаю отсчет	репортаж С. Леонова	24
Стихи	В. Степанова	25
Рассказы	А. Савчука	28
Морская газета		30
Стихи твоих ровесников		32
Как родился Гулливер	очерк Е. Перехвальской	34
Заходи, Чанга, в гости!	рассказ В. Толмачевой	36
Они едят для вас		38
Мастерок		40
Школа будущих командиров		42
Веселый звонок		44
Девочка-муравей	афганская сказка	46
Арчбек		47

На первой и четвертой
страницах обложки рисунки
С. Яковлева

ПО ЛЕНИНСКИМ МЕСТАМ
ЛЕНИНГРАДА

ПОЛЕ ТИТОВА

Генкин родной дядя Ваня Страхов вот на этом самом поле встретил из космоса Германа Титова. Гнал коров ранним утром и увидел, что на колхозном поле приземлился космонавт. Дядя Ваня бросил коров и со всех ног помчался к нему. И примчались мальчишки на велосипедах, прибыл народ на тракторах, лошадях и своим ходом. Ребятишек привезли мал мала меньше. Затем прибежала вся деревня Верхний Еруслан. Исторический момент как-никак. Рядом с космонавтом стоял дядя Ваня Страхов, и вся деревня смотрела на него так, будто и он тоже прилетел из далекого космоса вместе с Германом Титовым.

Парашют космонавта на кусочки разрезали и по избам растащили на память. Для внуков и правнуков, которые при этом историческом моменте присутствовать не могли, потому что были очень маленькими, как, например, племянник дяди Вани Страхова — Генка Судаков.

Космонавт Герман Титов попрощался с деревенскими и в Звездный городок уехал, а поле прозвали по-своему просто — Титова. Будто Герман Титов всю жизнь прожил здесь, растил пшеницу, ловил в речке пескарей. Был родной, как березы за околицей.

Весной, когда Генка заканчивал шестой класс и помогал отцу на посевной, они пахали поле Титова, распугивая рокотом трактора важных грачей. Генка так старался, что отец пообещал взять его и на уборочную.

Но настало время, и отец засомневался:

— Невелик ты ростом и трудно тебе станет на комбайне.

Худенькие плечи Генки стали вздрагивать.

— Генк, ты чего? — тронула за плечо мать.

— Обидно! — шмыгнул носом Генка.

— Мальчишка технику любит, — сказала мама отцу. — Ты любовь эту поддерживать должен. А то, когда росту хватит, ты его на трактор не заманишь.

Взял Николай Васильевич Генку.

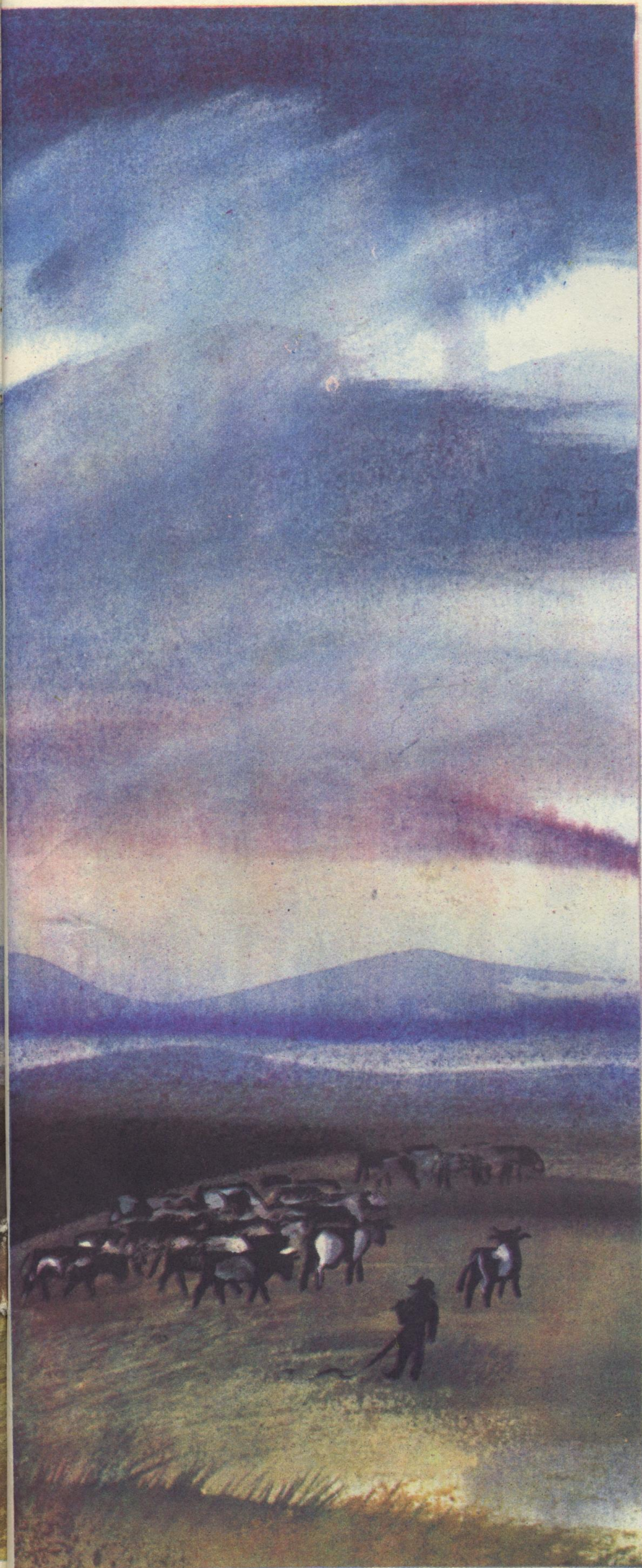
Едут отец и сын Судаковы с поля — только зубы блестят.

Рожь на поле Титова убирал Генка сам. «Вот и мне повезло, — думал. — По справедливости все вышло. Дядя Ваня Германа Титова встречал, а я на поле Титова рожь убирал».

Прибежит он из школы, портфель бросит и к отцу в поле.

Генке хотелось поскорее вырасти и взяться за настоящее дело. Только рос он медленно и на празднике последнего звонка в десятом классе мало был похож на выпускника.

После школы родители собрали Генку и проводили поступать в сельскохозяйственный техникум. Уехал он без особого желания. Вернулся

быстро, после первого экзамена. Сообщил почти радостно, что сделал в сочинении ошибки и получил плохую отметку. Мария Ефимовна сразу поняла сына — боялся остаться без родительского дома, без речки, без поля.

Первого сентября все школьники и студенты начали новую жизнь. А Судаковы у двора глину мяли. Дружно глину мяли и молчали. То и дело мимо соседи проходили. Остановятся, руками разведут:

— Генк, ты ведь на учење ездил, аль не приняли?

Мать молчит. Перед людьми неловко.

— Ах, Генка, Генка... — вздохнул отец. — Вот сомнем глину, избу обмажем, а дальше что?

Геннадий Судаков пошел работать в звено отца. Звено славилось в колхозе. Отец — орденоседец. Люди стали поговаривать: «Что ему за спиной отца! И комбайнером работать можно, не пропадешь...» Ох, и злили Геннадия эти разговоры! При малейшем вмешательстве отца он кричал: «Я сам!»

Однажды отец рассказал матери:

— Смотрю, комбайн у него встал. Я на расстоянии метров так триста. Работаю себе, а сам нет-нет да взгляну. Стоит. Час, другой проходит. Нет, думаю, подойду. Иду через поле медленно, шагов тридцать осталось, бежит: «Папа, не ходи! Я сам! Через пятнадцать минут все будет в порядке!» И через пятнадцать минут комбайн заработал.

Геннадий Судаков понял, что учиться надо. Правы были учителя, что и без физики, и без математики в жизни не обойтись. Вот комбайн «Нива». Хорошая машина. Только вот неудобство какое. Идет «Нива» по полю, колосья срезает, в валки складывает. А обмолачивает потом: зерно — отдельно, солому — отдельно. А если дождь пошел и валки намокли, работа стоит. Пока дождешься, что солнце и ветер валки высушат и молотить можно будет... Попробовал Судаков со своим звеном на нынешней уборке по-другому сделать. Так, чтоб убирать и обмолачивать одновременно. Получилось, только в скорости здорово проиграли. А как сделать, чтоб и быстро и сразу? Тут знания нужны.

Колхоз «40 лет Октября», в котором работает молодой механизатор — прославленный.

Геннадий Судаков возглавил комсомольско-молодежное звено. В звене он и три его друга-одноклассника, а помогают — школьники.

В дни уборочной Геннадий встает рано. Так рано, что еще горят на небосводе звезды, еще спит село Верхний Еруслан, когда идет он на работу.

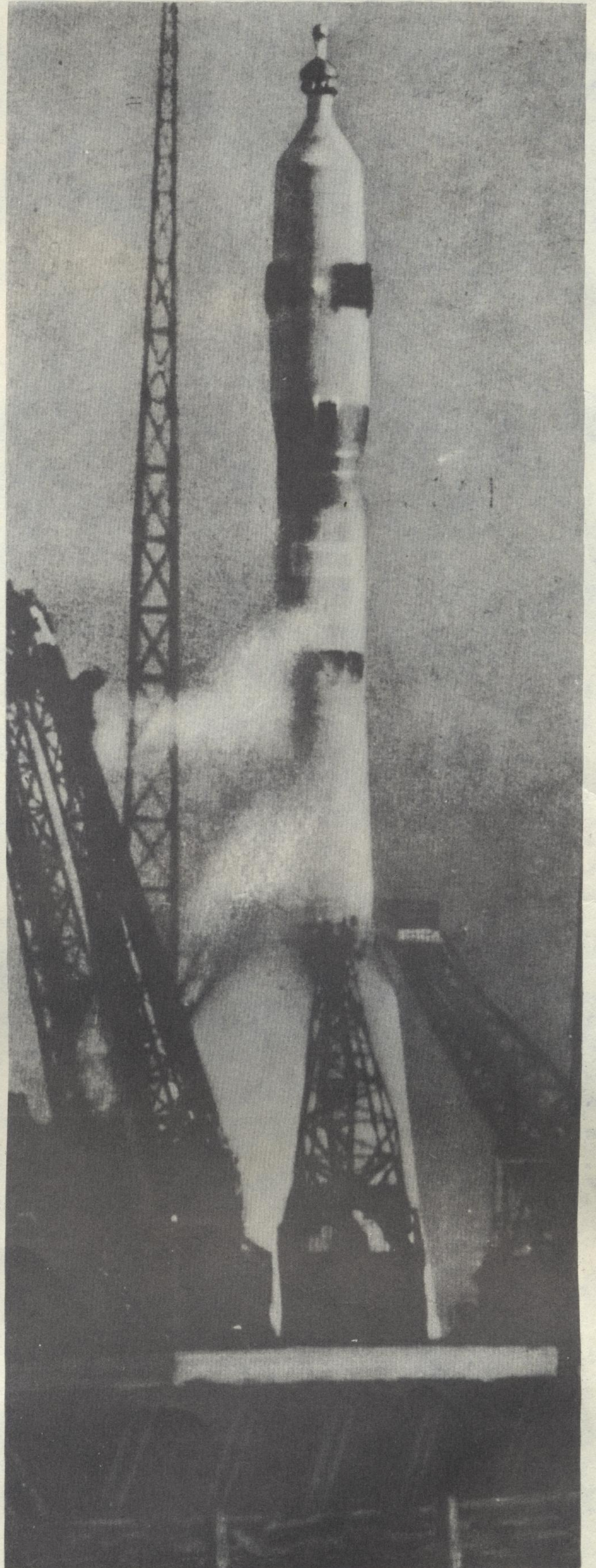
«Очень уж красива она, наша Земля!» — сказал Герман Титов.

«И правда, — размышляет по дороге Судаков, — земля в июле прямо золотая от колосьев. Интересно, видно это из космоса?»

Т. ЧИНАРЕВА

Саратовская область,
Краснокутский район

Рисунок В. Топкова

ТАНЯ

Н. ФЕДОРОВ

РАССКАЗ

Рисунки В. Топкова

Сначала все шло по нашему сценарию. Мы подождали, пока девчонка начнет свою живопись, потом я не спеша вошел в озеро, проплыл метров сорок, пару раз нырнул и, набрав в грудь побольше воздуха, дико закричал:

— Тону-у-у!!!

Генка вскочил с камня и побежал к воде. Но с этого момента события вдруг приняли совершенно неожиданный оборот. Я видел, как вслед за Генкой, сбрасывая на ходу платье, с горы бежала художница! Генка уже проплыл метров десять, когда девчонка еще только вбегала в воду. Но уже через несколько секунд было совершенно ясно, что она первая достигнет утопающего. Девчонка плыла отличным спортивным кролем и буквально за несколько быстрых, отточенных взмахов догнала, а потом и перегнала моего Ихтиандра. Нет, такой поворот действия меня совсем не устраивал. Еще чего! Чтобы меня спасала какая-то пейзажистка! Я помедлил еще немного, а потом, когда девчонка была уже совсем близко, припустил к другому берегу.

— Эй, утопающий! — услышал я за спиной веселый голос. — Куда же ты?

Тут я понял, что продолжать удирать просто глупо, что спектакль провалился и что артистов забросали тухлыми яйцами. Я перестал плыть и повернулся к девчонке.

— А ты хорошо плаваешь.

— Ты тоже, — сказала она, переведя дух. — Но ты же сейчас тонул?

— Кто? Я? Это тебе показалось.

— А зачем ты кричал «тону»?

— Я кричал «ау». Понимаешь: А-У.

— Понимаю. Значит, ты заблудился и кричал «ау».

— Ну, конечно. Сбился с курса и заблудился. Но все равно ты молодец. А также герой и храбрец. Поэтому представляю тебя к награде.

Я подплыл к белой кувшинке и уже было хотел выдрать ее из воды.

— Стой! — вдруг закричала девчонка, да так, что я даже вздрогнул и отдернул руку. — Не трогай ее. Зачем? Она ведь без воды совсем беспомощная.

— Как хочешь, — сказал я, удивившись такой реакции. — Я ж подарить хотел. За спасение утопающего.

— Не надо. Ты можешь просто сказать: дарю тебе эту кувшинку. И я буду знать, что она моя.

— Ну, раз так, то впридачу дарю и озеро. Вместо вазы.

— Спасибо. А знаешь, у кувшинки есть еще и другое название — нимфея. Красиво, правда?

— Ничего. А тебя саму-то как звать, нимфея?

— Меня Таня.

Я посмотрел в сторону берега и поискал глазами моего спасателя. Генка стоял у воды и подавал мне какие-то отчаянные сигналы. Конечно, он не понимал, что происходит, а плыть почти к другому берегу ему было боязно.

— Ну что, гребем назад, а то мой друг совсем уже заскучал.

— Плыви за мной и не глазей по сторонам, — сказала Таня. — А то снова собьешься с курса.

Потом мы все втроем лежали на нашем валуне и отогревались. Солнце на том берегу уже коснулось макушек сосен, с воды потянуло прохладой, но камень был еще теплый и даже казался мягким.

— А все-таки жаль, что ты не тонул, — вдруг задумчиво сказала Таня. — Я когда вас здесь увидела, мне страшно захотелось с вами познакомиться. Я ведь тут совсем никого не знаю. Вот я и думаю: хорошо бы, если бы кто-нибудь из них тонуть начал. Я бы тут же в воду... Так все романтично было бы.

Тут мы с Генкой посмотрели друг на друга, и нас такой смех разобрал, что Таня, наверное, подумала, мы рехнулись.

— Вы чего это?

— Да так, — сказал я. — Анекдот один вспомнили. Про утопающего.

— А как называется это озеро?

— Уловное, — сказал Генка.

— Уловное, — медленно повторила Таня. — Какое хорошее название. А русалки в нем живут?

— Какие там русалки. В нем и рыба-то, похоже, не водится. Представляешь, на шитика даже не берет!

— И правильно делает. Очень ей нужны ваши шитики. А русалки здесь наверняка живут. Посмотрите, сколько вокруг васильков.

— При чем тут васильки? — спросил я.

— Как при чем? Разве вы не знаете?

— Мы не знаем, — сказал я. — Мы с Генкой в ботанике не сильны.

— Тогда слушайте. В древние времена одна молодая русалка полюбила пахаря. А звали того пахаря Василий. Русалка уговаривала его, чтобы он все бросил и шел бы жить к ней в озеро. Но пахарю было жаль расставаться с землей, и он

отказался. Тогда русалка превратила его в цветок и назвала этот цветок васильком.

— Все ясно, — сказал я. — Слышь, Генка, ты поосторожнее с русалками знакомься, а то превратят тебя в какой-нибудь мухомор.

— А ты что, художница? — спросил Генка.

— Художница? — Таня засмеялась. — Ну что ты, нет, конечно. Просто мне нравится рисовать. А чтобы художником быть, надо очень сильно в себя верить. В правоту свою. А я все время сомневаюсь. Вот пишу что-нибудь, и мне постоянно кажется, что самое-то главное от меня ускользает. Я вроде бы и вижу это главное, а схватить ну никак не могу. Хоть плачь!

— Да ты не расстраивайся, — сказал я. — Главное — чтоб похоже было. А остальное все чепуха.

— Ну нет. Похоже — как раз не главное. Знаете: был такой художник Ван Гог. Жил в страшной бедности и все писал, писал. Ну, как одержимый. А за всю жизнь продал одну-единственную картину! Да и то за гроши. Представляете, весь мир в него не верил и считал его картины мазней. А он верил! Один!

— И что потом было? — спросил Генка.

— Потом? Потом люди поняли, что они были неправы. А Ван Гог умер с голоду.

Тут мне ужасно сострить захотелось, сказать, что голодная смерть ей не грозит и что, если ее картины не будут покупать, она может спокойно пойти на ткацкую фабрику и там прилично зарабатывать. Но я посмотрел на Таню и промолчал.

— А вот итальянский скульптор Бенвенуто Челлини любил стрелять из пушки, — вдруг изрек Генка. Он, видимо, долго и мучительно соображал, что бы такое сказать про художников, и теперь с радостью выдал неизвестно откуда всплывшие знания.

Таня засмеялась, а потом сказала:

— Давайте еще раз искупаемся. Хочу посмотреть, как там моя кувшинка.

— Ну, вы купайтесь, а я еще посохну, — сказал Генка. Он уже видел, как плавают Таня, и теперь, наверное, стеснялся показывать свой собачий стиль. Да к тому же побаивался заплывать так далеко.

— Давай наперегонки, — предложила Таня.

— А, давай! — согласился я.

По Генкиному сигналу мы бросились в воду. К счастью, мне удалось опередить Таню на финише, хотя плыл я изо всех сил. «Хорошо, что я ей еще форы не предложил», — подумал я.

— Посмотри, — сказала Таня. — Моя нимфея уже собралась спать. Видишь, лепестки почти закрылись. Обещаешь мне никогда больше не рвать кувшинок?

— Обещаю, — сказал я. — Или нет, даже не так. Торжественно клянусь никогда больше не рвать кувшинок, нимфей, васильков, ромашек, лопухов и прочий растительный мир. Обязуюсь также не обижать русалок, леших, домовых и соловьев-разбойников.

— Я тебе верю, — серьезно сказала Таня и, подплыв к кувшинке, осторожно дотронулась до ее гладких упругих лепестков.

— Ну все, — сказал я. — Плыдем к берегу. А то еще простудишься.

Я посмотрел в сторону берега. Там на камне белела маленькая Генкина фигура.

4.

Таню я не встречал несколько дней. Она не приходила на озеро, не было ее видно и в поселке. Мы с Генкой начали ходить рыбачить на реку, гоняли на велосипедах, до одури играли по вечерам в шахматы на щелбаны и по какому-то молчаливому согласию ни словом не вспоминали о том дне.

Как-то утром Генкина бабушка Анастасия Петровна послала меня в магазин за молоком. У Генки было задание натаскать воды. Я схватил бидон, сел на велосипед и погнал. Проезжая мимо поляны, от которой начиналась дорога на озеро, я увидел Таню. Она сидела на стволе поваленного дерева и читала книгу.

— Привет! — крикнул я. — Что-то тебя не видно было. Я думал, ты уехала.

— Представляешь, — сказала Таня, — я все-таки заболела. Да и не очень сильно, но с моим дедом сопротивление бесполезно: сразу в кровать, малина, горчичники, банки-склянки...

— А пиявок не ставили?

— Нет, до пиявок, слава богу, не дошло.

— Ну, тогда ничего страшного.

Таня поднялась, потрогала звонок на руле моего велосипеда и сказала:

— Я вот тут уже недели две живу и все время чувствую, что чего-то не хватает. А сегодня утром вдруг поняла: не хватает петухов! Ну, что же это за деревня, если там ни один петух не кричит.

— Это верно. С петухами тут напряженно. Да и какая это деревня: тут одни дачники и ни одного местного жителя. Один раз в городе я тоже заболел. А дело зимой было. Сажу дома, книжечки почитываю. Все на работе, тишина кругом. Вдруг слышу — петух кричит. Да так ясно кричит, прямо соловьем разливается. Что, думаю, за бред! Уж не рехнулся ли я на почве гриппа? Это в центре-то города, на одиннадцатом этаже шлакоблочного дома петухи поют? Потом выяснилось, что это один чудак-сосед, писатель, между прочим, магнитофон гонял. У него целая петушинная кассета имеется. Он, когда про деревню пишет, всегда ее включает. Для вдохновения, наверное.

Таня засмеялась:

— А что же он, интересно, слушает, когда про завод сочиняет?

— На этот случай у него циркулярная пила записана. А ты чего читаешь?

— О, книга замечательная. Вот я тебе сейчас кое-что прочту. — Таня полистала книгу и медленно, понизив голос, начала читать: — Возьмите своей крови по весне в пятницу, поставьте сушить ее в печь в маленьком горшочке, добавьте семь листьев оливкового дерева и печень голубки.

Все это разотрите в мелкий порошок и дайте проглотить той особе, любви которой вы желаете. И ежели с первого действия не возымет, повторите то же самое до трех раз. Ну, как, интересно?

— Чепуха. Мракобесие. А ты почему сегодня ничего не рисуешь? То есть нет, прошу прощения, не пишешь?

— Не знаю. Не хочется.

Мы замолчали, а я, совершенно не зная, что говорить, уже поставил ногу на педаль. И тут Таня сказала:

— Сережа, помнишь, тогда, в первый раз, я говорила, что из меня художник не получится.

Потому что я никак не могу самое главное схватить?

— Помню, — сказал я.

— Ну так вот. Мне кажется, я поняла в чем дело. Понимаешь, у меня такое ощущение, что я вижу, как все изменяется, движется... Прямо на глазах. Я вот вижу, как трава растет, как яблоки в саду созревают, как солнце по небу идет, как почки на деревьях весной раскрываются. Я даже вижу, как люди меняются. Вот и ты... Я сейчас смотрю на тебя и вижу, что ты уже другой, не такой, как был тогда на озере.

Таня замолчала, а я почему-то растерялся и вдруг, неожиданно для себя, сказал:

— Хочешь, я прокачу тебя на велосипеде?

— На багажнике?

— Ну, конечно. Мы с Генкой так часто гоняем. Очень удобно, вот увидишь.

— Как здорово! — Таня захлопала в ладоши. — У нас вообще тоже велосипед есть, но дедушка никак не может его починить. А как же твоё молоко? Ведь ты в магазин собрался?

— Ерунда, успею!

Никогда еще дорога к озеру не казалась мне такой короткой. А ведь я совсем не торопился, старательно объезжая каждый корень, каждую ямку. Через несколько минут мы были на берегу. Теплый ветер морщил обычно спокойную гладь воды, и озеро блестело тысячами маленьких зеркал.

— Сережа, — сказала Таня, — я хочу попросить тебя об одной вещи.

— Можешь даже о двух.

— Ты знаешь, мне очень-очень хочется прийти сюда, на это озеро, ночью.

— Ночью? Зачем?

— Ну, как бы тебе объяснить... А ты не будешь смеяться?

— Не буду.

— Сейчас мне вдруг показалось, что когда-то очень давно я здесь жила. Ну, может, сто лет назад, а может, пятьсот. И вот, если прийти сюда лунной ночью, то сразу все вспомнится.

— И что тогда?

— Тогда... Не знаю. Тогда, может быть, я напишу картину, на которой будет всё. Говорят, что каждый художник мечтает написать такую картину, на которой бы было всё... Понимаешь?

— Ладно, давай сходим. В конце концов, должна же ты выяснить, жила ты тут пятьсот лет назад или нет. Правда, с тех пор тут многое могло измениться. Ты это учла?

— А ты сможешь ночью уйти из дома?

— Запросто. Я на веранде сплю. Никто и не заметит, как я выскользну.

— И еще, Сережа: пожалуйста, не говори никому об этом. Пусть все будет тайной.

— Хорошо, не скажу.

И тут, сам не знаю, почему, я сразу про Генку вспомнил. Быть может, впервые в жизни я собирался что-то скрыть от него.

5.

Но той ночью на озеро мы не пошли. К вечеру с залива подул тяжелый, сырой ветер, небо заволкло набухшими тучами и пошел такой неторопливый, но основательный дождь, что, казалось, каждая капля, ударявшая по крыше, злорадно говорила: «Ну, теперь вы у меня посидите, голубчики, помаетесь». Мы с Генкой отыскиали на чердаке подшивку старых журналов «Вокруг света» и, сидя на веранде, листали их взад-вперед. Ни говорить, ни играть в «балду» уже не хотелось. И только запах клубничного варенья, которое Анастасия Петровна варила на кухне, не давал помереть от тоски. На цветных фотографиях журналов полуголые белозубые негры под палящим

тропическим солнцем собирали урожай кокосовых орехов, плавали в пирогах по теплым голубым рекам. Африканские слоны, спасаясь от жары, обливали себя водой из хоботов, а за стеклами нашей веранды все шел и шел нескончаемый серый дождь. Я проклинал погоду, и временами у меня даже появлялось желание выйти на улицу, залезть на ближайшую сосну и начать дуть в небо, чтобы разогнать ненавистные облака.

Лишь на четвертый день сквозь разрывы туч показалось солнце. Облака посветлели, засеребрились и, словно решив, что дело свое они добросовестно сделали, дружно понеслись за горизонт. Я схватил ведро, надел резиновые сапоги и побежал на колонку за водой. Нет, совсем не потому, что колонка находилась рядом с домом, где жила Таня. Просто в одном из ведер и вправду почти кончилась вода.

Таня в длинном, до земли, наверное, дедушкином плаще стояла у калитки возле своего дома и, задрав голову, смотрела в небо.

— Привет! — крикнул я и, повесив ведро на «нос» трубы, нажал рычаг. — Ну, кажется, все. Чувствуешь, как припекает. А то мы с Генкой уже подумывали, что начался период муссонных дождей. Как в Гваделупе.

— Я как раз тебя поджидала, — сказала Таня.

— Откуда ты знала, что у нас вода кончится? Таня улыбнулась.

— Я этого не знала. Просто мне очень захотелось, чтобы наконец перестал этот противный дождь, чтоб засветило солнце. Тогда я надела этот волшебный плащ, вышла из дома и стала смотреть в небо. Долго-долго смотрела, не мигая. И тучи не выдержали. Видишь, как они улепетывают.

— Да, ты их здорово напугала. А что ты еще можешь?

— Так тебе все и расскажи. Это тайна. Вот послушай лучше:

*В этом домике колдунья
До меня жила одна:
Тень ее еще видна
Накануне новолунья.
Тень ее еще стоит
У высокого порога,
И уклончиво и строго
На меня она глядит.
Я сама не из таких,
Кто чужим подвластен чарам,
Я сама... Но, впрочем, даром
Тайн не выдаю своих.*

Таня закончила читать стихотворение, а потом сразу и вдруг спросила:

— Так мы идем сегодня? Или ты передумал?

— А чего? Можно сходить, — сказал я. — Погода нормальная. Я с собой фонарик возьму. Правда, батареи уже подсели, но ничего, светит пока. А во сколько пойдем?

— Давай в двенадцать. Как только часы на башне пробьют полночь, мы и отправимся.

— На какой башне?

— Все равно. На какой-нибудь. Не могут же люди, в самом деле, жить без петухов и без башен.

6.

Уже давно посапывал на своем диванчике ничего не подозревавший Генка, уже Анастасия Петровна перестала греметь кастрюлями и мисками и погасила свет, а я неподвижно лежал на раскладушке, и сна у меня не было ни в одном глазу. Время от времени я доставал из-под подушки фонарик и освещал им будильник, стоявший рядом на стуле. И если бы не его громкое, барабанное тиканье, я бы ни за что не поверил, что стрелки движутся, а не стоят на месте.

Без пятнадцати двенадцать я тихо, стараясь не скрипеть, встал, оделся и неслышно выскользнул в уже заранее приоткрытое окно. Через три минуты я был на поляне. С поляны, которая находилась на горушке, был виден почти весь поселок. Кое-где еще горел свет, слышалась далекая музыка и собачий лай. А за спиной у меня черной глухой стеной стоял лес. Я осветил фонариком в сторону, откуда начиналась дорога на озеро, но слабый луч беспомощно ткнулся в плотную, густую темень.

— Сережа, ты здесь? — услышал я приглушенный голос Тани.

— Здесь, — ответил я, с трудом различая смутный силуэт Таниной фигуры.

— Еле ушла, — сказала она, подходя. — Представляешь, дедушка на ночь глядя ступеньки на крыльце начал менять... А темно-то как, Сережа! В городе никогда такой темноты не бывает. А тут у нее даже цвет какой-то особенный. Вишневый, что ли.

— Ну, пошли. Или подождем боя часов на башне? — бодро сказал я.

— А вот как раз они бьют, — ответила Таня. — Слышишь?

Мы вошли в лес. Казалось, там было еще темнее и тише. Свет фонаря едва освещал дорогу под самыми нашими ногами, и приходилось все время смотреть вниз, чтобы не спотыкаться о корни и не ступать в лужи, которых после дождя полно было.

— Сережа, ты не боишься? — шепотом спросила Таня.

— Еще чего! — нарочито громко ответил я. — Да я по этой дороге с закрытыми глазами ходить могу. А у нас фонарик. Батарейки, конечно, не ахти, но светит же...

И только я это сказал, как со всего хода зацепился ногой за упругий корень и плюхнулся на землю. Фонарь выскочил у меня из рук и погас.

— Сережа, ты где? — испуганно спросила Таня

— Да тут я, упал. А теперь вот фонарь не могу найти.

Когда я наконец отыскал фонарь в мокрой придорожной траве, он оказался испорченным. Сколько я его ни тряс и ни крутил, он не желал загораться.

— Ну, что же ты молчишь? — спросила Таня.

— Я не молчу.

— А почему не говоришь ничего? Я же тебя не вижу.

— Я говорю. Фонарь вот, проклятье, испортился. Лампочка, наверное, встряхнулась.

— Что же делать?

Тут я подумал, что неплохо бы и вернуться, потому что идти без света в такой темноте казалось невозможным. Я молчал, бессмысленно тряс в руках фонарь и не зная, на что решиться. Постепенно глаза привыкли к темноте, и я стал различать чуть желтеющую дорогу, идущую на подъем.

— Без паники, — сказал я. — И так дойдем. Теперь уже близко.

— А мы не заблудимся?

— Не бойся. Дорога сама нас к озеру выведет.

— Можно я возьму тебя за руку?

Таня протянула мне сухую, горячую ладонь, и мы пошли дальше. К счастью, сквозь деревья на дорогу стал пробиваться слабый лунный свет, а с неба исчезли последние облака, и появились звезды.

Скоро подъем стал круче, и через несколько минут перед нами открылось озеро.

В первый момент мне почудилось, что это не наше, а какое-то совершенно другое, незнакомое озеро. Лунный свет до краев заливал неподвижную гладь воды и, казалось, озеро превратилось в огромное серебряное зеркало, в которое с молчаливым любопытством глядели притихшие сосны. В застывшем, густо усыпанном звездами небе луна горела так ярко и была такой огромной, что, казалось, стоило забраться на вершину высокого дерева и, протянув руку, можно будет дотронуться до ее прохладной поверхности.

Мы спустились к берегу и присели на наш камень, который сверху походил на большого дремлющего кота.

— Как здорово! — восторженно прошептала Таня. — А тихо как! Слышишь? Только зеркало зеркалу снится, тишина тишину сторожит... Ну, теперь-то веришь?

— Теперь верю, — сказал я. — А во что?

— Ну, в то, что здесь русалки живут?

— Ясное дело, живут. Они и рыбу-то всю съели.

— Неправда. Русалки рыбу не едят.

— А что они едят?

— Разве ты не знаешь? Русалки едят яблоки.

Таня встала, подошла к озеру и, присев, опустила руку в серебристую воду.

— Ты знаешь, — не оборачиваясь, сказала она, — иногда я почему-то жалею, что по луне люди ходили и всякие вездеходы ездили. Однажды я даже придумала для себя, что на небе две луны существуют. На одну ракеты летают, спутники вокруг вертятся, ее сверлят, кирками по ней бьют, фотографируют. Ну, в общем, покоряют. А на другой, на той, которая людям ночами светит, никто никогда не бывал и побывать не сможет. — Таня помолчала, а потом добавила: — Вообще, будь моя воля, я бы записала луну в «красную» книгу.

— Чудик ты, — сказал я. — Тебя бы саму в «красную» книгу записать.

— Папа тоже говорит, что я ненормальная. Поехали в прошлом году в Москву. Зашли в Третьяковку. Я там встала около одной картины и отойти не могу. А потом вдруг реветь начала. Стою и реву, как дура. И сама не знаю, почему. Все решили, что я заболела.

— А как называлась эта картина?

— «Оттепель». И ничего вроде бы особенного. Поле, дорога размытая, избушка-развалюха с крышей под снегом. А на дороге две крохотные фигурки: старик вроде бы и рядом мальчонка маленький. И все какое-то желтое, тревожное... Ни за что бы эту картину у себя дома не повесила.

— Почему? Разве она плохая?

— Дело не в этом. Картина прекрасная. Но смотреть на нее невозможно. Больно как-то. А вообще, если честно, не хотела бы художником быть.

— А кем?

— Ведьмой. Построила бы себе здесь, на озере избушку, собирала бы всякие волшебные травы и варила бы из них приворотные зелья. Знаешь, что это такое?

— Знаю, — сказал я. — Наркотики вроде какие-то.

— Дурачок ты, — засмеялась Таня. — Никакие это не наркотики. Вот захочу я, к примеру, чтобы ты в меня влюбился. Соберу лунной ночью волшебных трав и корней, наварю из них приворотного зелья и дам тебе выпить.

Таня сложила ладони ковшиком, зачерпнула из озера и медленно, чтобы не расплескать, подошла ко мне:

— Пей.

Я наклонился и осторожно дотронулся губами до воды, в которой плавали лунные, серебряные искорки.

7.

Леха Камнев был добрый парень, ничего не скажешь. Когда родители купили ему мопед «Рига-12», он не стал важничать и задирать нос, а честно и по справедливости давал прокатиться всем ребятам. Мопед с диким ревом и вонью носился по поселку, осыпаясь проклятьями дачников.

В тот день мы с ребятами сидели на бревне возле Лешкиного забора и болтали о том о сем.

На мопеде поехал Генка, а моя очередь была как раз после него.

— Леха, а сколько у твоего кубиков? — спросил Славик.

— Да полста всего, — ответил Леха. — Конечно, это не «Ява», и не «Иж-Юпитер», но шестьдесят по хорошему асфальту он запросто делает. А как в гору прет — ну, зверь! Движок у него супер — приемистый.

— У моего дядьки на Украине «Цундап» с коляской, — сказал Никита. — Довоенный еще. Дядька его после войны из реки вытащил. Вот это, скажу, машина! К нему в коляску двести кирпичей положишь — и вперед! Хоть на Эверест. У него даже задняя передача есть, представляете!?

— Ну и что, — сказал я. — У нашего «Днепра» тоже задняя передача.

— Не, мужики, — сказал Славик, — что ни говорите, а лучше «Хонды» сейчас мотоцикла нет. У него один движок чего стоит — больше семисот кубиков. А скорость — двести. Вообще, у японцев сейчас самая крутая техника.

И в это время появилась Таня. Ребята замолчали, с любопытством поглядывая на ее приближение. А у меня почему-то сразу вспотели ладони, а в ногах появилась противная слабость.

— Серый, уж не по твою ли это душу, — небрежно проговорил Никита. — Говорят, ты ей красочки растираешь, когда она батальные сцены пишет.

— Да помолчи ты, чучело, — огрызнулся я.

— Все, все, умолкаю. Я ж понимаю, дело, так сказать, сугубо личное и тэ дэ...

— Здравствуй, Сережа, — приветливо сказала Таня, подходя.

— А, привет, — небрежно бросил я, будто только ее заметил. — Ну, где там Генка? Небось, паразит, на станцию погнал. — До чего же гнусным и фальшивым показался мне собственный голос. Но Таня, будто ничего не заметив, весело сказала:

— Знаешь, дедушка починил наш старый велосипед. Пойдем кататься. Сегодня такой вечер замечательный. Тепло. И потом... Я хотела тебе что-то показать.

Как мне хотелось в тот момент вскочить и сказать, что да, конечно, я согласен, что я жутко люблю кататься на велосипеде и что мы домчим с ней до озера в пять минут! Но я посмотрел на молчаливо ухмыляющихся ребят и словно прирос к проклятому бревну. Я ненавидел себя в эти секунды. Отвратительно чужим голосом я сказал:

— Да не, неохота. Сейчас моя очередь на мопеде ехать. А на велосипеде как-нибудь в другой раз.

Ребята одобрительно заржали.

— Правильно, Серый! — снова вылез Никита. — Крутить педали — работа для дураков. А мы уж лучше на моторе. С ветерком!

Тогда Таня повернулась и быстро, не оглядываясь, стала уходить. И дорога, по которой она

уходила, стала вдруг мутной и зыбкой, словно погруженная в толщу воды.

Через несколько минут подкатил сияющий Генка.

— Ну, машина! Высший класс! Давай, Серега, гони. Только не газуй зря сильно. Она и так прет, будь здоров.

Я вскочил в седло и помчался по поселку. Я долго кружил по пыльным узким улицам в надежде встретить Таню. Но ее нигде не было. «Ладно, ничего, — говорил я сам себе. — Встану завтра утречком пораньше, пойду к ней, и все образуется. Все будет хорошо, все обязательно будет хорошо». Именно так я и думал, с ревом несясь по ухабистой дороге. Но на душе было тоскливо.

Утром, когда Генка еще спал, а Анастасия Петровна едва начала варить манную кашу, я выскочил из дома. Всю дорогу я бежал, хотя сам же твердил себе: «Ну куда ты несешься. Ведь спят же еще люди. Наверняка спят».

В саду возле дома, у кустов красной смородины, с корзинкой, привязанной к поясу, стоял Танин дедушка. Он неторопливо срывал спелые рубиновые гроздья и что-то недовольно бормотал себе под нос.

— Здравствуйте! — громко крикнул я. — А Таня уже проснулась?

— Таня? — старик обернулся и удивленно на меня посмотрел. — Опоздал, сынок. Уехала Таня.

— Как уехала?! — закричал я, не поверив своим ушам.

— Да так вот, уехала. Сегодня рано утром с первой электричкой покатали. Путевку, видишь ли, им семейную дали. В эту, как ее, Ег... Ел... в Елгаву. Тьфу ты, господи, и не выговоришь. Будто ребенку здесь с дедом, с бабкой плохо. Нет, им обязательно Прибалтику подавай. А я так скажу, у нас ничуть не хуже ихней Прибалтики. Тут и ягоды свои, и яблоки вот-вот поспеют. Оно, конечно, с базара за большие деньги все вкуснее кажется...

Я не дослушал старика, повернулся и пошел прочь.

— Эй, паренек, стой! — крикнул мне вслед старик. — Тебя часом не Сергеем зовут?

— Сергеем, — ответил я и замер.

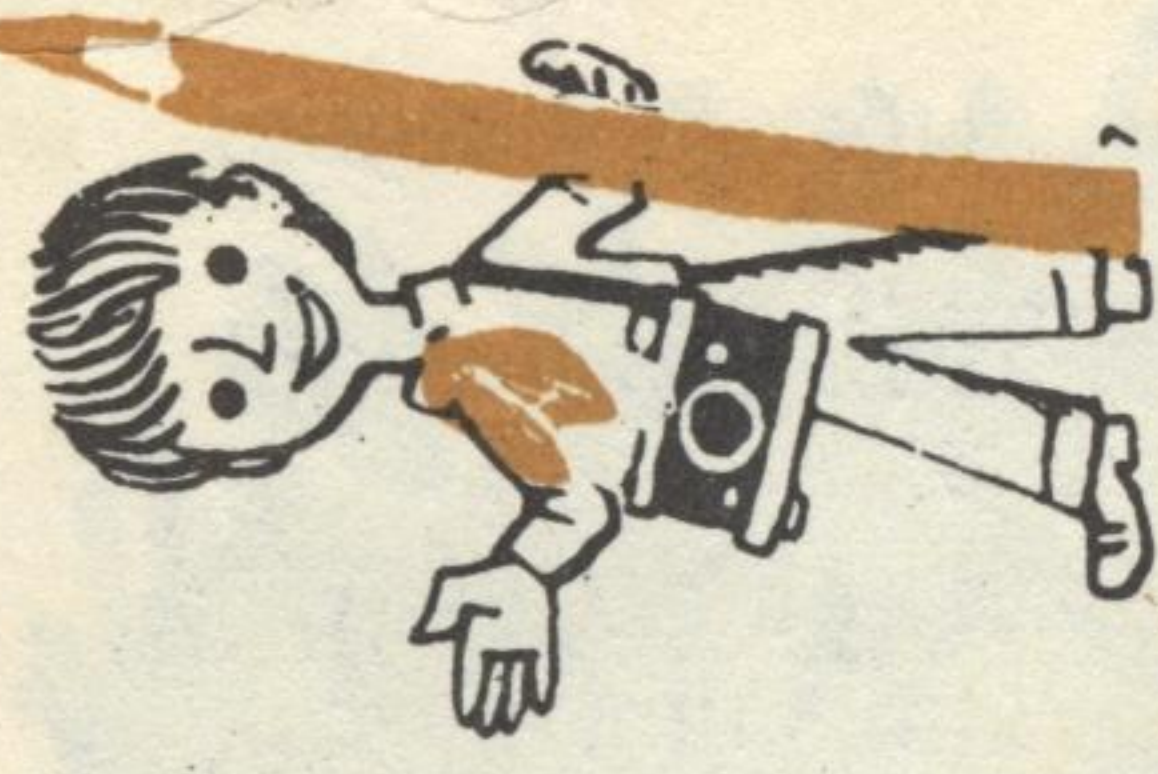
— Тогда погоди. Таня тут кое-что передать тебе велела. — Старик вошел в дом и вскоре вышел, держа в руках плоский, размером с портфель, пакет.

— Держи.

Я схватил пакет и, даже позабыв поблагодарить старика, побежал на поляну. На ту поляну, откуда начиналась дорога на озеро. Там я сел на поваленную сосну и долго не решался развернуть бумагу. Наконец я набрался духу и открыл пакет. В нем лежала картина. На темно-вишневом небе застыла огромная зеленая луна. Внизу, под горкой, словно волшебное зеркало, серебрилось маленькое лесное озеро, похожее на запятую. А на берегу возле камня, напоминавшего дремлющего кота, виднелись две крохотные фигурки.

БАБАНА

Мы дружной ленинской смелой!

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

ВСЕМ!
ВСЕМ!
ВСЕМ!

Что будет, если в твоей дружине прозвучит сигнал тревоги?

Как пионерскому отряду стать дружным, самостоятельным, боевым!

Такие вопросы были подняты ребятами в прошлом номере.

Бьет «Барабан» — и на его зов откликаются во всех уголках страны.

Сегодня дежурные барабанщики на нашем сборе — юнкоры пионерско-комсомольского пресс-центра «Всадники» Свердловска: Юра Салтанов, Слава Шатун, Аня Гуца, Стас Белоголазов.

Репортаж со сбора читайте на странице 13.

ПЯТИЛЕТКА В КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

На субботнике

К субботнику по сбору металлолома наш отряд готовился заранее. Сперва ходили на разведку и выяснили, где будем собирать. И на субботнике мы уже не искали металлолом, а носили его в одну кучу. Получилось так много, что пришлось вызывать второй трактор. На одном было не увезти!

Олег Долотов,
село Абрамово
Новосибирской области

Начали операцию «Добрые книги — детскому дому!» Собрали более 50 книг. Операция продолжается.

Совет дружины школы № 5,
Карпинск
Свердловской области

В совхозе «Восход» нашу бригаду знают. И когда мы опять к ним приехали, директор совхоза был очень доволен. И мы опять не подкачали. Мы пропололи 12 гектаров сои, 5 гектаров декоративных деревьев и 7 гектаров цветов. Лучше всех работали пионеры Лена Архирий и Аня Лазарюк, Света Морару и Таня Попович, Ваня Ангелуце и Коля Уреке.

Сильва Чобану,
Унгены
Молдавской ССР

У НАС В ГОСТЯХ

Ленинградские пионеры
Сергея Рыбов
и Андрей Рыбаков

Андрей и Сережа спасли жизнь человека. Это произошло так. Гуляли они возле железной дороги и увидели, как по шпалам идет пожилая женщина. А в это время из-за леса появился пассажирский поезд. Андрей и Сережа закричали, чтобы она сошла с пути.

ПРИГЛАШАЕМ К РАЗГОВОРУ

Где лучше всего
провести
сбор звена?

Этот вопрос «Барабан» задал пионерам отряда «Орленок» школы № 40 города Тулы. Вот что они ответили:

Люба Рудяк: «Почему-то считается, — сборы надо проводить в пионерской комнате или в классе. А я думаю, лучше всего собираться у кого-нибудь дома. Почему? Да потому, что тогда участниками сбора могут стать родители, старшие братья и сестры. И, значит, можно узнать много нового».

Володя Медведев: «Я тоже так думаю. Однажды мы собрались у меня дома. Всех волновал вопрос: будет у нас стенгазета или нет. Все горячились, что-то доказывали. И вдруг мой папа говорит: «А ведь я когда-то был в отряде редактором». И помог нам выпустить первый номер газеты».

Оля Ситникова: «Мама нашей звеньевой Иры Самохиной работает врачом. Она пришла к нам на сбор и рассказала о своей профессии. Всем было очень интересно. Мы поняли, какая это трудная и ответственная работа».

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Дорогой «Барабан»! В № 1 журнала «Костер» я прочитал заметку «Часовые Ленина» — о Эдуардасе Юргайтисе и Эдуардсе Звиргздыньше. Когда я ее прочитал, я очень обрадовался. Эдуардас Юргайтис — мой прадедушка! Мама гово-

рила: «Эдуардас Карлович был очень скромным человеком». И я думаю, что эту историю помнят только в нашей семье.

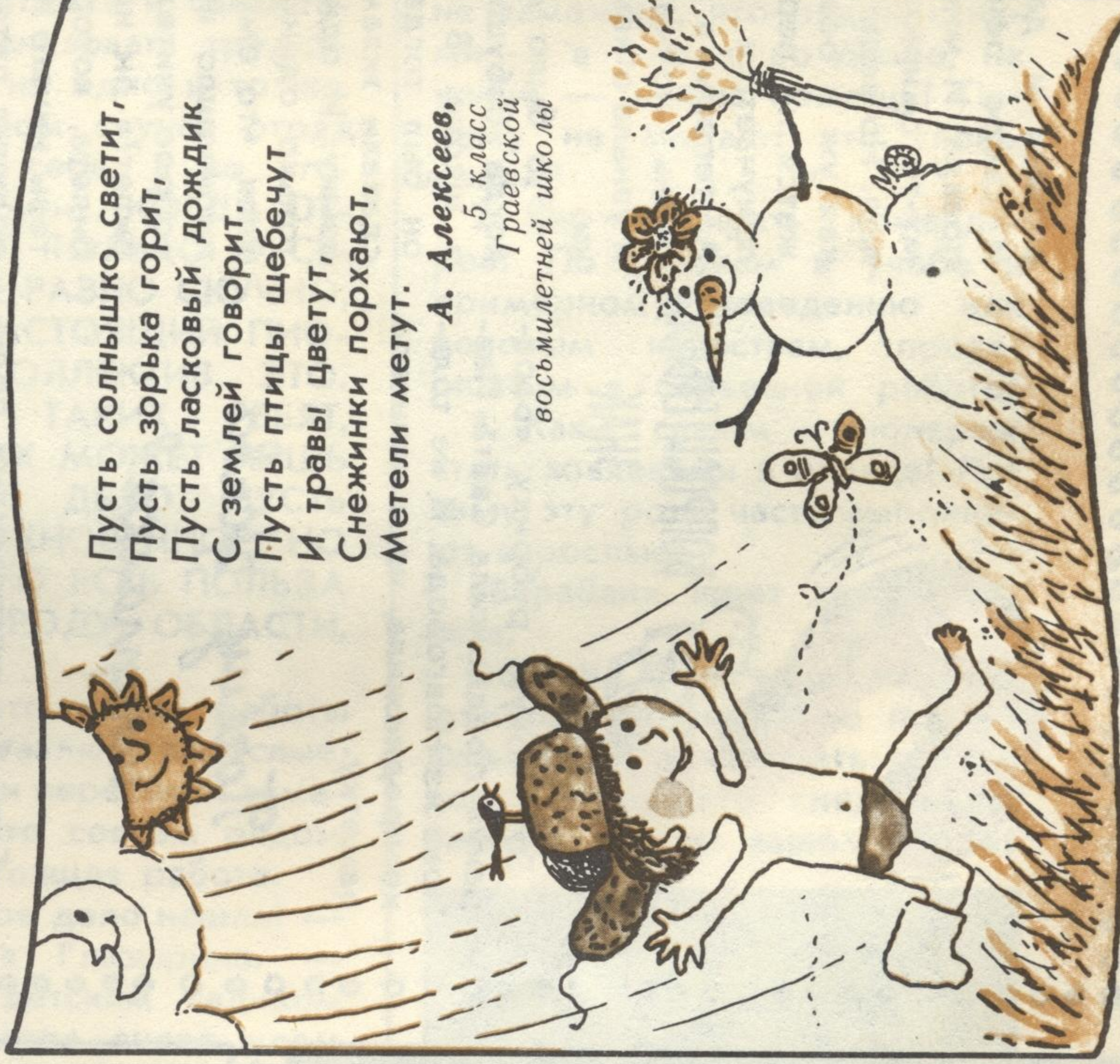
Янис Зиединь,
5 класс,
колхоз «Виениба»
Елгавского района
Латвийской ССР

«СЛЕВА ДРУГ, СПРАВА ДРУГ»

Так называется книга, которую готовит к печати Ставропольское краевое издательство. Ее авторы — юные поэты и журналисты, художники и фотографы. Вот страничка из этой книги.

Пусть солнышко светит,
Пусть зорька горит,
Пусть ласковый дождик
С землей говорит.
Пусть птицы щебечут
И травы цветут,
Снежинки порхают,
Метели метут.

А. Алексеев,
5 класс
Граевской
восьмилетней школы

Но женщина продолжала идти и вдруг упала. Перед самым поездом они успели оттащить ее в сторону. Женщина была без сознания. А навстречу, уже по другому пути, двигался товарный. И тогда они сняли галстуки и стали махать, чтобы он остановился. В кабине машиниста женщину довели до станции Удельная. Там ее ждала «скорая помощь», а машинист Владимир Николаевич Сорокин записал фамилии ребят. Он же и сообщил «Барабану» об этом случае.

Пионеры Сережа Рябов (7 класс, школа № 57) и Андрей Рыбаков (6 класс, школа № 58) награждены Почетными грамотами журнала «Костер».

Новая сказка

Это было три года назад. К нам в школу пришел известный писатель Джанни Родари: он тогда отдыхал в нашей стране.

Джанни Родари предложил нам игру:

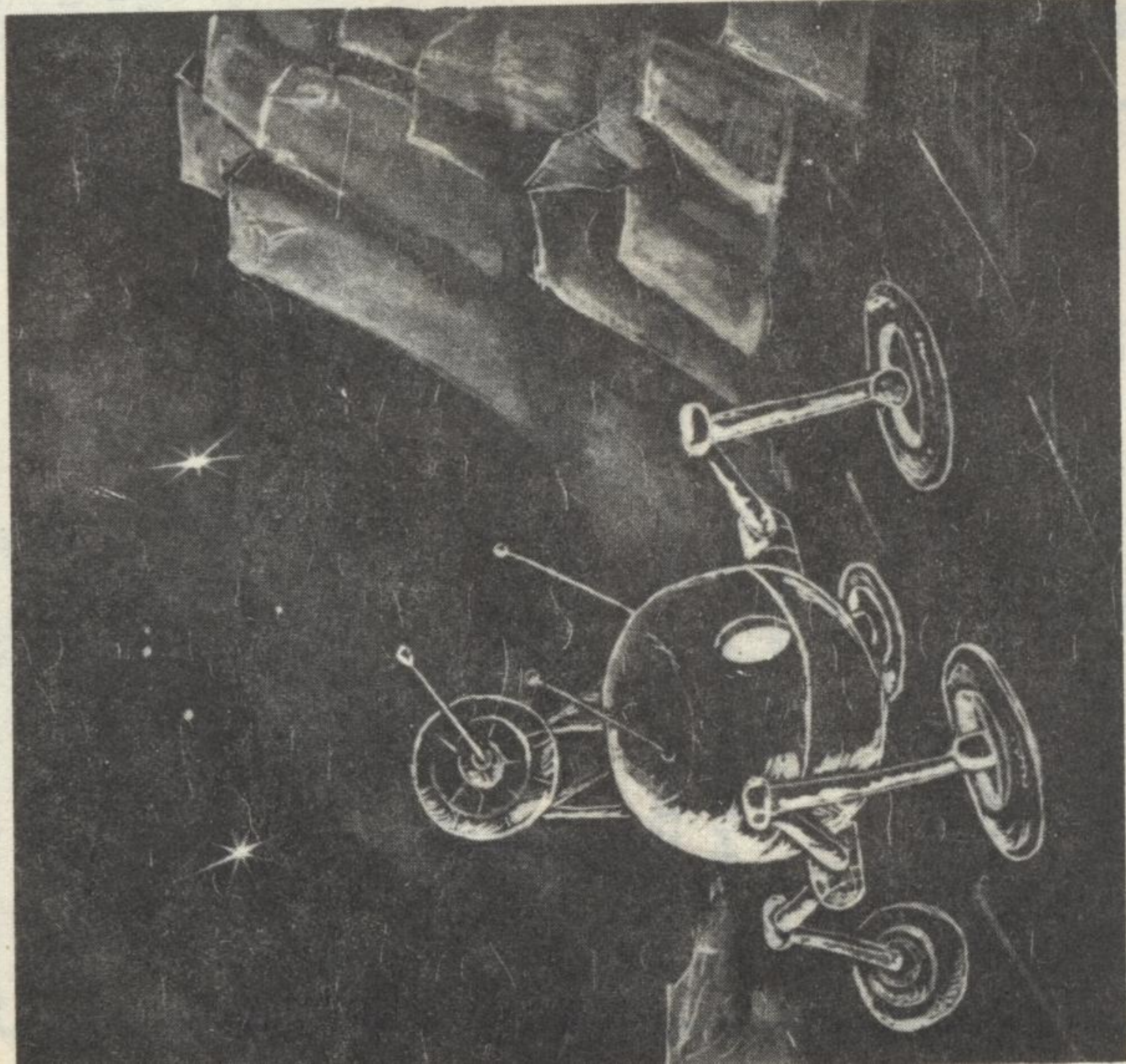
— Давайте в старую сказку о Красной Шапочке внесем современный транспорт.

Мы стали предлагать: «Самолет!», «Вертолет!», «Электровоз!». А одна девочка очень захотела, чтобы в сказке была карусель.

После этого вместе с Джанни Родари мы сочинили новую «Красную Шапочку». И нам она очень понравилась.

М. Иналова,
4 класс школы № 4,
Пятигорск

ЧУЖАЯ ПЛАНЕТА, Сережа Чанцев, Калуга

О НАШЕЙ СТОЛОВОЙ

Наша школа расположена за Полярным кругом, в древнем русском селении Кола. Я очень люблю историю и особенно рассказы о тех, кто оседал Колу и плывал отсюда в Ледовитый океан. Но мне хочется рассказать тебе не о всем селении и даже не о всей школе, а о ее столовой. В ней на стене висит вымпел: «Лучшей школьной столовой». Здесь вкусно готовят обеды, иногда бывает оленина. А осенью дают бруснику и чернику, которую мы собираем в нашей тундре. На стене в столовой висят плакаты: «Няnek у нас нет! Убери за собой посуду». «У народа есть слова — хлеб всей жизни голова».

Ирина Пивкина,
5 класс,
школа № 1, Кола

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

Эту новую рубрику «Барбану» предложила Света Павлова из Новгорода. И не только предложила, но и написала заметку.

Почему жрива шпаргалка?

Если бы шпаргалками пользовались только в нашем 7-б, было бы легче. А то как получается? Начинаешь стыдиться лодыря, а тебе в ответ: «Ты — что? Разве двойка лучше? Думаешь, в 7-а без шпаргалок учатся? Да они есть во всех

школах и даже институтах!» И самое печальное, что это правда. И многие с ней поему-то смирились, даже взрослые. Но ведь шпаргалка не такая уж и безобидная, как кажется на первый взгляд. Она приучает к лени и обману. А теперь я хочу рассказать очень поучительный случай. Я узнала о нем от своей бабушки.

Это было много лет назад, когда бабушка сама училась в школе. В седьмом классе, он был тогда выпускной, они сдавали экзамен по русскому языку. И один ученик выучил только один билет. Он надеялся, что ему повезет. Но все произошло иначе. И тогда на вопрос учителя: «Какой у тебя билет?» он назвал номер того билета, который выучил. Учитель ничего не заметил, и он получил пятерку. А когда вышел из класса и хотел свой билет выбросить в окно, ребята увидели и возмутились. Прошли годы. Этот ученик уже давно стал взрослым. Но бабушка говорит, что ему до сих пор стыдно!

«Все прекрасно переплелось: болота, поляны, деревья, леса и горы».

Прислал
Коля Гетманский,
пос. Гашунский
Ростовской области

Строчки
из
Сочинения!

«Саша Бадун положил за пазуху трофейный карабин и сани с лодью».

Прислал
Радмир Ахметсафин,
Тольятти

Неожиданное происшествие случилось через двадцать минут после того, как шестиклассники заговорили о самостоятельности. Как на уроке, отчитывались о проведенном вечере отдыха, конкурсах песни, о поездках на турбазу. Вроде бы интересно, а в глазах у ребят — скука.

Тут открылась дверь, и вошла озабоченная женщина, спросила:

— Ребята, не поможете? Я из детсада № 74. Двор очистить надо, а то малышам негде играть.

Дело было еще тогда, когда кругом лежал снег.

...Откроем секрет. Это был эксперимент: мы решили отряду дать возможность проверить свою самостоятельность не на словах, а на деле.

...Вопрос, где достать орудия труда, решился быстро. Шестиклассники отправили делегацию к завхозу и вскоре появились с железными лопатами.

Игровая площадка детского сада оказалась небольшой, и ребята принялись за работу. Нам, юнкорам, тоже не хотелось стоять просто так, но лопат не хватало самим шестиклассникам, и они сгребали снег по очереди. То и дело слышалось:

— Ну, дай лопату! Ведь ты уже пять минут работаешь!

Впрочем, так держали себя не все. Участие Сережи Чистякова ограничивалось советами. Его умение говорить мы уже заметили. Зато незаметный во время сбора в классе Андрей Баталов трудился добросовестно и деловито.

Можно было бы занять всех. Например, ребята долго гадали, куда убирать снег. А ведь можно было сделать из него горку, сказочный городок — вот бы малыши обрадовались. Но ответственный за трудовой сектор Вадик Канишевич растерялся. Инициативу проявили другие. Юля Глазырина и Наташа Чиркова побежали к ближайшему магазину за ящиком, а Наташа Глухих и Жанна Ахтиарова — в чей-то дом

за лопатой. Деревянная лопата гребла чище, в ящике носили снег — и работа закипела.

Через полтора часа ребята очистили площадку. ОКАЗЫВАЕТСЯ, НАСТОЯЩЕЕ ПИОНЕРСКОЕ ДЕЛО СПОСОБНО ПОКАЗАТЬ, КТО ЧЕГО СТОИТ. НЕЗАМЕТНЫЕ РЕБЯТА НЕОЖИДАННО ОКАЗАЛИСЬ В ПЕРВЫХ РЯДАХ, А ЛЮБИТЕЛИ ПОГОВОРИТЬ — НАОБОРОТ. ВО ВРЕМЯ СЕРЬЕЗНОЙ РАБОТЫ СРАЗУ ОБНАРУЖИЛОСЬ, ЧТО НАСТОЯЩИЙ КОМАНДИР ТОТ, ЗА КЕМ ПОЙДЕТ ЗВЕНО, ОТРЯД, КТО СУМЕЕТ ОРГАНИЗОВАТЬ ВСЕХ.

Когда мы с шестиклассниками подводили итоги, то сделали еще одно важное открытие: самостоятельно подготовить вечер отдыха и самостоятельно организовать труддесант — это не одно и то же. Ведь в первом случае отряд заботится о себе, а во втором — о других. КОГДА ОТРЯД ДУМАЕТ ТОЛЬКО О СЕБЕ, ЕМУ ВСЕ РАВНО СКУЧНО, ДА И НЕ НАСТОЯЩИЙ ПИОНЕРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ ЭТО. РАЗБУДИТЬ ТАКИХ РЕБЯТ, СПЛОТИТЬ ИХ МОЖЕТ ЛИШЬ ПИОНЕРСКОЕ ДЕЛО. ПУСТЬ САМОЕ ОБЫКНОВЕННОЕ, НО ОТ КОТОРОГО ЕСТЬ ПОЛЬЗА ЛЮДЯМ, ГОРОДУ, ОБЛАСТИ, СТРАНЕ.

Очень часто планы работы за ребят составляют взрослые, вот пионеры и перестают замечать сами, что совсем рядом их ждет настоящая работа.

— Мы такое дело нашли! — сказала Юля Глазырина. — Берем над детским садиком шефство. Завтра снова идем туда, снежный городок сделаем. Надо же исправлять ошибки.

— Конкурс на лучшую игрушку объявим в отряде и сделаем малышам подарок.

— Разведчиков надо выбрать! Разведчиков пионерских дел! И карту трудовых объектов составить.

А может, очень скоро каждый из шестиклассников станет таким разведчиком? Если не сможет сам сделать нужное дело, то позовет на помощь

звено, не справится звено — придет на помощь весь отряд. Так и станет он боевым, самостоятельным!

ТВОЕ МНЕНИЕ, ТОВАРИЦ?

1. Почему пионеры часто не замечают, что рядом с ними — в школе, во дворе, на улице — нужна помощь? Почему не считают это своим делом?

2. Как выбирать командиров? По успехам в учебе и примерному поведению или деловым качествам, проверенным в серьезной работе?

3. Как самим пионерам стать хозяевами в отряде? Почему эту роль часто выполняют взрослые?

«Барабан» ждет твоего ответа.

Обратил ли ты внимание, что юнкоры стараются не просто дать совет, а испытать его на деле? И так, кто следующим берет слово на нашем сборе?

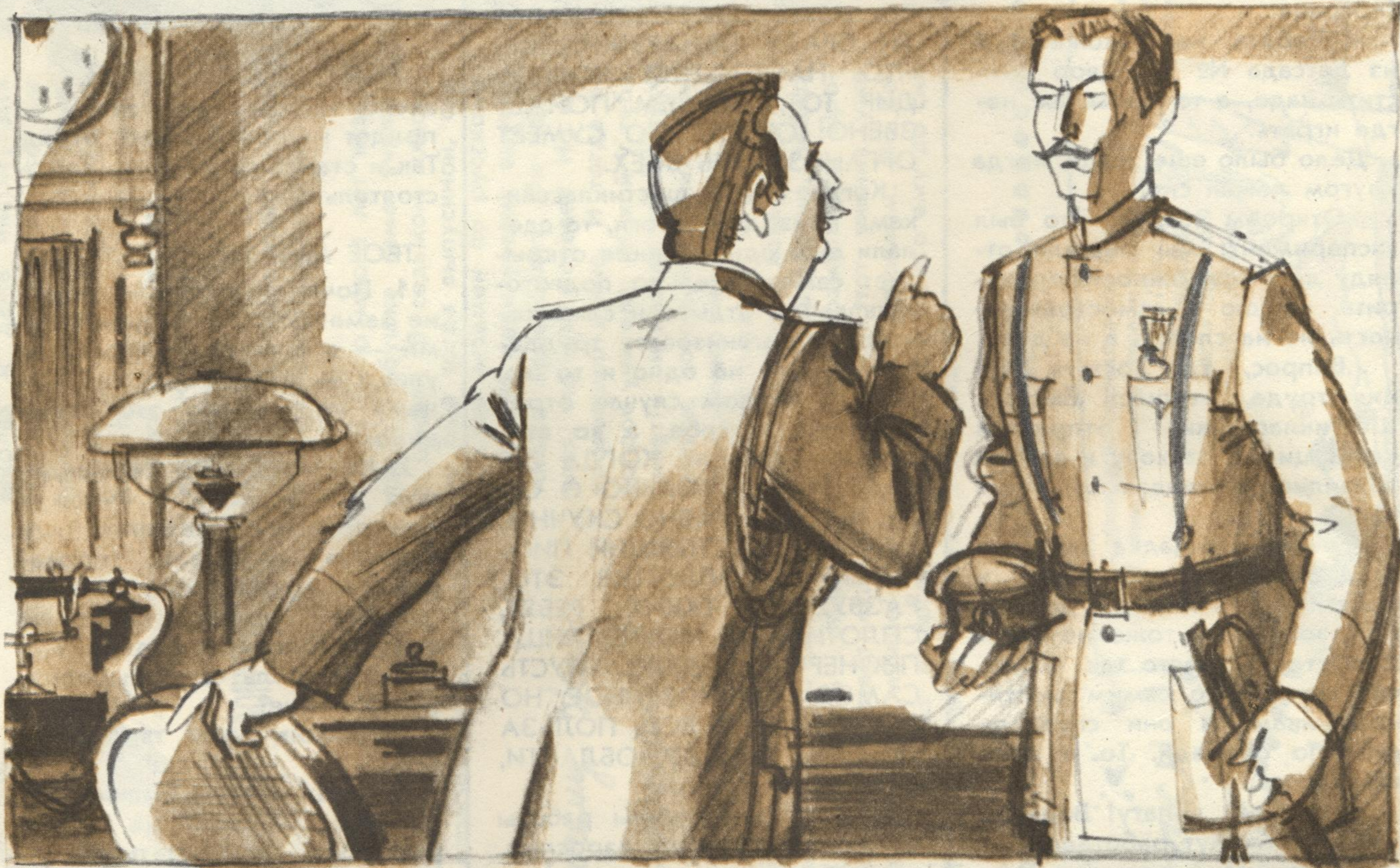

МЕНЯ ЗОВУТ ИВАНОВЫМ

А. ЗВЕРИНЦЕВ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки А. Борисенко

В ШТАБЕ ОКРУГА

Большие бронзовые часы в кабинете командующего Петроградским военным округом генерала Половцева пробили восемь. И как только замер звук последнего удара, на пороге кабинета возник адъютант. Щелкнув каблуками, он доложил, что вызванный командующим офицер контрразведки ожидает в приемной.

Половцев закрыл большую темно-вишневую папку с золотым тисненым орлом, поправил черкеску:

— Просите.

Вошел подтянутый, коротко стриженный, немолодой подполковник и замер, слегка наклонив голову.

— Прошу, — кивнул Половцев, указывая

взглядом на кресло возле своего роскошного письменного стола.

Подполковник мягко прошел по ковру и сел, скрипнув ремнями. На генерала пахнуло одеколоном.

Половцев разглядывал офицера. Чуть тронутые сединой виски. Серебристая щеточка усов. Красивое лицо слегка портил небольшой шрам над левой бровью.

Командующий получил от Временного правительства новое поручение. Арестовать Ленина! Для этого Половцев и пригласил в кабинет опытного офицера контрразведки.

Командующий пересек кабинет и остановился в двух шагах от офицера. Тот вскочил и вытянулся в струнку.

— Господин подполковник, — сказал гене-

рал, — вам поручается задание чрезвычайной важности и секретности: арестовать и доставить в штаб округа известного большевистского вождя Ленина.

На лице офицера не отразилось ни особой радости за оказанное доверие, ни особой досады из-за сложности поставленной командующим задачи.

— Есть ли какие-либо данные о местонахождении большевистского вождя? — спросил он.

— Данных, увы, мало. По одним сведениям — Ленин скрывается у моряков в Кронштадте. По другим — на Сестрорецком оружейном заводе. И это, к сожалению, все, чем мы сегодня располагаем.

— Газеты пишут, что он в Швеции, в Германии, — начал было подполковник...

Но Половцев перебил его.

— Врут ваши газеты... Вы что, разве не видите, что он чуть ли не ежедневно печатает статьи в большевистских листках, которые они выпускают вместо «Правды». Нет, он здесь! Он где-то здесь! Ищите. Переверните все вверх дном, но найдите! Вы же контрразведка, черт побери!

БЕРГ, ГОРСКИЙ, ОН ЖЕ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ШОТМАН

Помахивая тростью, Александр Васильевич Шотман неспешно шел по Бассейной. Он знал здесь одну парикмахерскую, где можно было раздобыть парики. Еще неделю назад с этим добром не было никаких хлопот: плати деньги и бери — хочешь напрокат, хочешь насовсем. А нынче — стоп! Охранка Временного правительства наложила лапу. Теперь парики только по документу.

Документ у Шотмана был. На бланке Финляндской железной дороги значилось, что подателю сего Александру Васильевичу Шотману поручается приобрести парики для театрального кружка железнодорожников. Все чин по чину.

С такой бумагой в руках Александр Васильевич был уверен, что все пройдет хорошо и парики будут доставлены на место в самый короткий срок. Дело не терпело отлагательств.

Недавно Шотман встретился с рабочим Сестрорецкого оружейного завода Емельяновым, и тот между прочим рассказал, что на днях в домике на берегу озера недалеко от завода поселились двое подозрительных дачников. Якобы два брата, бывшие офицеры. Самое настораживающее — ищут знакомства с рабочими. Спрашивается, зачем это дачникам? Да еще бывшим офицерам!

— Поручи кому-нибудь присмотреть за этими молодцами, — посоветовал Шотман. — В общем, их надо взять под контроль. И надо поторопиться с документом.

— Документ готов. Дело за фотографией, — ответил Емельянов.

В парикмахерской Шотман спросил хозяина. Но, оказалось, хозяин работал в зале вместе с мастерами.

Александру Васильевичу пришлось подождать. Шотман погрузился в глубокое кресло и стал смотреть, как ловко орудуют ножницами мастера.

Неожиданно его внимание привлекла лежащая на небольшом круглом столике газета. Шотман, не вставая, дотянулся до газеты и принялся ее просматривать. Взгляд его наткнулся на заметку, в которой сообщалось, что балтийские моряки скрывают Ленина на линкоре «Заря Свободы». Шотман швырнул газету обратно на круглый столик. Сколько всякой чепухи про большевиков, про Ленина писали буржуазные газеты!

Болтовня газет болтовней, однако Александр Васильевич чувствовал: кольцо вокруг вождя сжимается все плотнее и плотнее. Это понимал Центральный Комитет партии, уже принявший решение о переправке Ленина через границу в Финляндию.

Несколько дней назад Шотман и его товарищ Эйно Рахья отправились на поиски «окна» через финскую границу. Шотмана и Рахью больше всего интересовало, насколько тщательно занимаются проверкой документов финские пограничники. Можно ли будет провести Владимира Ильича через кордон с пропуском на чужое имя.

Александр Васильевич Шотман и Эйно Рахья — оба финны по национальности — имели подлинные документы. И всякий раз, как они выходили на пограничников, им устраивали такую тщательную проверку, что нельзя было и думать вести Ленина этим путем. Сейчас спешно разрабатывали новый вариант отправки вождя за границу.

Приветливо распрощавшись с клиентом, высоким рыжеволосым человеком в военном френче, хозяин любезно пригласил Шотмана осмотреть выставку париков.

— Вам для каких ролей? — осведомился хозяин. Он раскрыл шкаф со стеклянными створками, и Шотман увидел множество париков.

— Здесь, — показал на одну полку хозяин парикмахерской, — для шекспировских пьес. А здесь для спектаклей по Островскому — русские типы середины прошлого века.

У Александра Васильевича прямо глаза разбежались. Перебрав с десятков, он выбрал для вида пять париков и среди них два неброских с короткими, темными, зачесанными на лоб волосами.

— Всего-то, — разочарованно протянул хозяин. — А я-то думал, вы сделаете настоящую покупку...

Шотман равнодушно пожал плечами. Он достал ходатайство Финляндской железной дороги и вместе с деньгами протянул хозяину.

— Заверните, пожалуйста.

У ОЗЕРА

Дмитрий Ильич Лещенко проснулся от того, что кто-то пытался вытащить у него из-под головы подушку.

В сумрачном свете петроградской ночи, проникавшем в окно, он увидел возле кровати четыре молчаливые фигуры. Двое, похоже, были военные, с ними дворник и один в штатском.

— Мы вас не разбудили? — спросил штатский и засмеялся.

Дворник тоже хихикнул.

«По-видимому, они боялись, что у меня под подушкой наган», — подумал Лещенко и, пытаясь попасть в тон непрошеным гостям, сказал:

— А что? Разве уже пора вставать, господа?

— А они шутники-с, — кивая на Лещенко, высунулся перед военными дворник. — Все флаги на демонстрацию носили-с.

— Чем все-таки обязан, господа? — уже совсем приходя в себя, спросил Лещенко. — Может быть, вы позволите мне одеться наконец?

— Сдайте оружие и одевайтесь, — хмуро сказал военный.

Дмитрий Ильич оделся, прикрыл кровать одеялом.

— Итак, я к вашим услугам.

— Приступайте, — кивнул спутникам хмурый военный, тот самый, который требовал сдать оружие.

— У вас, конечно же, ордер на обыск имеется? — поинтересовался Лещенко, лихорадочно соображая, что могут у него обнаружить эти господа.

— Есть, — охотно отозвался мрачный военный. — Хочешь посмотреть?

Он поднес к носу Лещенко вороненое дуло нагана.

— Взгляни, подписи все на месте? — сказал он. — И печать. Гербовая.

Но Дмитрию Ильичу было не до его мрачных шуток. Краем глаза — в комнате уже вовсю горел свет — он увидел лежащий на диване сверток. Тот самый, что передал ему Шотман. Захватив фотоаппарат и этот сверток, Лещенко должен был сегодня ехать вместе с Шотманом в Разлив. Александр Васильевич будет ждать его в девять вечера на Приморском вокзале.

Член партии большевиков, Дмитрий Ильич Лещенко считался отличным конспиратором. Еще в годы первой русской революции он по поручению партии прятал Ленина на разных нелегальных квартирах. Уводил из-под носа охранки. А теперь вот, кажется, попал, как кур в ощиц...

На пол летели книги по химии, истории искусств, нотные тетради.

— Вы, я вижу, и химик, и музыкант, и художник, — продолжал военный. — Как я понимаю, картины на стене тоже вашей работы?

Действительно, Дмитрий Ильич любил писать маслом. На стене висело несколько сравнительно недавних его работ.

— Не забудьте еще, что я и учитель, — добавил Лещенко. — Вон там, на полке, можете посмотреть в большой папке с тесемками плоды преподавательских трудов.

Пока внимание всей братии было приковано к папке, Дмитрий Ильич незаметно приблизился к дивану и плотно уселся на мягкий сверток.

Как ни нелепо это выглядело, содержание папки — там были выполненные нерадивыми учениками контурные карты — страшно заинтересовало военных.

— Не странно ли, что по контурам на всех картах Германия. Вот — Германия. И это — Германия. И опять Германия.

— Уж не по этим ли картам пробирался из Германии в Россию ваш Ленин? Ведь вы, как я понимаю, с Лениным знакомы, гражданин Лещенко? — заметил штатский.

— Так это было когда, — прикидываясь протачком, развел руками Дмитрий Ильич. — Это было несколько лет назад. Теперь Ленин — вождь. А я кто? Неудавшийся учитель. Теперь наши пути-дороги разошлись...

Под утро «гости» ушли, составив протокол и прихватив с собой карты и некоторые книги с заметками на полях.

И вскоре Шотман и Лещенко, не доезжая до Сестрорецка, сошли на небольшой платформе. Вместе с ними вышло еще четверо пассажиров. Три женщины, которые вряд ли представляли опасность, и подозрительный старик с плетеной кошелкой. Старик медленно шел по платформе, останавливался, подолгу стоял, кашляя, — все старался пропустить Шотмана и Лещенко вперед. Да не тут-то было.

Александр Васильевич вытащил из бокового кармана завернутую в оранжевую бумажку немислимых размеров сигару, аккуратно обрезал ножичком конец и долго, ломая спички, как это случается с пьяным человеком, раскуривал ее, чертыхаясь.

Пока продолжался спектакль с сигарой, пассажиры и настырный старикан спустились с платформы и растворились в темной зелени улиц.

Пустынными переулками Шотман привел Лещенко на берег большого, теряющегося в сумрачной дали, озера. Приятная свежесть исходила от темной спокойной воды.

— Одну минуту, — сказал Шотман. — Я сейчас.

Он нырнул в кусты и исчез.

Лещенко поставил свой докторский саквояжик

на прибрежный песок и, отмахиваясь от комаров сломанной веткой, наслаждался ночной прохладой, как всякий изголодавшийся по природе горожанин. «Чудесные места, — восхищенно думал Дмитрий Ильич, — вот бы здесь поплавать, позагорать хоть недельку». И он старался вдохнуть в себя побольше чистого, смешанного с запахами хвои озерного воздуха.

За спиной слышались шаги, и Лещенко увидел Шотмана, а с ним невысокого парнишку, который держал в руках весла и удочки: Паренек был бос. Штаны подвернуты почти до колен. Через плечо — холщовая сумка, из которой высывалось горлышко наполненной молоком бутылки.

— Знакомьтесь, это Коля, — сказал Шотман. — Завтра утром он привезет вас обратно.

Паренек протянул Дмитрию Ильичу удочки.

— Спасибо, — сказал Лещенко, понимая, что это для конспирации, — я сейчас.

Он нагнулся и подвернул себе брюки, почти так же, как у Коли. В одну руку взял саквояж, в другую — удочки:

— Я готов!

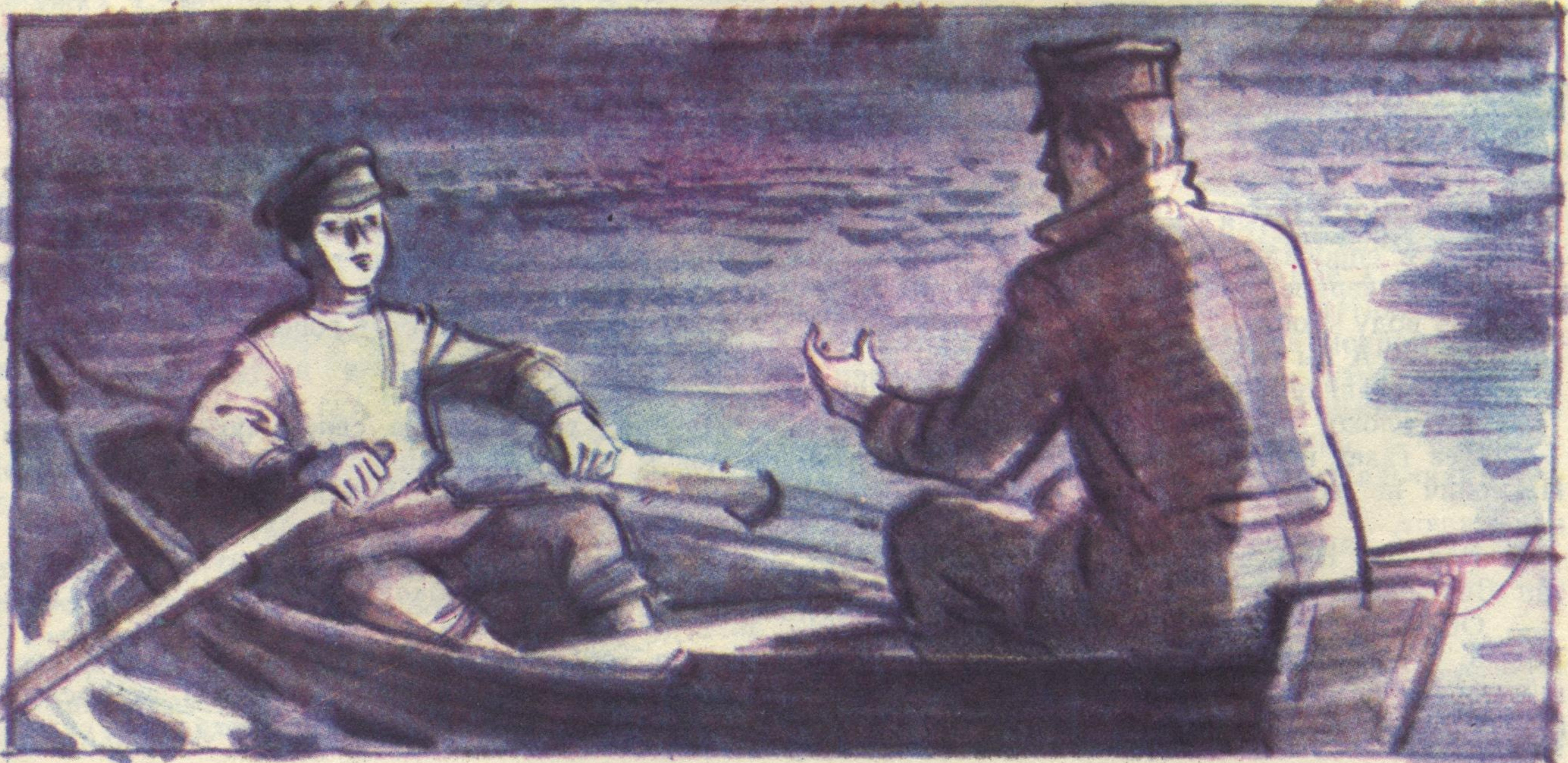
Пройдя сквозь кусты, все трое очутились у выткнутой наполовину на песок лодки.

Дмитрий Ильич поставил саквояж на скамью, уложил удочки и попытался спихнуть лодку в воду. Ничего не получилось. Лодка точно вросла в песок.

— Что вы, что вы, — засмеялся Коля. — Так не надо. Забирайтесь на корму.

Лещенко послушно влез в лодку, неуверенно опустился на скамью. И сразу почувствовал, как корма погрузилась в воду, а нос лодки приподнялся. Коля положил в лодку весла, взялся за нос и без видимых усилий спихнул лодку в воду.

— Жду вас утром с уловом, — помахал рукой Шотман.

Дмитрий Ильич попробовал было встать, чтобы перейти на среднюю скамью и сесть за весла, но Коля не позволил.

— Как же вы найдете дорогу? — спросил он. — У нас так не полагается. Я всех вожу сам.

Коля ловко вставил весла в уключины и почти без всплесков, ровными махами погнал лодку.

— А как же ты дорогу находишь? — поинтересовался Лещенко. Вокруг ничего, кроме темной воды, больше не было видно. Только сумрачное ночное небо над головой.

— У меня примет много, — сказал Коля. — Когда звезды, когда облака, когда ветер. Я еще спиной могу чувствовать, — после некоторого раздумья добавил он. — Гребешь, гребешь, а сзади будто кто шепчет: нажми правым веслом, еще — правым... Ни разу не ошибался. Я люблю туда ездить.

«Какой интересный мальчик», — подумал Лещенко и спросил:

— Ты, наверное, плаваешь хорошо?

— Я воду люблю, — сказал Коля и вдруг спросил: — А вы газеты везете?

— Нет, не везу, а что? — удивился Лещенко.

— Это плохо, — опечалился искренне Коля. — Туда без газет никто не приезжает. Константин Петрович не любит, когда без газет из Питера приезжают.

— Вот как! Ну я это учту на будущее, — сказал Лещенко.

— Обязательно учтите, — посоветовал Коля. — Только я все равно этого не понимаю, зачем им нужны эти газеты, в которых ругают большевиков.

— Я так думаю, — начал Лещенко объяснять. — Большевикам, чтобы бороться со своими врагами, надо знать их мысли и планы. Как иначе узнаешь, какую новую пакость враги готовят народу? В газетах они и выбалтывают о своих намерениях. По газетам можно понять, кто стоит за большевиков, а кто против. А это очень важно знать, кто тебе друг, на кого можно положиться.

— Так я примерно и думал, — согласился Коля и неожиданно добавил: — Мы с ним друзья... Жалко будет, когда он уедет. — И, помолчав, печально сказал: — Чует мое сердце, что вот-вот уедет.

Скоро по бортам жестко застучали камыши, запахло костром. Еще несколько гребков веслами, и лодка мягко ткнулась в травянистый берег.

Лещенко и Коля втащили лодку подальше на берег, чтобы ее ночью не унесло в озеро. Весла Коля спрятал в кустах.

— Идемте, — сказал Коля, вытирая мокрые ладони о штаны. — Вон костерок, видите? Там и есть.

Вокруг было непроницаемо тихо. Коля говорил шепотом. Впереди безмолвно светил огонек костра.

Когда подошли поближе, Дмитрий Ильич увидел сидящего у костра на березовой чурке человека в накинутом на плечи пальто. Кончиком ветки он сосредоточенно выкапывал что-то из горячей золы. У Дмитрия Ильича отлегло от сердца. Это был Ленин.

Неожиданно Коля остановился и три раза гавкнул. Лещенко показалось, что паренек сделал это с каким-то нарочитым озорством.

Владимир Ильич поднял голову и с самым серьезным видом, глядя в темноту, спросил:

— Кто здесь?

— Ученая ищейка Треф! — нутряным голосом прорычал Коля и залился счастливым смехом. Так же заразительно смеялся и Владимир Ильич. Лещенко догадался, что это у них игра в ученую собаку Треф, которая по сообщениям газет давно уже разыскивает скрывающегося вождя большевиков.

Ленин протянул руку Лещенко.

— Ну, здравствуйте, Дмитрий Ильич. И давайте присаживайтесь. По русскому обычаю с дороги необходимо подкрепиться.

Ленин выкопал из золы печеную картофелину, схватил ее и стал на нее дуть, перебрасывая с ладони на ладонь. Очистив горелую корочку, протянул Коле.

— Угощайся.

Паренек вытащил из своей сумы бутылку с молоком и протянул Ленину.

— Это вам мамка прислала.

— Скажи маме огромное спасибо, — Владимир Ильич взял бутылку, заткнутую выструганной деревянной пробкой, повертел в руках, не зная, куда поставить, поставил в траву.

Коля тем временем принес откуда-то охапку хвороста и понемногу подбрасывал в костер. Красный огонек затрепетал, забегал по сухим

смолистым веткам, костер загудел, стал постреливать огоньками. Сразу сделалось уютнее, спокойнее, веселее.

Поужинали печеной картошкой и молоком. Посидели молча. Потом Коля нехотя полез в шалаш спать. Лещенко и Владимир Ильич остались вдвоем.

— Теперь рассказывайте. И в первую очередь: что делается на съезде?

Ленин тяжело переживал, что из-за организованной Временным правительством травли не может присутствовать на проходившем в Питере VI съезде партии. Из всех партийных съездов до сих пор ему не удалось присутствовать на I съезде — тогда он был за тысячи километров, в Шушенском, и на VI. Съезд проходил всего в 34 километрах от Разлива. И хотя делегаты не видели Ленина — все знали: Владимир Ильич руководит съездом. Почти ежедневно из шалаша на Выборгскую сторону, в дом 37 по Большому Сампсониевскому проспекту доставлялись ленинские письма, статьи, записки. Мысли, предложения вождя легли в основу решения VI съезда партии: начать подготовку к вооруженному восстанию.

Они проговорили всю ночь.

Когда взошло солнце и стало совсем светло, Дмитрий Ильич вынул из саквояжа оба парика.

— Попробуйте, который будет лучше смотреться.

Брюнетом Владимир Ильич стать не захотел.

— А шатен из меня получится отменный, — сказал он, примеряя парик и пристраивая сверху кепку.

Лещенко поправил волосы на лбу, чуть приподнял козырек кепки. Отошел. Откинул голову назад, как бы любуясь своей работой.

— Вот так! — воскликнул он. — Просто замечательно! Не узнает ни одна душа!

— Позвольте, позвольте, — запротестовал Ленин. — Как это не узнает? Если я не буду похож на себя, то любой стражник, проверяющий документ, фотографию, тотчас же упрячет меня в каталажку. С другой стороны, у вас действительно задача: стражник никак не должен опознать по фотографии Ленина... Что же это получается, батенька?.. Путаница какая-то.

Ленин махнул рукой.

— Это ваша задача, вот и разбирайтесь кто на кого должен походить: я на фотографию или фотография на меня... Снимайте и дело с концом.

Лещенко еще раз поправил волосы на лбу, чуть приподнял козырек кепки. Достал из саквояжа фотоаппарат и сделал несколько снимков.

После завтрака Коля отвез Дмитрия Ильича Лещенко в Разлив. Оттуда на поезде Лещенко возвратился в Питер.

Вместе с негативами, которые необходимо было срочно проявить и отпечатать, он привез новую ленинскую статью и передал ее в секретариат VI съезда.

В тот же вечер фотография была отпечатана. Шотман отвез ее в Разлив и передал Николаю Александровичу Емельянову — отцу Коли.

МЕНЯ ЗОВУТ ИВАНОВЫМ

Емельянов и вручил Ленину документ, который должен был теперь удостоверить его личность.

Уже одна обложка документа должна была внушать доверие к его владельцу. На ней красовался двуглавый державный орел с короной — символ самодержавия. Внутри, слева, была вклеена фотография владельца документа — та самая, которую недавно изготовил Дмитрий Ильич Лещенко, а справа указывалось, что владельцем документа является Константин Петрович Иванов.

— Замечательно! — сказал Владимир Ильич, закончив осмотр документа, и протянул Емельянову руку. — Ну что ж, давайте знакомиться. Меня зовут Иванов Константин Петрович.

Емельянов пожал руку.

— Николай Александрович Емельянов.

Ленин опять взглянул на документ и засмеялся.

— Нет, какой молодец Дмитрий Ильич, — восхищенно сказал он, рассматривая фотографию. — Это я и не я... Неужели это на самом деле я?

Сели завтракать. Емельянов развернул полотенце, в котором были хлеб, крутые яйца, огурцы, вареный картофель... Пили чай из жестяных кружек.

— Так я, значит, Иванов? — спросил Ленин за чаем. — Очень хорошо... Фрей, Мейер, Иорданов... и вот теперь гражданин Российской республики Иванов Константин Петрович... Как вы думаете, Николай Александрович, когда я вновь буду Ульяновым?

— Я так думаю, Владимир Ильич, что никогда, — сказал Емельянов. — Вы для всех Ленин. Лениным и останетесь. Нельзя вам быть не Лениным.

— Вот как! — удивился Владимир Ильич. — Никогда не думал об этом. Возможно, вы правы.

К вечеру Коля привез Шотмана и с ним плотного человека в рабочей спецовке — Эйно Рахью.

— Вот вам и настоящие финны приехали, — кивнул на прибывших Емельянов.

— Товарищ Шотман и товарищ Рахья, — обратился Владимир Ильич к приехавшим. — Прошу запомнить: меня зовут Ивановым. Иванов Константин Петрович.

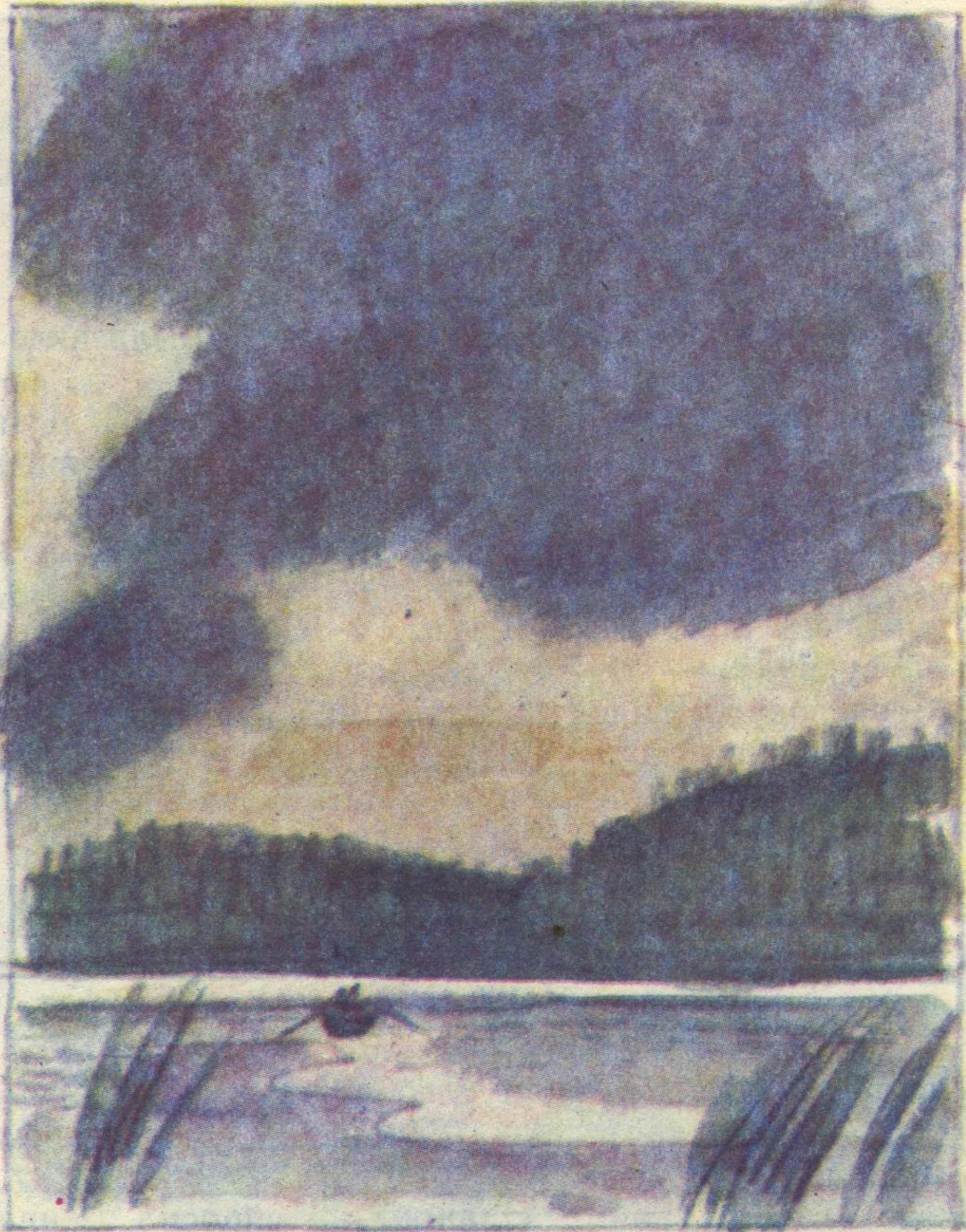
Стали носить вещи в лодку. Старые одеяла, топор, косы, посуду, удочки. Небо опять нахмурилось. Вот-вот пойдет дождь. Все как-то приуныли. Даже Владимир Ильич не шутил. У Коли, так у того с утра глаза были на мокром месте. На прощанье он подарил Ленину связку собственноручно пойманной и высушенной рыбы.

— Зальете водой, добавьте пшена, — посоветовал он. — Отличный суп будет. Пальчики оближете.

— А что, — сказал Ленин, обнимая парнишку за плечи. — Попробуем с пшеном... Так, говоришь, отличный суп будет?

Коля грустно кивнул головой.

Озеро было беспокойно. По берегу местами собралась грязная пена, ветер рвал ее, гонял по траве, развешивал по кустам.

— Не бойшься? — спросил мальчика Ленин, когда они были почти на середине. — Смотри-ка, как разыгралось!

— Я люблю ветер, — сказал Коля. — Помните, как вы мне рассказывали про морскую птицу, которая не боится бури? Все прячутся от ветра и молний. А буревестник носится над седым от пены морем и кричит: «Пусть сильнее грянет буря!»

— Запомнил! — удивился Ленин. — Вот молодец!

Прощаясь, Владимир Ильич потрепал паренька по вихрастой голове:

— Низкий от меня поклон твоей маме, Надежде Кондратьевне. Не знаю, что бы я делал без ее забот.

И Ленин пожал маленькую, горячую Колину руку.

— Увидимся еще, — сказал Коля.

— Абсолютно уверен в этом, — подтвердил Владимир Ильич.

Коля забрался в лодку. Емельянов спихнул ее в воду, мальчик взмахнул веслами... Второй взмах, третий, четвертый... Лодка медленно удалялась от берега навстречу ветру, волнам, дождю.

Емельянов, Шотман, Рахья и Ленин шли по тропинке, удаляясь от озера. Шли молча. Каждый был погружен в свои думы.

Владимир Ильич чувствовал себя бодрым, хорошо отдохнувшим, жаждавшим активной деятельности. Дни в шалаше не прошли напрасно. Значительно продвинулась работа над книгой «Государство и революция», написано семь статей, проекты решений VI съезда партии, который даст мощный толчок рабочему движению, нацелит партию на восстание. Ни в коем случае нельзя откладывать вопрос о восстании. Время пришло.

Ленин на минуту замедлил шаги, достал из кармана врученный ему Емельяновым документ.

Документ был действителен до первого января 1918 года.

— Пожалуй, с этим мандатом мы сможем расстаться значительно раньше...

После долгих блужданий, — в лесу горел торф, — они вместо ожидаемой станции Левашово вышли к Дибунам. Емельянов и Шотман растерялись. Это никак не входило в планы. Если Левашово было обыкновенной станцией, то Дибуны — это уже приграничный населенный пункт. Здесь куда больше шансов нарваться на вооруженный патруль.

В кустах возле перрона стали совещаться. Решили: Ленин и Рахья останутся в укрытии, а Шотман с его представительной внешностью и Емельянов как местный житель пройдут в вокзальное помещение и прояснят обстановку.

Выйдя на платформу, Шотман и Емельянов решили для начала посидеть на скамейке. Осмотреться.

Платформа была пустынна. Только в самом начале, там, где останавливается первый вагон, стояли какие-то люди.

С масленкой и длинным молоточком в руках, позевывая, шел железнодорожный рабочий.

— Скажи, друг, — обратился к нему Емельянов, — когда будет поезд на Питер?

— Поезд будет минут через пятнадцать, — сказал рабочий. — Учтите, последний поезд.

Рабочий прошел. Емельянов и Шотман еще не успели обменяться мнениями, как распахнулась дверь вокзального помещения и оттуда вышла группа вооруженных юнкеров. Юнкера постояли, огляделись. И двое из них направились к скамейке, где сидели Шотман и Емельянов.

Окончание следует

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

О том, что в поселке Пикирукки в 1906 году жил Владимир Ильич Ленин, ученые-историки знали давно. На Пикирукки — сейчас он называется Выборгский — указывали многие друзья и соратники вождя. Вспоминали, что там была дача известной революционерки Лидии Христофоровны Гоби. Но где в поселке находилась эта дача, никто не мог сказать точно.

И тогда ученые обратились за помощью к следопытам Ленинградского Дворца пионеров.

И ребята выполнили это ответственное задание.

Через несколько лет трудной и кропотливой работы, когда были изучены сотни архивных материалов, памятное ленинское место было найдено.

На окраине поселка, среди гаражей и сараев, возле маленькой, дрожащей на ветру березки, мы нашли остатки фундамента дачи Гоби!

Никогда не забуду этот радостный миг. Мы кричали «Ура!», обнимались и целовались. И долго не могли поверить своей удаче.

Вот этот снимок, еще один документ в папке Ленинского поиска, победа, о которой мы так мечтали.

Но, если вам придется побывать в поселке Выборгский, вы теперь не увидите ни заросшего травой и кустарником пустыря, ни этой груды камней.

Теперь здесь красивый и всегда многолюдный парк. Один за другим подъезжают к нему туристские автобусы. Взрослые и дети слушают рассказы экскурсоводов. Ровные, асфальтированные дорожки ведут их к гранитной стеле. На граните — знакомый ленинский силуэт

Руководитель следопытской группы Ленинградского Дворца пионеров

Г. Усыскин

Фото автора и Р. Германова

Здесь была дача Гоби

Пионерская линейка у памятной стелы

ПУТЬ ЧЕРЕЗ ПЕРЕВАЛ

Солнце поднималось из-за Бахаргана, между двумя зубцами горы. Осторожный луч падал на крышу сакли. В ауле начинали кричать петухи. А вся долина с маленькой речкой, — Андийское Койсу — светлела.

Меседо разбудила своего двенадцатилетнего сына.

— Вставай, Усман. В горы идти пора. За хворостом.

Усман встал, поел молока с пшеничными лепешками. Потом привязал к поясу острый топорик и вышел на улицу.

Дедушка Мирза уже сидел на пороге и, щурясь от солнца, попыхивал папироской. Дым медленно плыл над его большой, с крупными завитками, папашой, поднимался над крышей сакли и таял в воздухе.

— Салам алейкум! — поздоровался Усман.

— Ваалейкум салам! Куда собрался?

— В Ангу — за хворостом.

— А! Это хорошо! — сказал дедушка Мирза. — Помню, когда я был мальчишкой, я тоже ходил за хворостом в Ангу. Потом, когда твой отец был

мальчишкой, он тоже ходил за хворостом в Ангу. Теперь твой отец — настоящий горец. Он водит свои отары далеко в горы. Он не боится пурги и не боится волков. Настоящий горец ничего не должен бояться.

— Я тоже буду чабаном, — сказал Усман. — И многие пионеры в нашей школе хотят быть чабанами.

— Для этого тебе нужно преодолеть много перевалов, Усман. Счастливого тебе пути!

Дорога после ночного дождя раскисла. В выбоинах поблескивали лужи. Усман шел вслед за матерью, погонявшей двух ослов.

Аул Гагатли просыпался. Дядя Расул уже трудился — складывал из лепешек кизяка стенку. Захраиль, наполнив кувшин холодной родниковой водой, несла его к дому. За домом бежал на цепи огромный рыжий волкодав, вилял хвостом, поскуливал.

Усман прошел мимо годекана, где вечерами сживали старики и обсуждали дела аула, мимо школы.

У Дома пионеров он встретил своего пионервожатого Шамсудина.

— Далекo собрался? — спросил Шамсудин. — Вечером смотр строя твоего отряда. Успеешь вернуться?

— Успею!

Сразу за аулом начинался подъем на перевал Речол.

На перевале дул холодный ветер. Он разгонял утренний туман и трепал траву. Усман поднялся на Речол, перевел дух, оглянулся. Внизу зеленела долина, шумела речка, дымился аул.

Меседо сказала:

— Видишь, вон там, за дымкой, горы? В этих горах твой отец пасет отару.

— Сколько до него идти?

— Не знаю. Может быть, три дня. А может быть, много больше.

Начался спуск. Тропа становилась каменистей и уже. У горы Азалтли она вилась между скалами и пропастями.

Тут Усман разглядел на тропе чьи-то следы. Они хорошо отпечатались на мокрой земле.

— Должно быть, собака, — заметила мать. — Большая собака. Вон какие лапы!

Усман взглянул наверх и увидел на скале волка. Волк стоял, упираясь передними лапами в выступ, и следил за людьми.

Это был старый матерый волк. Не раз он нападал на отары, резал овец, уходил от волкодавов. Не раз его пытались подстрелить чабаны. Но каждый раз ему везло.

Он научился распознавать охотников по железным палкам, начиненным огнем и дымом, которые висели у них за плечами. Он научился скрываться от свирепых собак, уходя от них по крутым заросшим тропинкам.

И вот теперь, стоя на скале, волк ничего не боялся. Он видел: у женщины и маленького мальчика нет с собой ни страшной железной палки, ни волкодава.

Волк спрыгнул со скалы и оказался на узкой тропе. Испуганные ослы остановились. Меседо вышла вперед и сказала:

— Уходи! Мы идем за хвостом. Нам не нужна твоя шкура.

Волк стоял на тропе, не двигаясь.

Тогда Меседо повернулась к сыну и сказала:

— Он не хочет уступить нам дорогу. Придется повернуть назад.

Усман погнал ослов обратно. Мать двинулась вслед за ними.

Одним сильным прыжком волк настиг Меседо и вцепился

в рукав. Меседо вскрикнула. Усман выхватил топорик из-за пояса и бросился на волка. Взмахнув двумя руками, он ударил зверя по голове.

Волк разжал челюсти и упал. Несколько раз он пытался подняться, скалил зубы. Наконец дернулся в последний раз и затих.

Усман наклонился над ним. Волк был мертв.

Мать осмотрела свою руку. — Усман, — сказала мать. — Я видела — ты не испугался. Я расскажу о тебе отцу. Сними с волка шкуру и отправляйся домой. А я схожу за хвостом одна.

Ослы, пугливо озираясь, обошли мертвого хищника. Меседо поправила на голове платок, взяла хвостину, пошла дальше.

А Усман стал снимать шкуру с волка. Потом перекинул ее через плечо, двинулся домой. Шкура была большая, тяжелая, и хвост волочился по земле, цепляясь за острые камни.

Усман шел и думал о том, что матери трудно будет одной собирать хвост в лесу. Он бы ей помог, но она велела нести шкуру.

Мальчик обогнул гору Азалли и вновь вышел на перевал Речол. На перевале остановился. Взглянул на свою долину, на маленькую быструю речку — Андийское Койсу, на родной аул. А потом посмотрел туда, где за дымкой темнели горы, в которых отец пас отару. И эти горы показались ему ближе...

Дома Усман бросил шкуру в угол сакли, надел школьную форму, повязал пионерский галстук и пошел на смотр строя.

...Вечером на годекане как всегда собрались старики. Они сидели на камнях и говорили об Усмани. Говорили не о том, как он учится в школе и какой он прекрасный запевала в отряде. Они говорили о том, каким мужественным и смелым человеком он растет.

А дедушка Мирза сказал: — Много волков видел я на своем веку. Но никогда еще не видел, чтобы такого большого волка убил такой маленький мальчик.

Е. ЛУКИН

Новая книга известного писателя Владимира Железникова взволнует каждого, кто едва лишь к ней прикоснется. Герои ее — шестиклассники из небольшого старинного русского городка на берегу Оки. И на первый взгляд может показаться, что в этом спокойном уютном мире не случается никаких происшествий. На самом же деле всегда, всюду в жизни людей происходят события радостные и печальные, они познают счастье и горе.

В этом ты еще раз убедишься, читая книгу «Чучело». Может быть твоих одноклассников или твоих знакомых также захлестывали когда-нибудь несправедливость, предательство и жестокость, как некоторых героев этой книги. И наверняка всегда находился хотя бы один человек с душой, такой же красивой и светлой, как у Лены Бессольцевой по прозвищу «Чучело».

Вместе с Леной ты будешь больно страдать и вместе с нею ты будешь счастлив, когда поймешь, что справедливость, все-таки, побеждает всегда.

В. ВОСКОБОЙНИКОВ

НАЧИНАЮ ОТСЧЕТ

Репортаж из Куйбышевского авиационно-космического комплекса имени дважды Героя Советского Союза В. А. ШАТАЛОВА

В строю стояли обыкновенные мальчишки и девчонки. Но эта новенькая, ладно пригнанная форма делала их непохожими на своих ровесников.

— Курсант Ивлиева, — приказал командир, — покажите товарищу наш центр подготовки и, если будет нужно, «Поиск»!

— Слушаюсь, — ответила курсант Ивлиева и, четко печатая шаг, вышла из строя.

Через несколько минут, когда мы шли по улице Гагарина, я уже знал, что курсанта зовут Лена, и что Лена и ее сестра Вера уже летали

пилотами на «АН-2» и несколько раз прыгали с парашютом.

Пройдя через сквер, мы свернули во двор жилого дома, и я увидел стоянку самолетов и вертолетов. Здесь были «МИГ-17» и «Л-29», «АН-2» и «МИ-4».

— Мы на них практику проходим, — сказала моя провожатая.

— У-у, — сказал я, пораженный необычной картиной.

С этой минуты восторг и удивление меня уже не покидали, а чувство зависти росло как снежный ком.

И в центре подготовки, в больших и светлых классах, я не столько смотрел на стенды по истории авиации и космонавтики, сколько смотрел на Лену.

Должно быть, она это заметила и стала говорить, что учиться сразу в двух школах, с утра — в обыкновенной, а потом — в космической, не так-то просто. И чтобы доказать, как это не просто, вдруг предложила:

— Хотите полетать на тренажере?

И вот я сижу в кабине самолета. В руках — штурвал, ноги на педалях, перед глазами — взлетная полоса и приборы. В наушниках — голос инструктора:

— Запустить двигатели!

— Есть двигатели!

Все быстрее и быстрее летит навстречу взлетная полоса. Стараясь быть спокойным, беру штурвал на себя и чувствую,

Главный конструктор „Поиска“ Сережа Зуев готовит ракету к пуску

Встреча с дважды Героем Советского Союза летчиком-космонавтом Владимиром Александровичем Шаталовым

Во время разбора полетов

Лена и Вера Ивлиевы

как самолет поднимается в воздух.

— Взять высоту семьсот метров!

— Есть семьсот!

Радостно бьется сердце, а по лицу катятся капельки пота...

— Заходим на посадку!

— Есть на посадку!

Стрелка высотомера покати-лась по делениям: 200, 150, 80, 10. Наконец остановилась у нулевой отметки.

— Сел! — вырвалось у меня, вижу, как Лена смеется:

— Сказали, что все запомнили, а шасси не выпустили. Так не садятся! И вообще, главное у летчиков посадка, а не взлет...

— А что такое «Поиск»? — спрашиваю, чтобы перевести разговор на другую тему.

— Это — детская техническая станция, — говорит Лена. — Там ребята изучают устройство ракет и самолетов, делают модели. У них есть даже космодром. Я сама там начинала. Хотите посмотреть?

Когда автобус свернул с дороги и остановился возле летних дощатых домиков, я понял: космодром рядом. За ближней рощей высоко в небо взмывали ярко-красные стрелы ракет. Мощные динамики торжественно возвещали на всю округу: «Внимание, начинаю отсчет! Пять, четыре, три, два, один, пуск!»

С. Леонов
Фото автора

Владимир СТЕПАНОВ

ВОТ-ВОТ

Вот-вот — и скворечни
Проснутся с рассветом,
В тумане растают
Печные дымки.
Вот-вот — и пробьются
Под тающим снегом
Упрямых травинки ростки.

Вот-вот — и отправятся
В плаванье щепки,
И шапки-ушанки
Мы сменим на кепки.

Вот-вот — и до неба
Наполнятся криком
И синими
Белые станут леса.
И круглая,
Крупная,
Как земляника,
Рассыплется звонко
Капель у крыльца.
И дробь,
Как в классе
перед контрольной,
Начнет
Повторять
Без конца...

ТЕЛЕГРАФИСТ

Заработал с утра
На стволе
Телеграф:
Тук-тук-тук —
Удивительный звук.
Словно в дом
Почтальон постучал
И принес
те-
ле-
грам-
му.

Словно поезд
Промчал
Через мост
К Ле-
нин-
гра-
ду.

Заработал с утра
На стволе
Телеграф.
То рассыплет слова второпях,
То слова по слогам отчеканит.
И прохожий легко
Те слова прочтает:
Знает он,
Если дятел стучит по сосне —
БЫТЬ ВЕСНЕ,
БЫТЬ ВЕСНЕ,
БЫТЬ ВЕСНЕ!

„Костер“ — клуб беспокойных

В 8-ю ереванскую школу им. А. С. Пушкина пришло письмо из Эстонии. Ребята из тартуской школы № 5 приглашали своих ереванских друзей на фестиваль «Дружба», посвященный 350-летию образования Тартуского государственного университета.

Каждый отряд должен был выбрать по одному делегату для поездки на фестиваль.

Отряд 7-а класса в тот день особенно долго задержался после уроков. Легко сказать — выбрать одного-единственного делегата.

Споры велись до хрипоты. Одна кандидатура сменялась другой, но опять ненадолго. И вдруг выяснилось, что пионерского отряда в 7-а как бы и не существует. Не отряд остался после уроков, а просто тридцать не похожих друг на друга людей. Разных и все же очень одинаковых. Потому что каждый предлагал кандидатуру своей подруги или своего друга. Одна большая дружба уступила место тридцати маленьким. И не дружбам даже, ведь дружба и эгоизм — понятия несовместимые.

И когда делегатку на фестиваль наконец выбрали (не без помощи классной руководительницы), она вместе с радостью испытывала и горькие чувства...

Эту историю, случившуюся еще в начале учебного года, рассказала мне Нуне Галоян, председатель совета дружины школы № 8 и председатель совета клуба «Костер» при ереванском Дворце пионеров.

«Костер» — это клуб председателей советов дружин. Почти каждый день приходят во Дворец самые неуспокоенные в городе ребята, чтобы поговорить о своих делах и проблемах, поделиться опытом, спросить совета у руководительницы и основательницы «Костра» Елизаветы Сисаковны Симонян.

На повестке дня очередного заседания совета клуба — разговор о том, что нового внес

Марш в пионерскую жизнь отрядов и дружин. Пока не все еще собрались, я спрашиваю у Нуне:

— А что было дальше с тем отрядом?

— Ну, сначала все перессорились. Дулись друг на друга, и никто не хотел признаваться в собственной неправоте. И тогда я решила организовать в отряде экстренный сбор. Каждого пионера обсуждал весь

отряд. По очереди говорили в лицо всю правду, кто что о нем думает. Может быть и не совсем педагогично, но учителя не стали нам мешать. Получился серьезный и доверительный разговор. Каждый посмотрел на себя как бы со стороны, и многим многое в себе не понравилось.

После сбора отряд словно заново родился. Раньше в классе было 9 двоечников, теперь — стопроцентная успеваемость. Раньше, что ни день, то драки и свалки, теперь дисциплина стала примерной.

Я очень обрадовалась, что сумела вовремя разбудоражить ребят. Но, знаете, может у меня ничего и не вышло бы, если б не «Костер». Здесь я многому научилась и поверила в свои силы.

Елизавета Сисаковна кивнула Нуне:

— По-моему, все в сборе.

Можно начинать. Садись, Нуне, на мое место, — а сама отошла и села поодаль.

— Хачик, начнем с тебя, — говорит Нуне. Хачик Ероян, совсем недавно пришедший в «Костер», неуверенно встает.

— Как и все советские пионеры, так и пионеры нашей дружины активно включились в работу по выполнению задач, поставленных перед нами Всесоюзным Маршем юных...

— Стоп, стоп, — смеется Нуне. — Нужно сюда трибуну принести и графин. Хачик, что с тобой? Не стесняйся, говори проще. И по делу. Здесь же все свои.

Хачик улыбается и продолжает уже совсем другим тоном:

— Наша дружина не подведет. Собрали уже 800 кг макулатуры, а металлолома — 4 тонны. Большинство ребят спортсмены. Почти каждую неделю соревнования — по футболу, волейболу, баскетболу, шахматам. Школьный КИД переписывается со всеми союзными республиками и пионерами Чехословакии, Болгарии, ГДР. А хор у нас в школе какой!

Я слушаю, о чем рассказывают ребята, и чувствую себя в центре всех интересных дел ереванских пионеров.

Нарине Василен из 43-й школы объясняет, как борется

с неуспеваемостью группа «Скорая помощь». А совсем недавно совет дружины организовал встречу с чемпионкой Европы по настольному теннису Нарине Антонян. В школьной стенгазете появились ее слова о том, как гордятся наши спортсмены, когда над стадионами мира поднимается советский флаг и звучит Гимн Советского Союза.

Заместитель председателя совета дружины школы № 157 Нуриджан Киракосян рассказывает, как пионеры сами построили школьную спортивную площадку и вокруг нее посадили саженцы тополей. В этом деле все участвовали, даже октябрята.

А в школе № 156, где дружиной руководит Армен Асланян, пионеры шефствуют над детскими садами своего района. В дружине до сих пор вспоминают, как перед Новым годом из школы высыпала большая ватага Дедов Морозов и разошлась по детским садам поздравлять малышей...

На столе передо мной большой альбом — летопись клуба «Костер». Заметки, репортажи, фотографии. Вот ребята на сборе помидоров в Артаматском районе. Вот фотография Элен Григорен, председателя совета дружины им. О. Кошевого школы № 38, делегата VIII Всесоюзного пионерского слета. А вот воспоминания ветеранов пионерского движения, записанные костровцами. Перелистываю страницу за страницей.

«Помню, в 1927 году мы получили из райцентра пионерский горн и барабан. А в нашей деревне только один человек умел играть на барабане пионерский марш. Это был отец моего друга Арменака Геворкяна. Он бывал в больших городах, видел, как маршируют пионеры. У него мы и научились правильно бить в барабан, трубить в горн.

Люди нашей деревни все высыпали на улицу, услышав

наш марш. Мой товарищ трубил в горн, а я бил в барабан. По деревне шагал первый пионерский отряд, а мы шли впереди всех».

**В. Бархударян,
пионер 20-х годов**

«В суровые дни войны наш прекрасный город накидывал по вечерам светомаскировочный халат. В школах или совсем не топили, или стояли совсем маленькие печки, где один раз по утрам потрескивал огонь.

В один из таких дней мы, пионеры-тимуровцы, пошли навестить одноклассницу. Мама ее тяжело болела. Отец погиб на фронте.

Был канун Нового года, и мы пришли с большой пушистой елкой. Помню счастливые глаза девочки и улыбку ее больной мамы».

**Седа Штикян,
пионер 40-х годов**

«Три года прошло с тех пор, как я в первый раз переступила порог клуба «Костер». С первого же дня работа увлекла меня. Семинары, диспуты, беседы, откровенные разговоры очень помогли моей работе в дружине. Ведь девиз клуба — «Учись, чтобы учить других».

**Нуне Айвазян,
пионерка 80-х годов**

...Зажигаются уличные фонари. Все отчетливее становится видна мемориальная плита погибшим на войне председателям советов дружин. У памятника часто происходят сборы клуба, а в праздничные дни здесь стоит почетный караул.

На стене пионерского музея висит большой стенд, посвященный погибшим.

Анна Шапагатян, председатель дружины 89-й школы подходит ко мне:

— Ведь вы подумайте, они были такими же, как наши сегодняшние мальчишки. Так же ходили в школу, играли в футбол, мечтали. А когда началась война, пошли защищать родину, и многие не вернулись. «Ко-

стер» стал разыскивать сведения о них. Ребята встречались с родными и близкими погибших, собирали воспоминания о них, их фотографии, дневники, стихи. До недавнего времени нам было известно о семи погибших председателях. А теперь мы знаем и имя восьмого — Тоник Заратян. Пока что сведений о нем у нас немного. Родился в 1921 году. Учился в школе № 1, окончил ее на отлично. Поступил в ветеринарный институт. 11 марта 1943 года добровольцем уходит на фронт. После выполнения множества боевых заданий ему присваивают звание лейтенанта. Погиб Тоник Заратян в 1944 году.

Наш поиск продолжается. А знаете, кто подал нам идею поиска? Елизавета Сисаковна! — Анна быстро оглядывается на Е. С. Симонян и добавляет вполголоса: — Мы про себя зовем ее «мама Лиза».

Елизавета Сисаковна, догадавшись, что речь идет о ней, грозит Анне пальцем, и та, смеясь, возвращается к своим товарищам. А за столом становится все шумнее. Вспыхнул стихийный диспут: из чего складывается авторитет председателя?

Е. С. Симонян поглядывает на ребят и едва заметно улыбается. Я подхожу к ней:

— Елизавета Сисаковна, а вы не хотите вмешаться и сказать свое веское слово?

— Пусть сами попытаются разобраться. В «Костре» у нас главным достоинством считается самостоятельность. Иначе — какой же ты пионер!

...Попрощавшись с Е. С. Симонян и с ребятами, выхожу на улицу. У мемориальной плиты остаиваюсь. Много живых цветов. На плите золотыми буквами горят имена председателей советов дружин, павших на войне. Мушет Мисакян, Рубен Манукян, Месроп Заранян... Это их незаконченные дела продолжают сегодня юные костровцы.

С. МАХОТИН

САМБО

Идем мы с Юркой, моим одноклассником, по улице, а он время от времени дерется.

— Что с тобой? — спрашиваю.

— Это я приемы самбо вспоминаю, — объясняет Юрка. — А ты знаешь хоть один прием самбо?

— Нет, — говорю, — не знаю. А зачем оно мне?

— Чудак! — говорит Юрка. — Самбо — штука серьезная! Я вот, например, никого не боюсь. Если меня кто-нибудь тронет, я как применю приемчик!..

Вдруг он осекся. Смотрю — навстречу идет долговязый Грыня, второгодник из шестого «в».

— А, попался! — кричит он Юрке. — Вчера удрал, а сегодня не удерешь!

— Бежим! — говорит мне Юрка. — Он вчера мне подножку подставил, так я его за это «телеграфным столбом» обозвал. Сейчас драться ползет!

И в самом деле — Грыня кулаки сжал и с грозным видом к нам приближается.

— А ты, — говорю Юрке, — примени свой приемчик!

Но он только за мою спину прячется.

Вижу — дело плохо. Тогда я выступил вперед и говорю Грыне:

— Только тронь Юрку!

— А что будет? — ухмыляется Грыня и на меня сверху вниз смотрит.

— Получишь! — говорю.

— От тебя?

— От меня! Как применю приемчик самбо!

Грыня, смотрю, сразу не такой воинственный сделался, кулаки разжал.

— Пошли! — повернулся я к Юрке. — Не бойся, он тебя не тронет. Самбо — штука серьезная!

КОСТЮМИРОВАННЫЙ БАЛ

В нашем классе решили устроить костюмированный бал. А также провести конкурс на лучший костюм.

И вот настал день бала. Я пришел, когда уже все собрались. Кого там только не было! И Карлсон с пропеллером, и Буратино, и Золушка. А Красных Шапочек оказалось целых три!.. В общем, костюмов разных — глаза разбегаются! Но мне больше всех понравился костюм Вики Рыбченко: фиолетовое бархатное платье с серебряными звездами.

Я сказал ей:

— Ты — настоящая Царица Ночи!

Она улыбнулась довольно, а потом спрашивает:

— А ты почему же не в костюме? Пришел в обычной школьной форме... О, что это у тебя за туфли?! Один черный, другой — коричневый... Ты же разные туфли обул!

— Я и не заметил, — говорю.

— А почему на тебе рубашка, как балахон, висит?

— Потому что это отцова. Я случайно надел его рубашку вместо своей.

— Ой, а что это у тебя из кармана торчит? Носок!

— Это, наверное, я его вместо платка в карман сунул...

— Что с тобой? — удивляется Вика. — Ты же всегда такой аккуратный!

Она пожала плечами и отошла от меня.

Во время бала еще несколько человек подошли ко мне и спрашивали, почему я без костюма. «А я в костюме», — отвечал я, и они отходили, пожимая плечами, как Вика.

Бал прошел весело. И вот жюри объявило итоги конкурса. Первое место присудили Вике Рыб-

ченко. А второе... А второе присудили мне. Потому что жюри оценило мою изобретательность: ведь я был в костюме Рассеянного с улицы Басейной!

КАРИКАТУРА

Подходит ко мне после уроков редактор нашей стенгазеты Петька Бугров и говорит:

— Коржик, надо нарисовать карикатуру.

— Надо, так надо, — говорю, — дело привычное. На кого?

— Да понимаешь...

И мнется.

— Чего ты мнешься? — спрашиваю. — На кого карикатуру-то рисовать?

— На тебя...

— На меня?!!

— На тебя. Ты в последнее время стал опаздывать, вот мы и решили тебя покритиковать.

— Как же я сам на себя карикатуру буду рисовать?! Если уж вам так хочется меня раздраконить, пусть это сделает кто-нибудь другой!

— Кто другой? — дернул плечом Петька. — Ты, Коржик, у нас единственный Кукрыникса.

— Не Кукрыникса, а Кукрыниксы, — говорю.

— Тем более... Нарисуй! Других же ты рисуешь. И подпишем: «Коржиков Серега любит дрыхнуть много»... Или что-то в таком духе.

Пристал, никуда не денешься! Пришлось нарисовать.

— Да разве это карикатура! — говорит Петька. — Ты здесь даже красивей, чем в жизни. Прямо Бельведер Аполлонский!

— Не Бельведер Аполлонский, а Аполлон Бельведерский! — говорю.

— Тем более... Нарисуй, как следует. Прояви принципиальность!

— Скажи и за это спасибо! — вспыхнул я.

Повернулся и пошел домой. Он остался с растерянным видом.

Иду я домой, а его лицо все передо мной стоит. Совесть, видно, во мне заговорила. Нечестно я поступил. Других изображаю так, что весь класс хохочет. А себя Бельведером... тьфу ты! — Аполлоном изобразил!

Не пошел я домой, вернулся. Зашел в класс, никого уже нет. Смотрю, а газета уже на стене висит.

Взял я карандаш и нарисовал себе глаза сонные, как у суслика, а под головой огромную подушку. Пусть ребята завтра смеются!

И с легким сердцем пошел домой.

ПУХ ТОПОЛИНЫЙ

Оксана СЕНАТОВИЧ

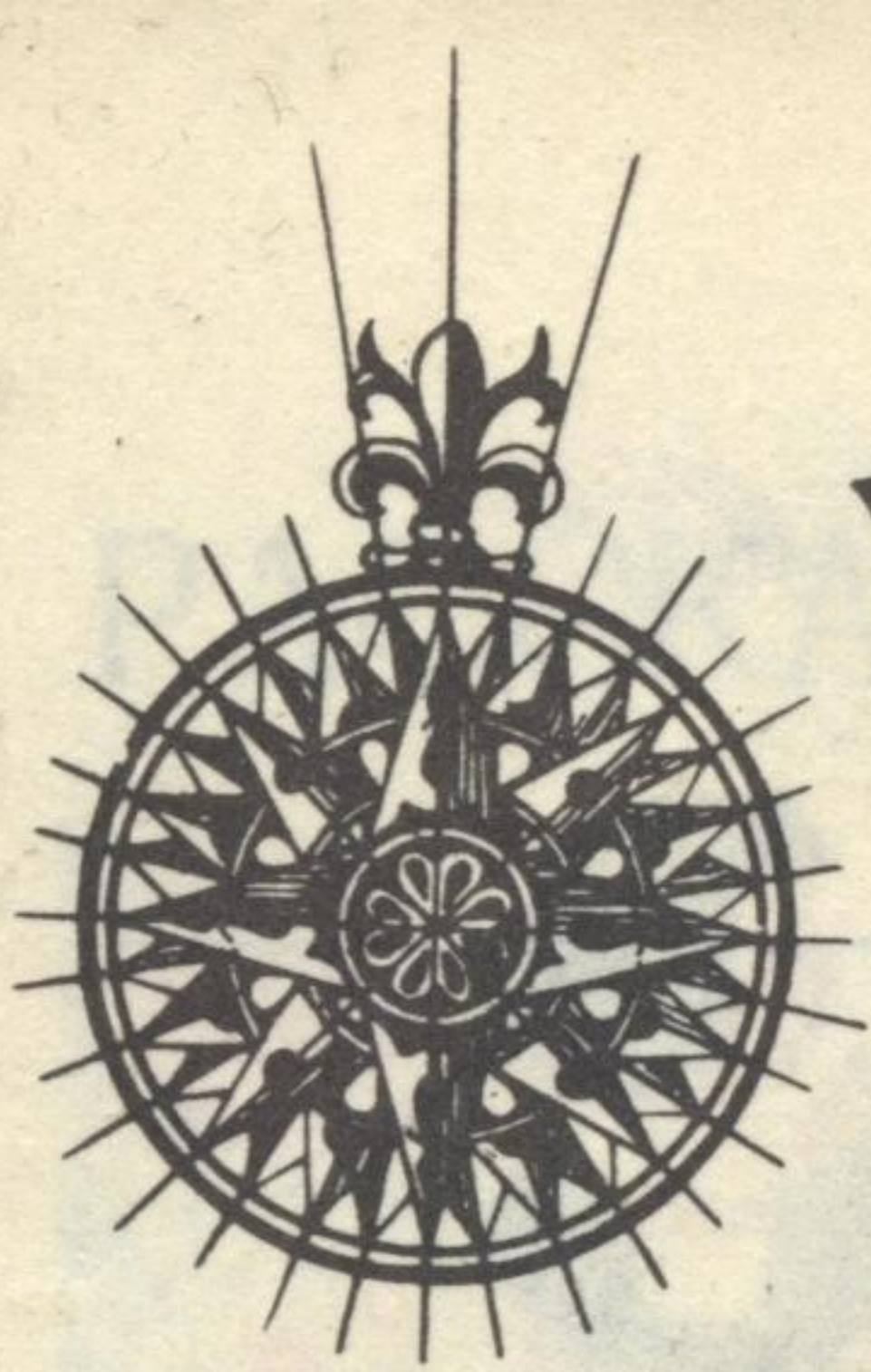
Пух тополиный, пух тополиный
Мчится на школу белой лавиной!
Классы белы, и белы коридоры,
Выросли всюду белые горы,
Покрыты паркеты пуховой периной,
Сони зарылись в пух тополиный,
В белом пуху второгодники пляшут,
А рукодельницы юбочки вяжут...
Смотрит актив деловито кругом:
— Макулотоп? Или тополелом?..

Пух тополиный! Пух тополиный!
Улица стала снежной долиной.
Нежные хлопья, белая вата,
Бабу пуховую лепят ребята.
Вот уже школа в пуху по макушку,
Словно над ней распороли подушку

Смотрят прохожие: — Ну и дела!
Это ж Говерла* в город вошла!..
А на горе телефоны звенят:
— У вас снегопад? Или тополепад?..
Снег среди лета! Случай тяжелый!
Три вертолета кружат над школой.
С ясного неба — шапки-ушанки,
Шубы и шарфы, лыжи и санки!
Ну, а тому, кто болеет ангиной,
С ясного неба — чаю с малиной!
Школа смеется, школа хохочет,
Чаю с малиной школа не хочет,
Хочет мороженого с малиной!
Пух тополиный, пух тополиный!

Перевел с украинского
Александр КРЕСТИНСКИЙ

* Говерла — гора в Закарпатье.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА
Оформление
Р. Попова

Год издания — 27-й

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Было это в дни обороны Севастополя. Фашисты штурмовали город. Днем и ночью не умолкали взрывы мин и снарядов, стук пулеметов и автоматов.

Но Севастополь держался...

Особенно трудно приходилось нашим, когда налетали фашистские самолеты. Фашистские летчики знали, что на суше у русских много зенитных пушек. Поэтому их бомбардировщики заходили со стороны моря.

Так и в этот раз «юнкерсы», нагруженные бомбами, шли с моря. Они летели плотным строем на небольшой высоте.

И вдруг — что такое? — снаряд пробил крыло одного «юнкерса», другой взорвался рядом с кабиной ведущего... Подбитые самолеты повернули обратно. Строй распался.

Смотрят фашисты вверх — русских самолетов не видно, смотрят вниз — и кораблей русских нет. Только едва виднеется небольшой островок. Пока его разглядывали, еще один подбитый «юнкерс» загорелся... Остальные побросали бомбы в море...

Своему командованию фашисты доложили: «В море, на подходе к Севастополю появился новый остров. На острове много зенитных орудий...»

Послали фашисты самолет-наблюдатель: фотографировать. Смотрят: нет никакого острова... Что за чертовщина? Снова полетели «юнкерсы» на Севастополь. Гудят моторы. Затаились в люках тяжелые бомбы. Вот уже и вход в Севастопольскую бухту виден. Вдруг — разрывы снарядов! Один, другой, третий... Врезался в

воду загоревшийся «юнкерс», пламя охватило еще один самолет...

Фашисты опять докладывают командованию: «На подходе к Севастополю у берега — остров. Маленький остров. Только пушек на нем много...»

Летает над морем фашистский самолет-разведчик. Разглядывают гитлеровские генералы фотоснимки. Нет ничего! Никакого острова не видно!

Теперь уже на Севастополь вместе с тяжелыми бомбардировщиками летят и легкие — пикирующие. Внимательно смотрят вниз пилоты. Ага! Вон он, таинственный остров...

Бах, бах, бах... Белым дымом разрывов окутался островок: заговорили русские пушки. В куски разлетелся один «юнкерс», другой задымил. С воем обрушились на островок пикирующие самолеты. Только вот задача: островок-то маленький. Попади в него... А артиллеристы у русских — самые лучшие. Падают в море фашистские самолеты... Снова сорвалась атака Севастополя с воздуха...

Что же это за островок был? Севастопольские моряки взяли часть разбитого корабля. Заварили все отверстия, да еще и внутри поставили стальные переборки. Получился плавающий остров. Раскрасили его под цвет скал. И пушек поставили — сколько поместилось. Буксир оттащивал островок в море. Буксир и к берегу уводил... Дорого обошелся фашистам таинственный островок. Двадцать шесть самолетов сбили его артиллеристы.

Г. ГУСЕВ.

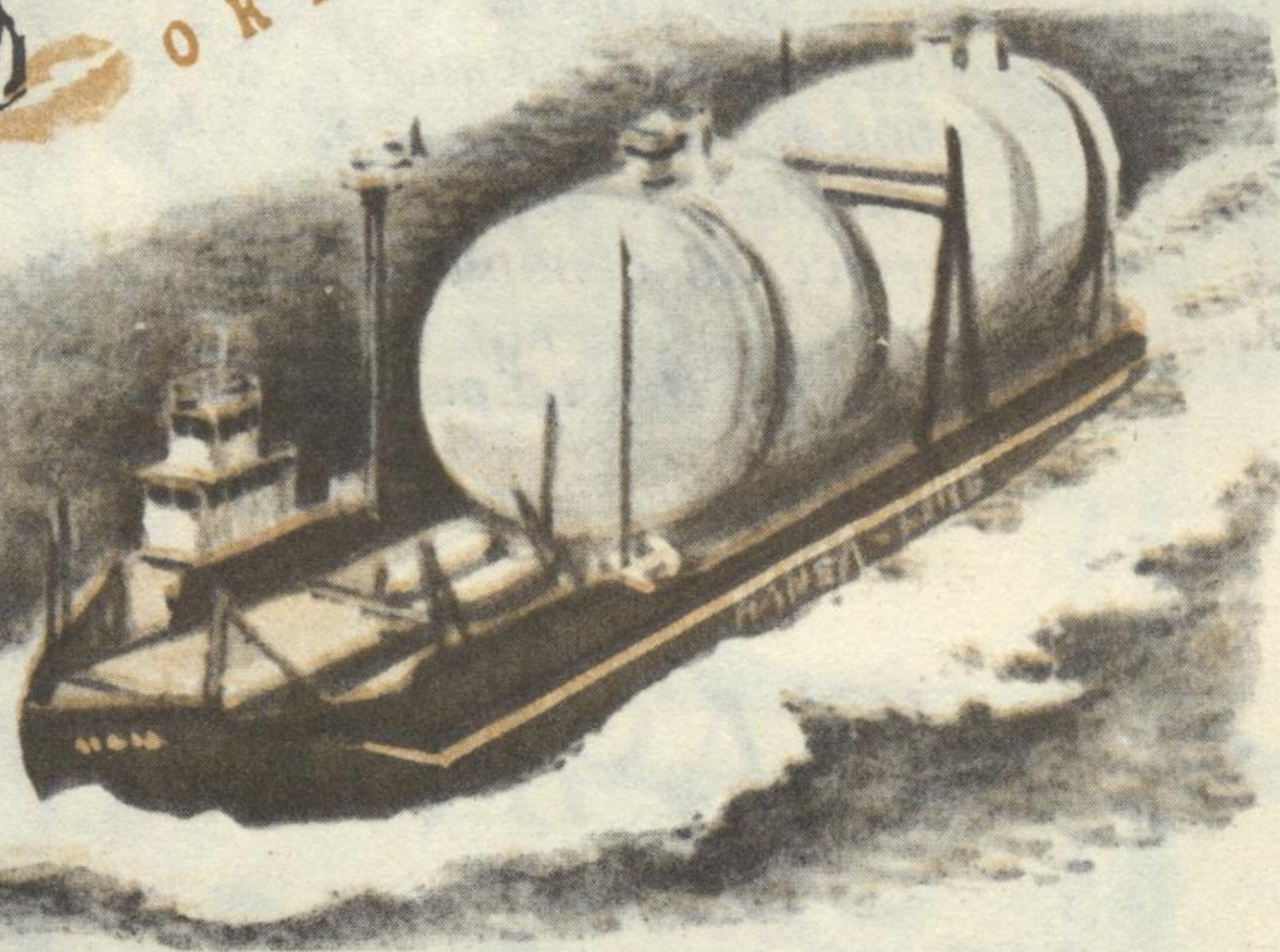
ЧТО ЭТО ЗА КОРАБЛИ

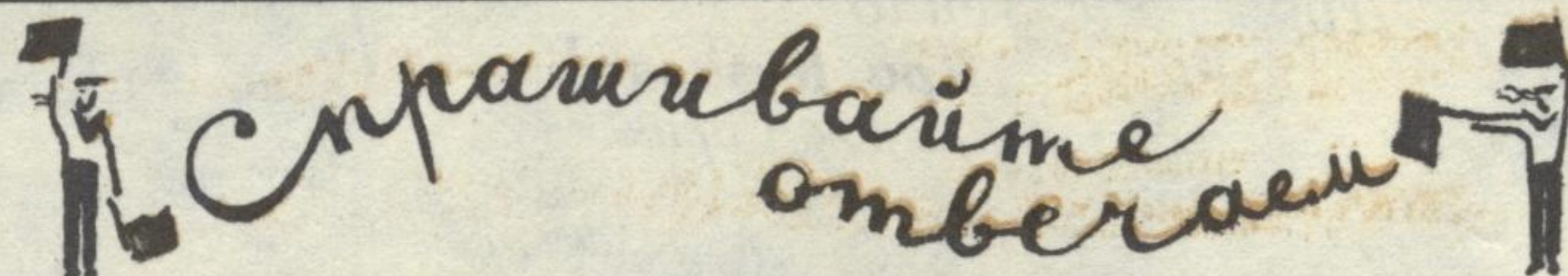
Над одним — словно громадные чаши. А над другим — шары величиной с многоэтажный дом! Чаши — это главные космические антенны. В шарах — сложнейшие приборы. Суда плавают в океане и ведут связь с космическими объектами и в штиль и в шторм. А называются они: «Космонавт Юрий Гагарин» и «Космонавт Владимир Комаров».

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

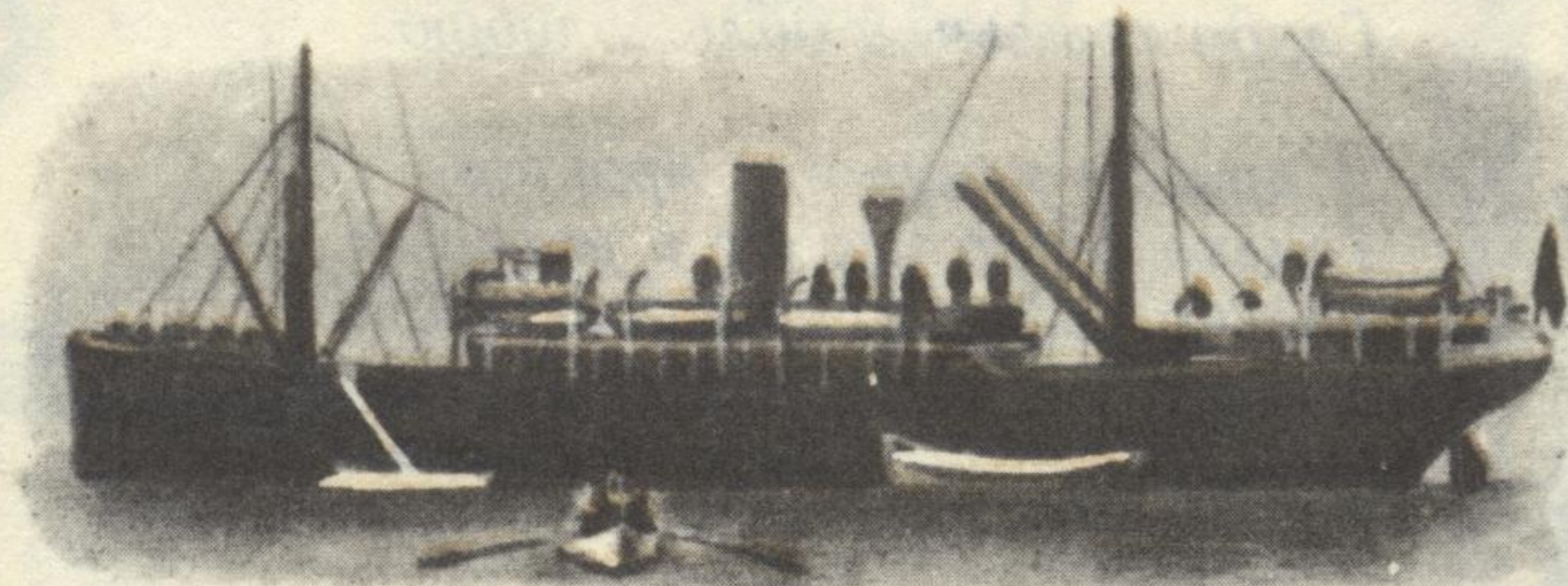

Вот так груз! Он чуть ли не больше самого судна... И действительно, длина каждого баллона на палубе судна — 23 метра! А диаметр — 12. Баллоны — для перевозки газа. Везет баллоны судно, спроектированное в ФРГ. Судно специально приспособлено для грузов большого размера. Надстройка с капитанским мостиком прилепилась с одного борта, спасательные шлюпки — с другого. Ничего не поделаешь, хочешь возить такие грузы — терпи...

— Я знаю, что по морям плавает новый теплоход «Теодор Нетте». Он сделан из металлолома, который собрали пионеры... Я видел теплоход на фотографии. Но современное судно названо в честь прежнего — старого парохода «Теодор Нетте». Каким был пароход? И расскажите, если можно, немного о нем...

Вова Ильин,
Ленинград

— Дорогой Вова! У парохода «Теодор Нетте» была прекрасная жизнь. Построили его в 1926 году в честь героически погибшего дипломатического курьера. Три года он трудился на Черном море. А с 1929 года плавал на Дальнем Востоке. В 1940 году пароход «Теодор Нетте» стал минным заградителем. Затем — плавучей базой для подводных лодок. После Великой Отечественной войны «Теодор Нетте» снова трудился на морях. Мы помещаем редкую фотографию старого парохода.

ОТГАДАЙ

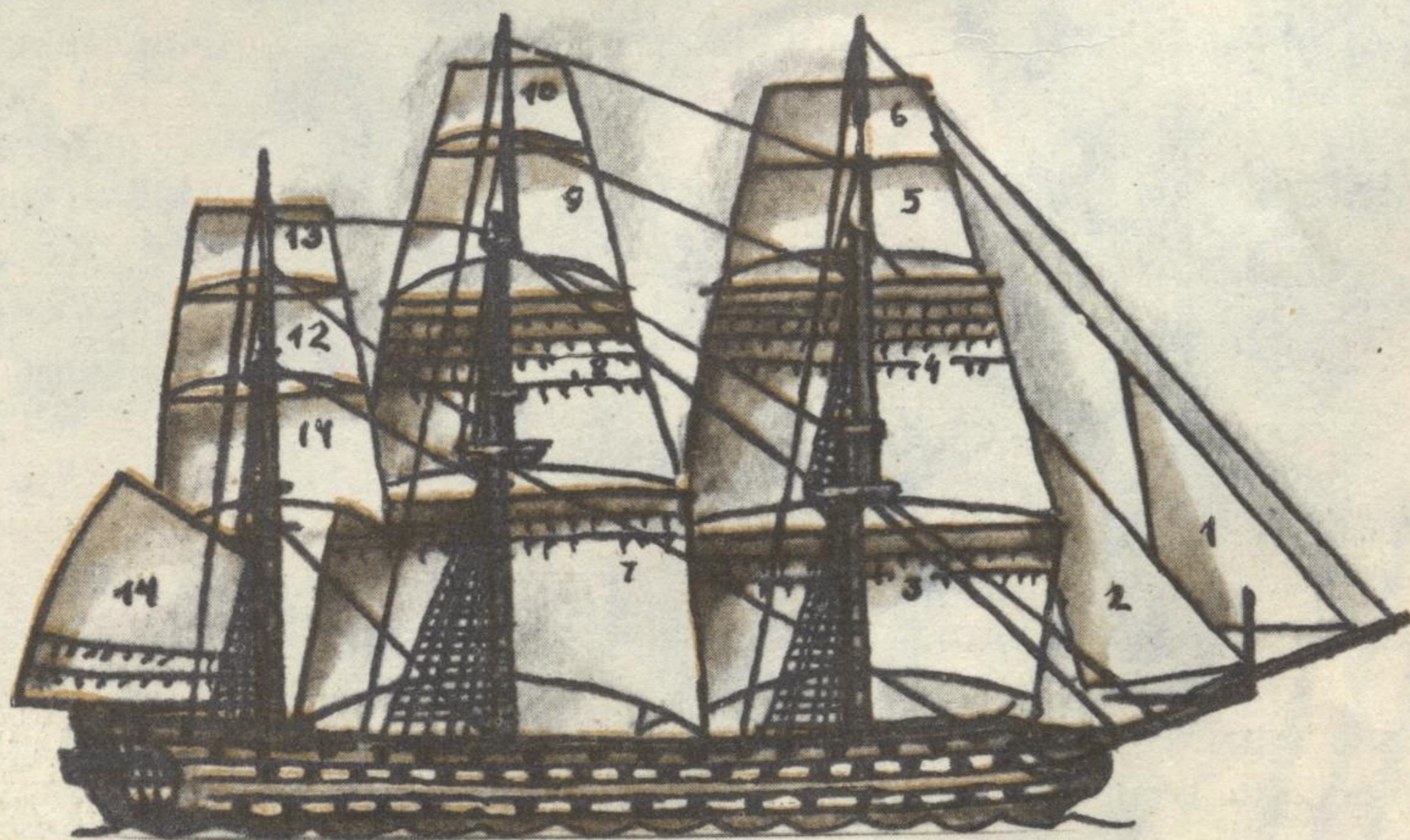
СЛУЧАЙ В МОРСКОМ МУЗЕЕ

В морском музее капитан Быстроходов и боцман Румпель встретили группу ребят. Те рассматривали модель парусника и табличку с названиями парусов.

— Жаль, что художник не закончил таблицу! — сказал боцман. — Может быть, поможем ребятам, назовем паруса, названия которых отсутствуют?

— Уверен, что они справятся сами, — возразил капитан, — это ведь простая логическая задача. Тут даже не нужны наши с вами знания.

ЗАПОЛНИ В ТАБЛИЧКЕ НЕДОСТАЮЩИЕ НАЗВАНИЯ.

В ТАБЛИЧКЕ:		
1. Бом-кливер	5. Фор-брамсель	10. Грот-бом-брамсель
2. Кливер	6.	11. Крюйс-марсель
3. Фок	7. Грот	12. Крюйс-брамсель
4.	8.	13.
	9.	14. Бизань

ПОРТРЕТ ЛЕНИНА

Сможешь слабому помочь,
Стать сильнее в труде?
Не уйдешь от друга прочь,
Если он в беде?

Если все исполнено —
На душе светло.
Ленин смотрит ласково.
Дружески, тепло

Ира Кузнецова,
поселок Савинский

МОРЕ

Бьются волны о берег крутой,
Набегая одна на другую.
Чайки кружатся над головой,
Глядя крыльями даль голубую.

А кругом тишина и простор,
Только ветер играет с волнами,
Только чайки кричат над водой
И летят, и летят вслед за нами.

Лариса Рыжова,
Галич

Рисунок К. Почтенной

ЗВЕЗДЫ ДЛЯ ВСЕХ

Потушите, люди, лампы,
Подойдите, люди, к окнам,
Отодвиньте, люди, шторы,
Посмотрите, люди, на небо!
Ведь для счастья нужны и звезды,
Звезды ясные, серебристые,
Черной бомбой не заслоненные,
Черной шторой не затемненные...
Посмотрите, люди, на небо!
И проверьте, все ли в порядке —
Всем ли звезды светят, как надо.

Нина Ерастова,
ст. Тенгинская,
Краснодарский край

ПРОГУЛКА НА ТЕПЛОХОДЕ

Вот, ударяясь о борта,
Клокочет, пенится вода.
Вот мол уже кончается,
И море открывается.

А теплоход — как островок,
Затерянный в морском просторе,
И он, как белый поплавок,
Качается в зеленом море.

Вика Литвак,
Кишинев

ДРАТЬСЯ НЕ СТОИТ

РАССКАЗ

Ахмед УСТАРХАНОВ

Жамал живет в городе.

А к бабушке он приехал не так давно.

Однажды Жамал, резвый, как козленок, отправился в магазин, а возвратился домой грустный.

— Что с тобой? С кем дрался? — спросила бабушка, когда увидела Жамала.

— С того конца... жадина Ботай... У-у...

— Не плачь! Что он хотел от тебя, чтоб он не вырос!

— Как вышел из магазина: «Сыпь сюда половину конфет, иначе покажу», — говорит...

— Отдал бы. Вероятно, ему очень хотелось есть...

— Отдал бы, если бы по-хорошему сказал...

Бабушка немного подумала и говорит:

— Почему он бил? Бил бы и ты тоже, я знаю, он не очень старше тебя.

— Бил я, бабушка-ажай... Пока я один раз ударил, он успел три раза...

— Как же он не ударит три раза, — кашу ты ненавидишь, суп не ешь!.. Что мне делать с тобой? Какая может быть сила в тебе?..

— Теперь буду есть, что дашь, бабушка-ажай, все буду есть.

— Посмотрим, посмотрим...

В самом деле, с того дня Жамал что ни дашь, слопает все.

Когда Жамала нет рядом, бабушка говорит про себя:

«Дай аллах тому мальчику здоровье. Пусть аллах благодарствует ему за то, что он приучил моего внука хорошо есть...»

Недели через две Жамал говорит:

— Ажай, нажми-ка мою руку, правда, ведь я сильным становлюсь?

Бабушка сжимает ручку внука и говорит.

— Чутьочку прибавилось... Чутьочку еще... Но пока — жидкая сила твоя... Жидкая...

В последнее время Жамал, раздевшись, то умывается холодной водой, то бьет кулаками мешок с опилками.

Бабушка-ажай смотрит и любуется:

«Аллах пусть благодарствует тому мальчику!»

Прошло больше месяца. Жамал с мальчишками на улице играл в мяч. А бабушка-ажай с полными сумками шла из магазина.

Тогда Вагит поднял мяч и сказал Агаю, но так, чтобы слышал и Жамал:

— Жамал боится Ботая. Сам не идет в магазин, а бабушку свою послал.

На следующий день он сходил в магазин и принес бабушке-ажай хлеб:

— Вот, — сказал он, — встречу того Ботая, подерусь я с ним, нисколько я его не боюсь!

И тогда бабушка-ажай сказала:

— Не дерись, сынок, не дерись! Раз не боишься, не стоит и драться...

Рисунок А. Лямина

Как родился Гулливер

Однажды доктору богословия Джонатану Свифту, настоятелю собора в Дублине, принесли книгу. Она только что вышла из печати, но ею зачитывалась вся Британия. Она называлась «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо».

Он прочитал ее, сказал: «Отвратительно!»

И сел писать сам. Он и раньше писал книги — все больше политические памфлеты, от которых доставалось и двору, и правящей партии, и даже церковникам. Человек язвительный и строптивый, он решил вообще закрыть, уничтожить надоевший ему жанр путешествий.

Стоит вспомнить, что за времена были, когда появилась книга «Путешествия Гулливера».

XVII век. Еще недавно люди узнали, что Земля — шар, а по ту сторону моря лежит еще один, Новый свет. Расцвет мореплавания. Англия из второстепенной европейской страны превращается в мировую державу. Сколько везде неизведанного, никем еще не виданного!

И появляются книги с описаниями путешествий, морских бурь, островов, где среди буйной растительности расхаживают диковинные звери, туземцы, пираты... Вот чем тогда зачитывались.

И вот Свифт пишет свой новый роман как бы очень правдиво — пользуется тем же способом, что и автор «Робинзона», подробно, ничего не опуская, перечисляет всякие мелочи. Пишет неторопливым, спокойным тоном — одинаково ровно — и об обычном, и об удивительном. Но так, чтобы читатель понял: в этой-то книге как раз **ВСЕ ВЫДУМАНО**.

В начале книги имеется предисловие мнимого издателя, который отмечает, что «все произведение, несомненно, дышит правдой». И вот перед нами проходят лилипуты, великаны-бробдингеги, летающие острова и страна лошадей — разумных гуигнгнмов — обо всем этом говорится серьезно и «взаправду».

Однако случилось вот что: в Гулливера... поверили! Говорят, правда, один читатель засомневался: «Кое-что все-таки маловероятно...» Это, когда он прочитал, как Гулливера втаскивают на веревках на летающий остров. Но в XVII веке мир казался еще огромным и неизведанным — кто знает, а может, и есть где-нибудь страна лилипутов и летающий остров...

Так родился Гулливер. Но это еще не все. Смотрите, ведь сейчас-то мы знаем, что никаких лилипутов, а тем более гуигнгнмов нет. А «Гулливера» все равно читаем. Почему? А потому, что страны, куда судьба заносила корабельного врача, существуют. Лилипутов и великанов, может и не быть, а вот таких королей, как король Лилипутии, и сейчас еще предостаточно. Помните его титул? «Император Лилипутии, краса и ужас всей вселенной, ногами своими он упирается в центр земли, а головой касается солнца...» Действительно, замечает дальше Гулливер: «...особа императора возвышалась на целый ноготь над головами его подданных». В Лилипутии вообще все как-то подозрительно знакомо. Вот министры, которые должны прыгать и танцевать на канате, а тот, кто сумеет ловко прыгнуть через палку, которую держит в руке монарх, получит в награду цветные нитки: синюю, красную или зеленую. Простите, но... ведь это цвета высших орденов Британии — ордена Бани, Подвязки и св. Андрея. Читаем дальше. Оказывается, в Лилипутии две партии — высококаблучники и низкокаблучники. «Ненависть между партиями доходит до того, — рассказывает Гулливер, — что члены одной партии не станут ни пить, ни есть, ни разговаривать с членами другой». А из-за чего споры? Из-за каблучков на башмаках — какие они должны быть — высокие или низкие. Любой англичанин, прочитав об этом, воскликнет: «Ну точь-в-точь наши виги и тори — вечно они воюют и грызутся между собой, а разницы между ними никакой». Виги и тори — это английские партии либералов и консерваторов. Так что, как видите, они существуют еще с тех времен, когда по миру путешествовал Лемюэль Гулливер!

Недалеко от Лилипутии — другая «великая» империя — остров Блефуску. Эти две могучие державы уже 36 лет ведут кровопролитную войну.

А причина этой войны — очень важный вопрос: с какого конца надо разбивать вареное яйцо — с острого или с тупого? В Лилипутии и Блефуску ученые написали сотни томов по этому поводу, а император Лилипутии выпустил закон, по которому все жители должны разбивать яйцо с острого конца. Из-за этого и началась война.

В общем, ясно. Лилипутия — это Англия, а Блефуску — Франция, давнишний ее противник. Только показанные как бы через уменьшительное стекло — с точки зрения Человека Горы.

В каждой главе Свифт набрасывается на недостатки и пороки. Ну, взять хотя бы путешествие в Лапуту — остров-государство, где живут «ученые» — очень мудрые старцы несколько дикого вида. Вот один из них — всю свою жизнь пытается получить солнечные лучи из... огурцов, для того, чтобы согреть воздух в случае холодного лета. А рядом другой — бьется над пережиганием льда в порох.

Но хуже всего пришлось от доктора Свифта нарождавшемуся в то время классу буржуазии. Этих — торговцев и лавочников — он превратил в еху — человекообразных зверей, грязных, жестоких и жадных, которые населяют лесные чащи в стране разумных лошадей гуингнмов. Еху постоянно воюют друг с другом, стараясь перегрызть глотку соседу, чтобы завладеть кучкой блестящих камней, которые они потом зарывают в глубокие ямы.

Да, настоятель Дублинского собора был человек сердитый и книжка вышла у него презлая.

Но вспомните — в центре повествования — есть еще один персонаж — корабельный врач Лемюэль Гулливер... Кто-то сказал о нем: «Нормальный человек, брошенный в мир безумия и нелепости...» Этот человек, несмотря на все опасности и неожиданности, ни на минуту не теряет мужества, ко всему он относится спокойно и рассудительно. Постепенно он действительно превращается в наших глазах в Великана, просто уже по контрасту с окружающим его ненормальным миром, потому что он не лилипут, не бробдинггег, не еху, не лапутянин, не гуинггнм, а Человек.

Е. ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ

ЗАХОДИ, ЧАНГА, В ГОСТИ!

Вера ТОЛМАЧЕВА

РАССКАЗ

Рисунок В. Лебедева

Что касается Чанги, то ей повезло вдвойне: хозяев у нее было двое. Если учесть, что добрая половина всей собачьей братии только мечтает о крыше над головой, то Чангу вполне можно было назвать счастливой собакой.

Когда Валентин Сергеевич получил в подарок на новоселье лохматого, рыжего с белым щенка, он принял за шутку совет своих друзей не покупать пока никаких вещей. «Щенок будет быстро расти, — сказали ему, — и вы увидите, как мало места останется в вашей комнате для всего остального».

Довольно скоро Валентин Сергеевич понял истинный смысл этого совета. Чанга с каждым днем росла и росла, приобретая довольно внушительные размеры, пока не превратилась наконец в огромного лохматого зверя величиной с теленка. Скоро, кроме Чанги, в маленькой квартирке Валентина Сергеевича остались лишь книжный шкаф, диван и четыре стула.

За стеной жила Даша. Каждое утро, когда Даша шла в школу, Чанга возвращалась с гуляния вместе с хозяином. Поприветствовав свою соседку, они шли домой и завтракали. А в обед... Девочка отпирала соседнюю квартиру (Валентин Сергеевич заказал для нее второй ключ), надевала на Чангу поводок и вела ее гулять. Умная Чанга понимала, что, если б не Даша, сидеть ей в одиночестве с утра до вечера. И поэтому она шла рядом с Дашей не спеша, ровно, не позволяя себе ни одного неосторожного рывка. Чанга прекрасно знала, что она — московская сторожевая — редкая по силе собака, которая одним

ударом может сбить с ног взрослого человека...

В такие минуты Даша чувствовала себя настоящей хозяйкой собаки. Держа Чангу за поводок, она важно вышагивала рядом, с гордостью поглядывая по сторонам. Мальчишки бросали свои дела и замирали на месте, провожая Дашу завистливыми взглядами. Девчонки шли свитой поодаль, а малышня в песочнице забывала про волшебные замки.

На обратном пути, проходя мимо Чангиной квартиры, Даша шутливо спрашивала: «Ну что, Чанга, где мы будем обедать: у вас или у нас?» Чанга знала, что в это время ее хозяин на работе и проходила мимо своей двери прямо к Дашиной.

Вот так и получилось, что жила Чанга вроде бы на два дома. Что же делать, такой век, такие обстоятельства. Да в общем-то неплохо: есть любимый хозяин, есть преданный друг, есть два дома, и в каждом стоит твоя миска.

Случалось, что Валентин Сергеевич на несколько дней уезжал по своим неотложным делам. И тогда Чанга переселялась к Даше, но каким-то своим, «собачьим» нюхом Чанга умела определять день возвращения хозяина. В этот день она с утра растягивалась в передней, загородив собою дверь. И ждала с утра до вечера, позабыв про еду, позабыв про Дашу. Чанга умела ждать.

...Беда пришла не одна. Она как будто знала, что в доме две двери. В обе и постучалась.

Как ни старался Валентин Сергеевич отменить далекую командировку, он ничего не смог сделать. Сначала Чанга не понимала, куда исчез

хозяин, и почему так долго она ночует в Дашиной квартире. А когда увидела в кухне и вторую свою миску, главную, то поняла, что случилось непоправимое: в свой дом уже нельзя вернуться. Даша обхватывала Чангу за шею, терлась щекой о выпуклый собачий лоб, что-то шептала, старалась ее утешить. Жалость и ласку Чанга понимала хорошо; но почему ее покинул хозяин? Этого она понять никак не могла. И это было ее первое горе.

Однажды вечером Чанга отказалась от еды. Когда Даша позвала ее есть, собака даже не сдвинулась с места.

— Тоскует, — сказала Дашина мама, — чувствует, наверно, что Валентин Сергеевич уехал надолго. Ничего, это пройдет. Голод — не тетка...

Даша убрала миску в холодильник и устроилась с книжкой в кресле. Она привычно погладила плюшевый лоб Чанги, провела пальцами по носу, но нос был теплый и шершавый, как будто покрылся корочкой. И лежала-то Чанга как-то странно, не так как всегда — положив голову на вытянутые лапы, — а на боку, разбросав лапы. Она не отзывалась на Дашину ласку, а только временами то странно покашливала, то непривычно причмокивала губами — собака была больна.

Врач появился в Дашиной квартире на второй день. Он послушал Чангу, сделал укол, сказал, что Даше повезло с каникулами — от собаки нельзя отходить, а потом сказал самое страшное: «Мы еще не всегда можем побеждать эту болезнь...»

Даша даже не представляла себе, что огромная и сильная собака может быть такой слабой и беспомощной. Чанга ничего не могла есть. Дашина мама варила для нее бульон, и они вместе кормили Чангу с ложечки, вливали ей в рот лекарство, промывали глаза, поили водой.

Шел второй месяц болезни. Врач по-прежнему часто приезжал, делал уколы. Однажды, уже закрыв свой чемоданчик, он посмотрел внимательно на собаку, провел рукой по жесткой потускневшей шерсти, обнял Дашу за плечи:

— Мы сделали все, что смогли, Дашенька. Теперь все зависит от собаки: сможет ли она побороть болезнь. И надо быть ко всему готовой. Теперь все зависит от собаки.

Так вот оно что: оказывается, есть моменты, когда что-то зависит и от тебя самой. И это «что-то» — твоя жизнь, Чанга. Слышишь, твоя жизнь... Ну-ка, собери последние силы, постарайся, голубушка...

А может быть, так думала и сама Чанга, может быть, поняла, что люди ждут теперь помощи от нее самой, кто знает?

Даша не пошла в эту ночь спать к себе в комнату, приставила к креслу стул, принесла одеяло и задремала возле Чанги.

Проснулась она оттого, что ясно почувствовала, как Чанга лижет ей руку. Даша вскочила и увидела, что собака пытается приподняться.

— Мама, скорее сюда, — закричала Даша, — Чанга хочет встать!

В этот же день, впервые за полтора месяца, Чанга поела сама и начисто вылизала миску.

Теперь Даша вспоминала то время, когда Чанга была еще щенком и только училась ходить на своих неокрепших ногах. Ноги у Чанги подкашивались, а один раз, выйдя из лифта, она опустилась на цементный пол, не в силах сдвинуться с места. Даша принесла к лифту старый брезентовый плащ, расстелила его на полу, опрокинула на него собаку и поволокла Чангу в квартиру.

...Валентин Сергеевич приехал неожиданно. Он появился на пороге Дашиной квартиры прямо с чемоданом в руках. Чанга узнала хозяина. От радостного взмаха тяжелого пушистого хвоста подлетели вверх Дашины тапки, один из них угодил прямо в щеку Валентина Сергеевича, и в тот же момент мохнатые Чангины лапы легли на его плечи...

«...Нос у Чанги — блестящая черная пуговка, вокруг нее белый с темными пятнами ободок, волосок к волоску. Как будто плюшевый намордник. Глаза огромные, влажные. Может быть, от радости влажные? Здравствуй, Чанга, здравствуй, голубушка...»

«...А Хозяин все такой же. Тот же плащ на нем. И пахнет от него по-прежнему, папиросным дымком. Где же ты пропадал, Хозяин?»

У Даши подкосились ноги. Она сидела на табуретке и смотрела из кухни на свою любимицу. Чанга с такой силой навалилась на хозяина, что было слышно, как в порыве нежности она два раза легонько стукнула его об дверь. «Поделом тебе, пропащая душа!»

Радостная возня из передней докатилась до Даши радостным голосом:

— Вот я и дома, Чанга! Домой!

И тут неожиданно Чанга приподняла уши, опустилась на пол и стала медленно пятиться по коридору. Она пятилась назад, в кухню. Упершись спиной в Дашины колени, она села на задние лапы, загородила Дашу.

— Что же ты, Чанга? Домой!

Чанга не двигалась, и Даша почувствовала, как все сильнее и сильнее прижимается к ней Чанга, вдавливая ее вместе с табуреткой в стену. Девочка обхватила густую рыжую гриву и заплакала.

...Смеркалось. Чанга сидела посередине тротуара возле Дашиного подъезда, справа, в десяти метрах от нее стоял Валентин Сергеевич, слева, на таком же расстоянии стояла Даша. Оба молча смотрели на Чангу, потом оба одновременно позвали:

— Чанга! Ко мне!

Собака не шевельнулась. Будто не ее звали; будто не ей предстояло решить, с кем же остаться; будто не ее собачье сердце раскалывается пополам; будто люди сами решат за нее: кто же теперь хозяин?

А люди решить не смогли.

— Чанга! Ко мне!

Чанга задрала морду, потянула носом воздух и вдруг протяжно, жалобно завывала. Потом поднялась и, медленно переставляя лапы, побрела в сторону Даши.

ПРО БОРИСА ЖИТКОВА

Привезли шестилетнего мальчика погостить к бабушке, в Петербург. Квартира у бабушки была большая, мебель старинная и всюду — множество удивительных вещей. В комнате, к примеру, где мальчика спать укладывали, на полочке — модель парохода. Да так мастерски и тонко сделанная! Как настоящий пароход... Наверное, по ночам, когда никто не видит, выходят изнутри парохода маленькие человечки, поднимают якоря, крутят руль-штурвал — и поплыли...

Так думал мальчик. И так он верил во все это и в человечков, что однажды, когда в доме все затихло, поднялся с постели и стал отковыривать край палубы. Поотрывал ванты, поломал пароход... Никаких человечков не поймал...

— А... — скажете вы. — Знаем, знаем... Это же из рассказа Бориса Житкова! «Как я ловил человечков»!

Конечно! Этот случай был с ним, когда он был совсем маленький. А уж спустя много-много лет он описал его.

Родился Борис Степанович Житков 30 августа 1882 года неподалеку от Новгорода. Отец его

был преподавателем математики в лицее, мать — хорошей музыкантшей, пианисткой. Позднее Житковы переехали в Одессу, к морю. Тут уж увидел он настоящие корабли. Греческие парусники-дубки, турецкие фелюги, французские шхуны. Услышал и истории: про кораблекрушения, про контрабандистов, про зарытые клады. Как было не полюбить море?

В тринадцать лет Борису Житкову посчастливилось пойти на грузовом судне, на пароходе «Новосильский». Взял его с собой в дальний рейс капитан, знакомый его отца. Тогда Житков увидел настоящее море, море без берегов, узнал, как живет команда на пароходе, как работает. Лазал и в матросский кубрик, и в кочегарку. И шторм настоящий попробовал впервые, новороссийскую бору, прихватившую их перед самым входом в порт...

А когда был Житков еще гимназистом, построили они с приятелем своими руками небольшую яхту «Секрет». Яхта получилась легкая, стройная. Решили идти на ней открытым морем в Ялту. Шли почти трое суток, пока сентябрьский шторм не выбросил их на Тендровскую косу. Волнами яхту разбило в щепки. До самой смерти не мог забыть Житков о «Секрете», суденышке, построенном собственными руками.

Подраставшего Бориса Житкова интересовало многое: музыка и фотографирование, математика и химические опыты, литература и астрономия. Не удивительно, что с годами Житков получил очень разностороннее и глубокое образование. Он окончил университет в Одессе, стал по специальности химиком, потом сдал экстерном экзамены на штурмана дальнего плавания, потом окончил курс политехнического института в Петрограде и получил еще один диплом — инженера-кораблестроителя. Если к этому добавить, что он был неплохим ихтиологом, в совершенстве владел несколькими языками и прекрасно играл на скрипке, то вам станет ясно, каким он был энциклопедически образованным и незаурядным человеком. И труд знал не понаслышке: в 1910 году на практике в Копенгагене он работает слесарем и токарем на механическом заводе «Атлас», в 1914 году — на судостроительном заводе, в конструкторском бюро в Николаеве, в 1915, в Архангельске — Житков — инспектор специального бюро, которое следило за исправным состоянием судов.

Когда началась мировая война, Житкова призвали на службу в военный флот в чине мичмана. А так как к этому времени он имел опыт полетов на самолетах, начальство направило его в Англию — принимать авиационные моторы.

Годы революции застали Житкова в Одессе, где он работал инженером порта. С приходом в Одессу белых, Житкову, о связях которого с большевиками в городе знали многие, пришлось скрываться — жить у рыбаков в глухом местечке, пока не прогнали белых.

В 1924 году Житков решил переехать в Ленинград: знакомые обещали помочь — устроить на работу. Но в стране была разруха, промышленность только начинали восстанавливать.

Безработица была обычным делом. И стал Житков мыкаться в Ленинграде без жилья, без работы, без денег...

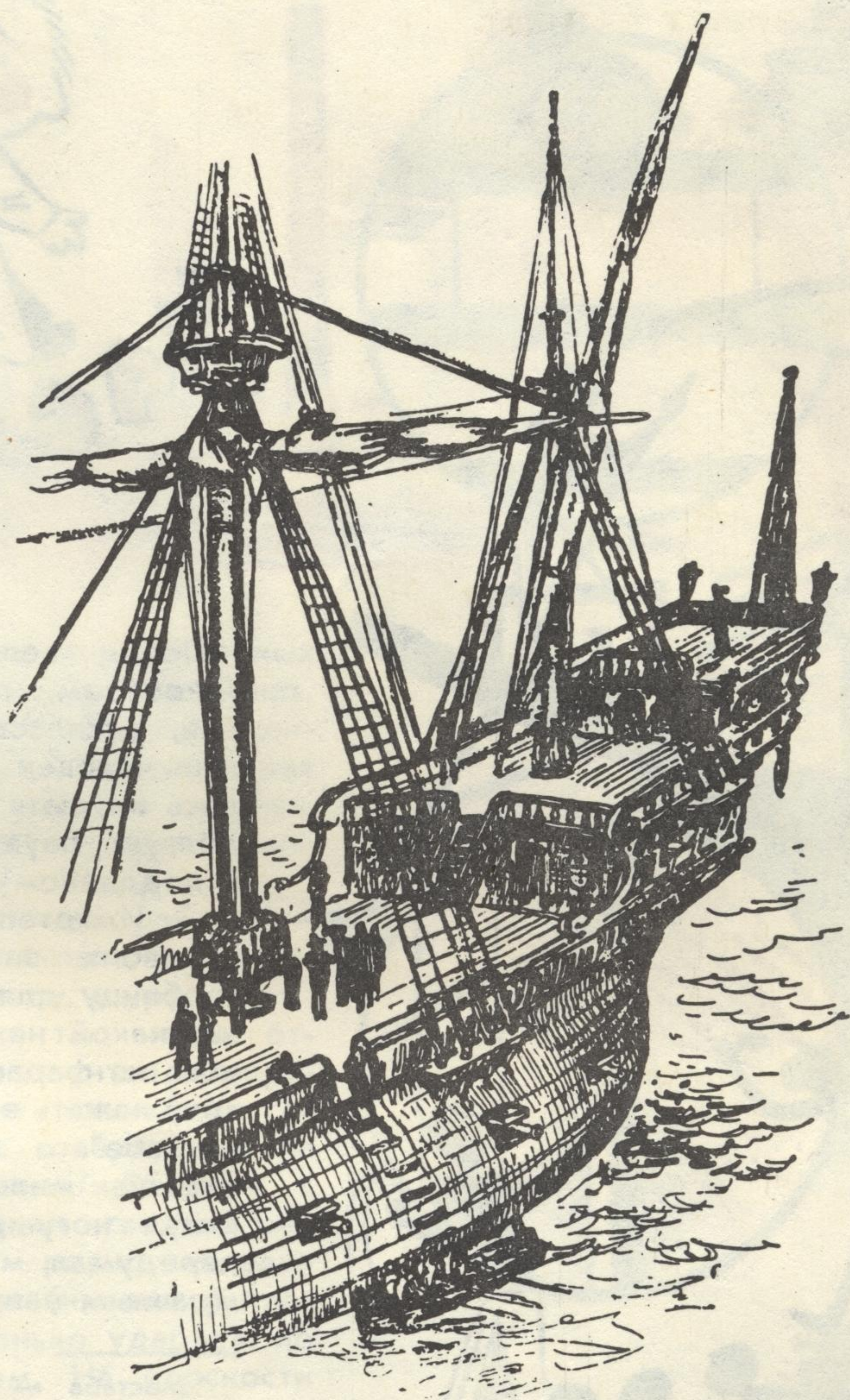
Тогда-то и был написан им первый рассказ. Было это так: пришел как-то Житков в гости к Корнею Чуковскому, принялся рассказывать его детям что-то из своей жизни. Корней Иванович услышал краем уха, сказал, — интересно! — попросил записать. Получился рассказ — «Шквал»...

Первая же книга сделала Житкова известным. Очевидно, писательское мастерство давно зрело в нем...

Житков очень любил детей. И в пятилетнем и в десятилетнем видел человека — маленького, смышленного, пытливого. И очень уважал его. Вот для этого человека он и начал писать свои книги. Писал он о том, что знал сам и видел. Требовал от себя подлинного, верного, порой даже жестокого изображения жизни. Может быть, потому свою первую книгу о море Житков так и назвал — «Злое море»...

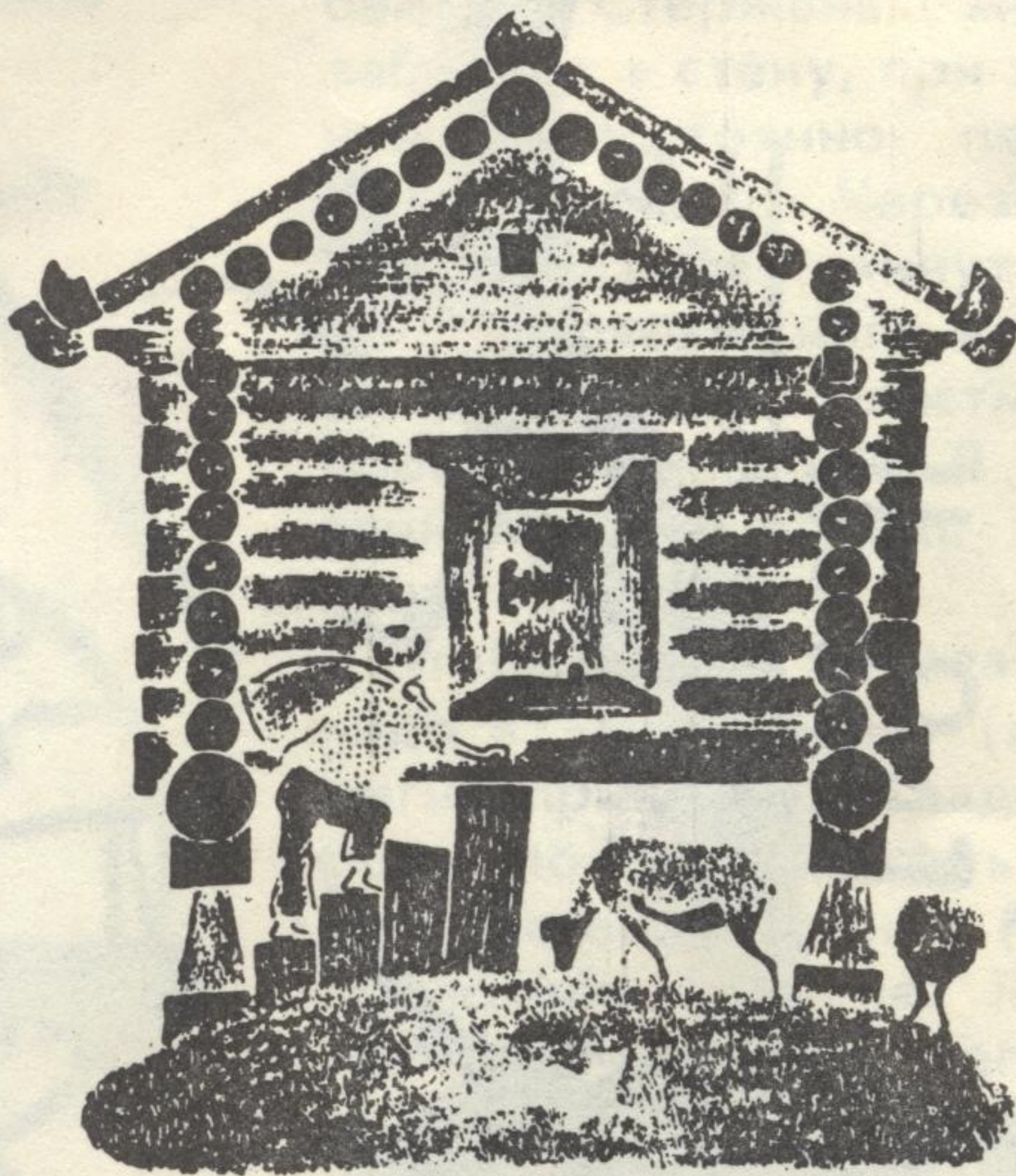
За свою жизнь во многих странах и портах довелось побывать Житкову. Он видел Болгарию и Турцию, Данию и Англию, Средиземное море и Ла-Манш, Марсель и Гонконг. Прошел по трем океанам — Атлантическому, Тихому и Индийскому. Видел, как поморы в Ледовитом океане охотятся на зверя, и как живут на африканском берегу, как в городе Коломбо, на Цейлоне, одни люди — рикши возят на себе других людей... Обо всем этом он считал себя обязанным рассказать.

Писательский стаж Бориса Житкова — четырнадцать лет и девять месяцев. От первой книги и до дня смерти 19 октября 1938 года, когда оставил он недописанную рукопись, не доделал рассказ, не окончил повести... Сев за письменный стол, этот великий труженик редко отрывался от него. Вся его жизнь была в творчестве. Он ведь ни в чем и никогда не был дилетантом, во всем был настоящим знатоком и работником.

Советуем прочитать книги Бориса Житкова: *Избранное. Морские истории. Рассказы о животных. Что бывало*, Детгиз, 1953 год; *Избранное*, Москва, Детгиз, 1957 год.

О. ОРЛОВ

Иллюстрации к книгам Б. Житкова

ЗАСТЕРОК

Перед великим фараоном Джосером, покорителем Нубии, распластавшись ниц, лежал человек. Джосеру нравилось внушать страх. Выдержав долгую паузу, он обратился к подданному:

— Имхотеп, мне говорили о твоих занятиях. Построй гробницу для своего господина, какой не было еще ни у кого из фараонов Египта. Я не хочу лежать в жалкой глиняной мастабе*.

В знак милости Джосер подвинул ногу для поцелуя, но передумал, ограничившись мрачным напутствием:

* Мастаба — гробница фараонов из обожженной глины.

— Ступай. От твоего умения зависит твоя жизнь.

В назначенный срок Имхотеп принес папирусы с чертежами. Огромное каменное основание, а на нем пять постепенно уменьшавшихся плит — вот что представляла собой гробница. Фараон остался доволен. Он назначил Имхотепа начальником.

Гробница Джосера открыла историю египетских пирамид. Ее сооружение далось очень тяжелым трудом. В близлежащих горах тысячи рабов вырубали блоки известняка, а затем выламывали их при помощи клиньев. Полученные блоки обрабатывали каменными и медными инструментами. Вокруг пирамиды другие тысячи рабов воздвигали земляные валы. Они росли вместе с ней, поднимая строителей и грузы. Гробница строилась на костях рабов...

Но нас здесь интересует одна деталь: впервые плиты известняка использовали как отделочный материал. Недаром Имхотепа зовут отцом каменного дела.

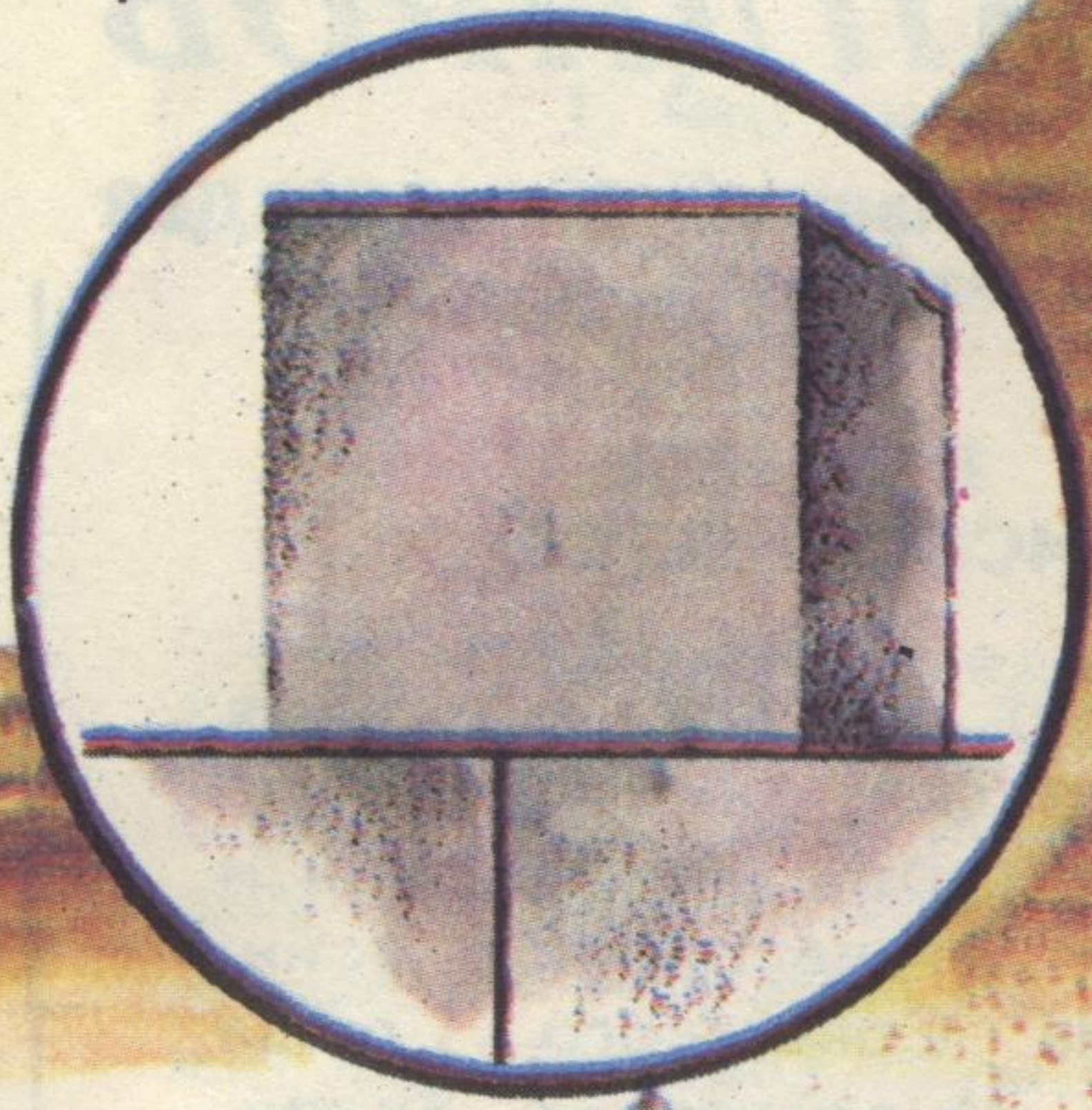
Отделка плитами

1. В Древнем Египте.

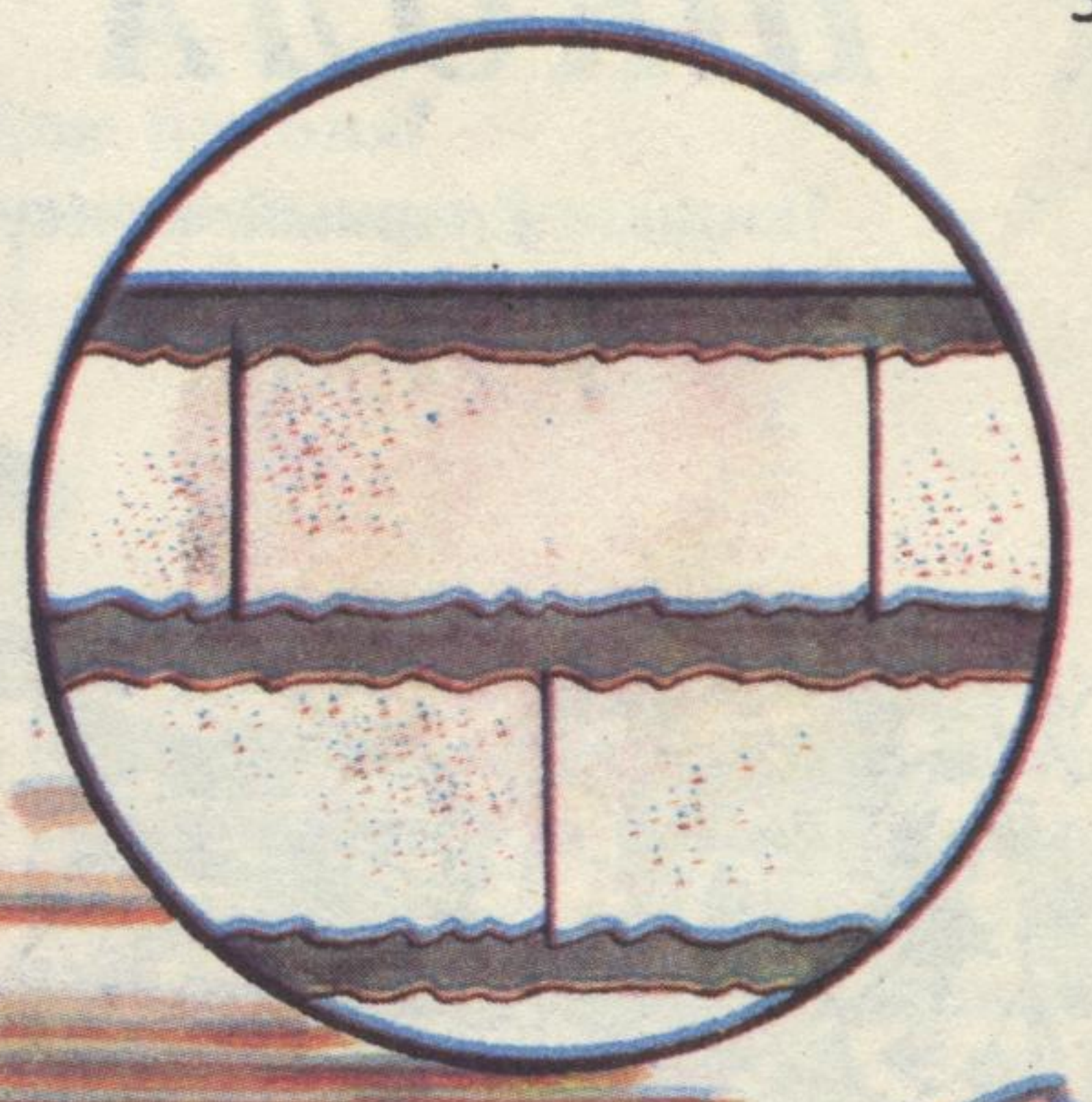
Плиты несколько метров

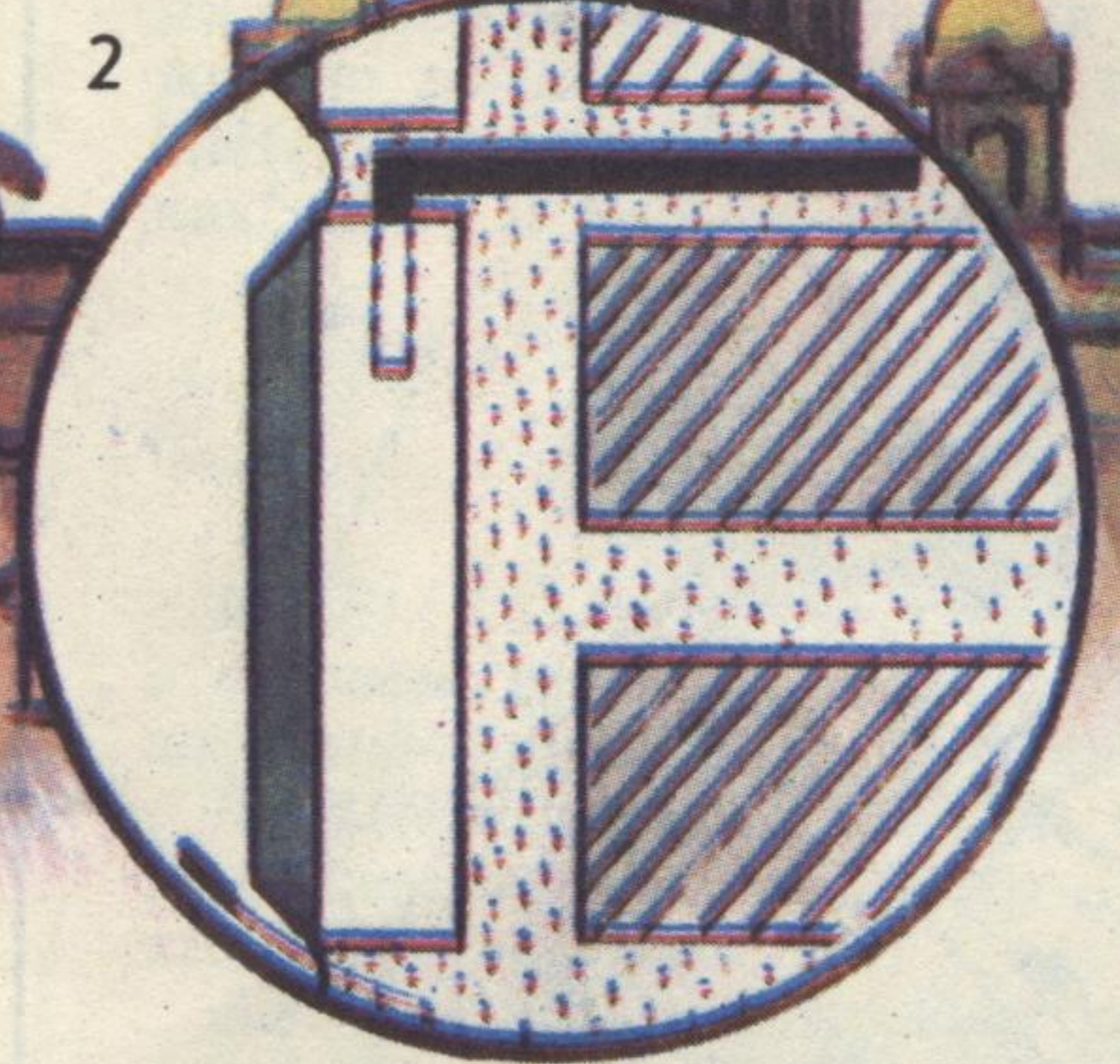
1

3

2

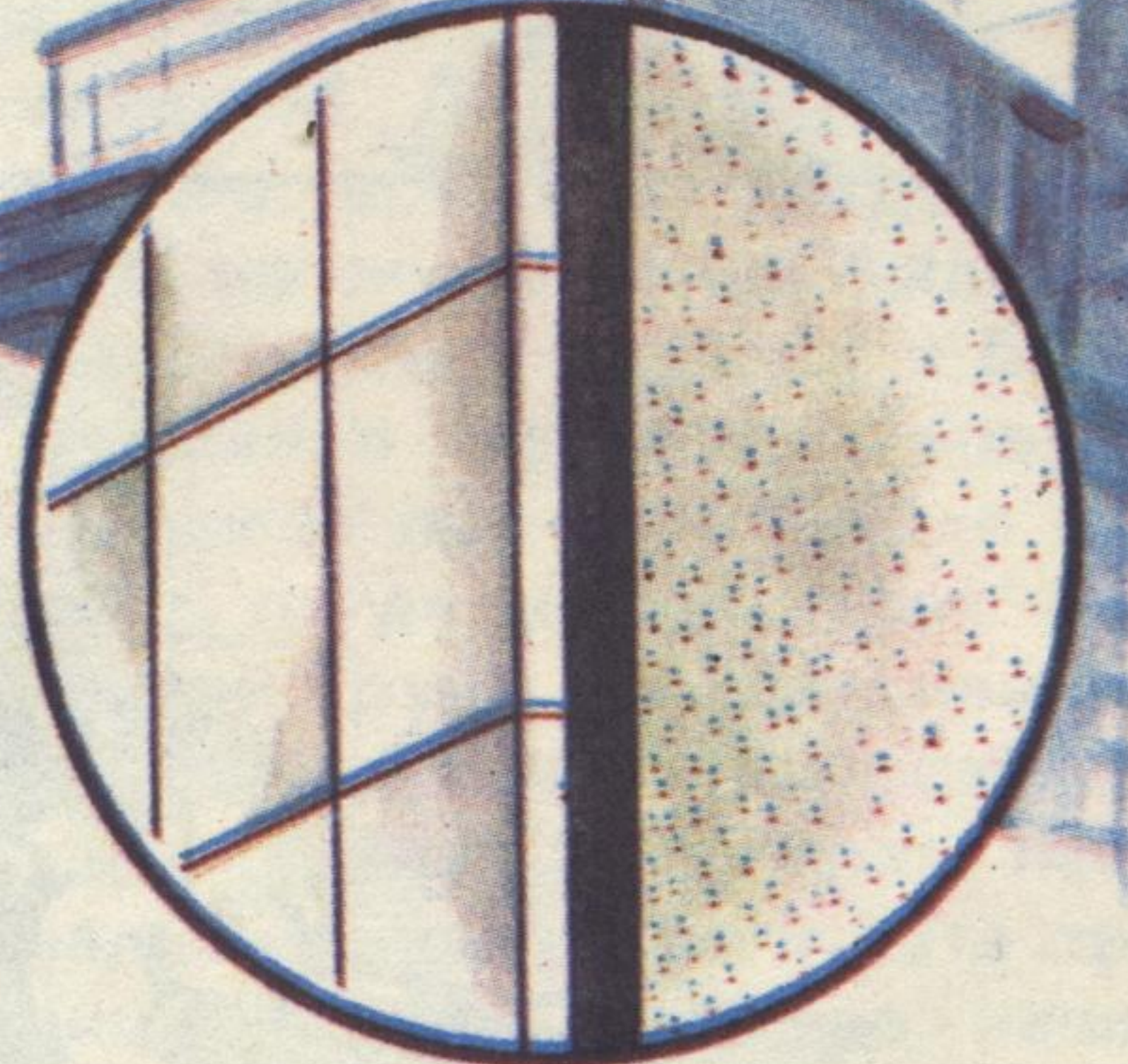

приобрести в хозяйственных или строительных магазинах. Это древесно-стружечная плита (обрезки), декоративная бумага под текстуру дерева, клей ПВА, шлямбурный комплект.

Инструменты для работы — коловорот, ножовка, рубанок, стамеска, гвозди, шурупы.

Как сделать так, чтобы отверстия для шпунтов в верхних и нижних плоскостях совместились с отверстиями на боковых стенках? Вбиваем в боковые стенки гвозди без шляпок, затем ровно накладываем верхнюю (нижнюю) плоскость и тихонько ударяем по ней молотком. На плоскости

4

толщиной, тщательно подогнаны друг к другу.

2. Исаакиевский собор. Ленинград.

Плиты толщиной полметра. Для сцепления — раствор.

3. «Октябрьский» — киноконцертный зал. Ленинград.

Плиты толщиной 20 см крепятся при помощи раствора и особых скоб из цветных металлов.

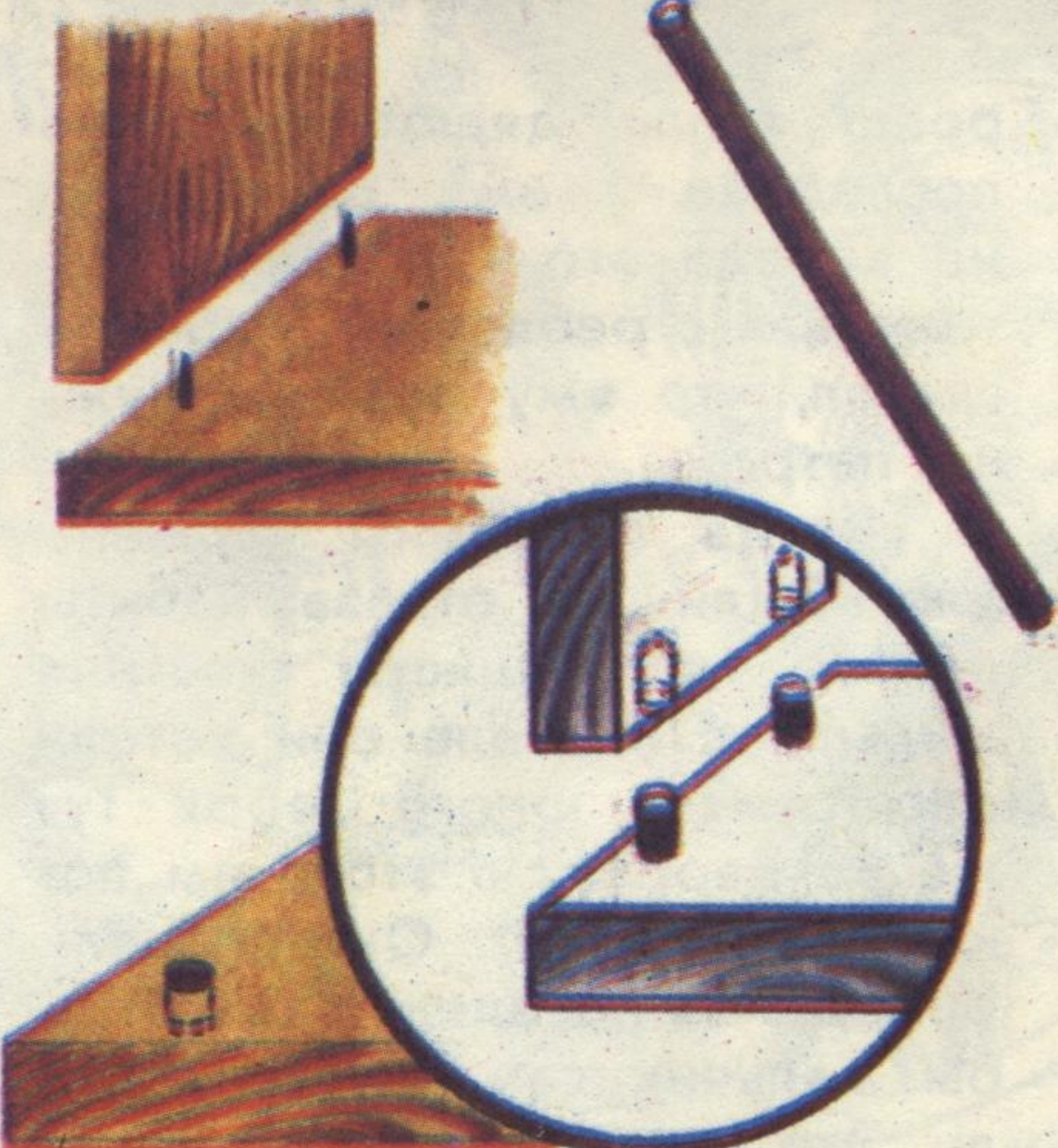
4. Пригород Парижа. Жилые многоэтажные дома.

Мраморные плиты толщиной 10 мм, крепятся специальными смолами.

Ребята, попробуйте сделать сами такую вот симпатичную полочку. Она украсит ваш рабочий уголок. На ней удобно хранить учебники.

Как сделать полку, ясно из этого рисунка. Вот несколько советов.

Материал для полки можно

появились маленькие ямки, по ним и сверлить.

Если живешь в новом доме, стена бетонная, — закрепить полку трудно. Для этого служит шлямбурный комплект. Он состоит из стержней и дюбелей. Стержень молотком забивают в стену, при этом его нужно постоянно поворачивать, вращать. Через пятнадцать-двадцать минут отверстие готово. В него вставляется дюбель — пластмассовая пробка с резьбой. В дюбель ввинчивайте шуруп. Можно вешать полку.

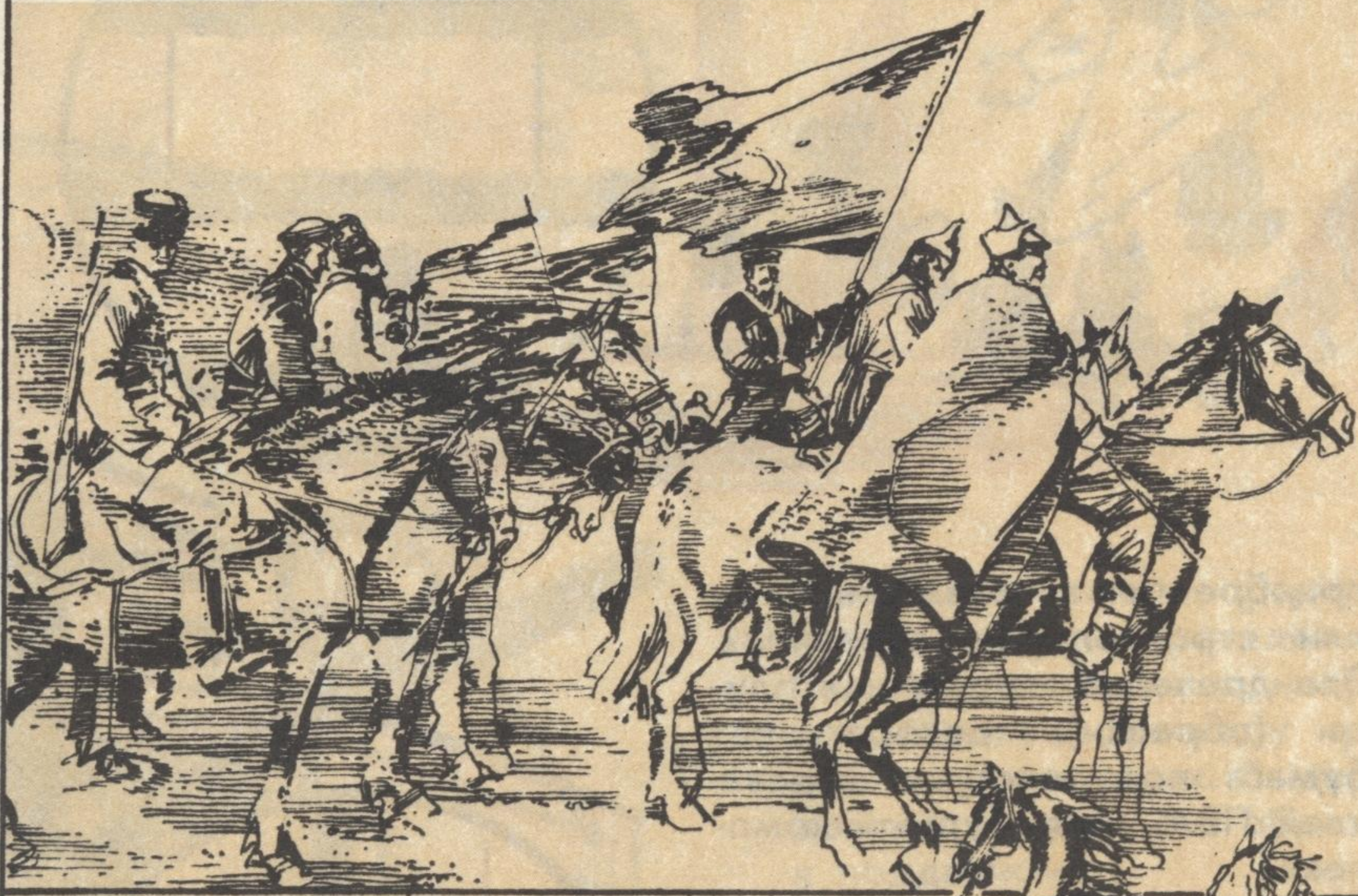
Чтобы полка висела прямо, надо взять картонку (лист бумаги), приложить к задней стороне полки, наметить отверстия, затем картонку (бумагу) приложить к стене. Лист бумаги равнять куда легче, чем целую полку.

Оформление Л. Иванова

ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ

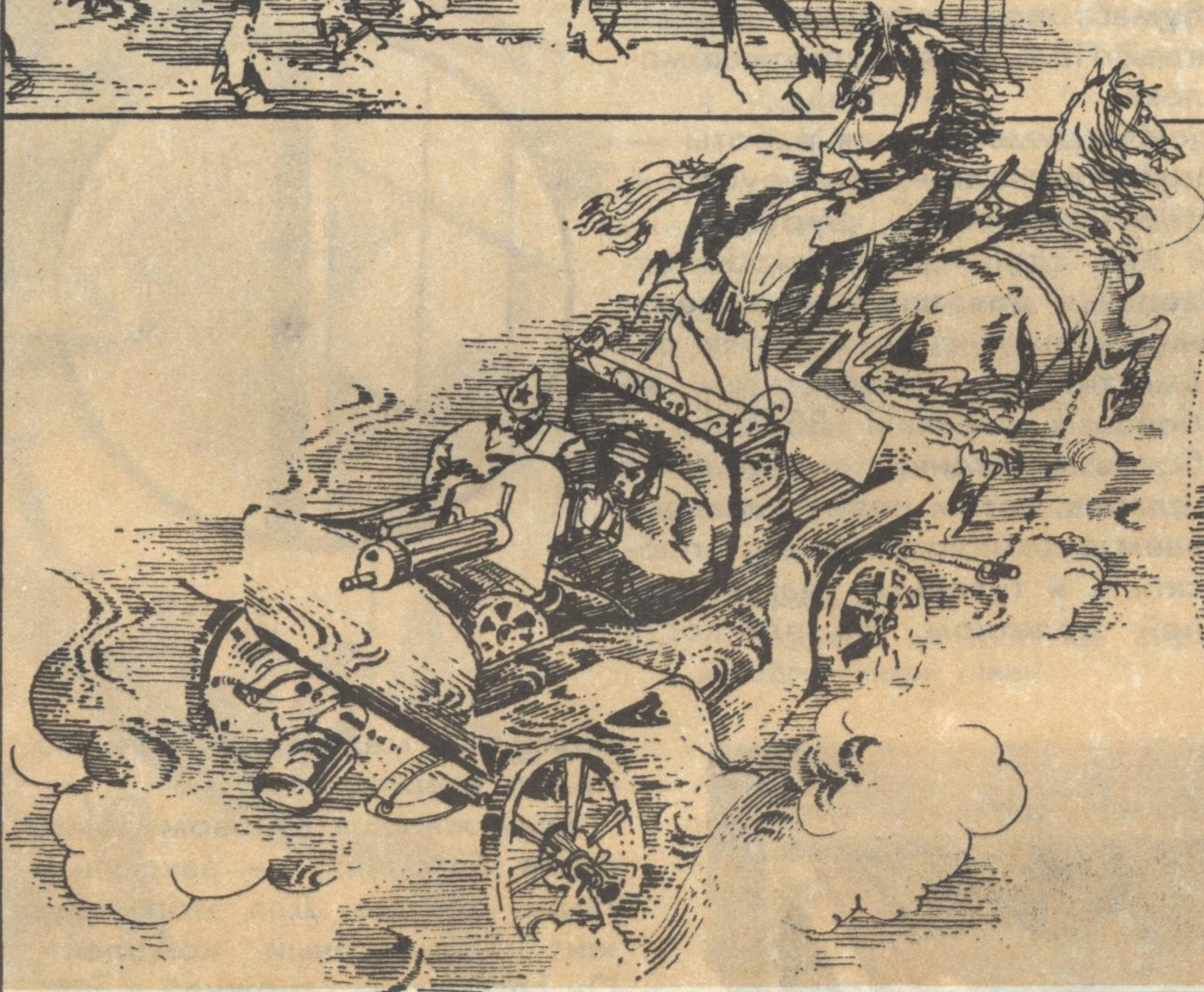
Главный консультант Герой Советского Союза генерал-лейтенант Д. А. МЕДВЕДЕВ

В АПРЕЛЕ ИСПОЛНЯЕТСЯ

100 лет со дня рождения выдающегося советского полководца, героя гражданской и Великой Отечественной войн, Маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного.

65 лет со дня утверждения первой советской военной присяги.

СЫН ПОЛКА

Фашистский пулеметный расчет расположился прямо во дворе дома Соколовых. Здесь же во дворе стояли ящики с патронами. Враги совершенно не обращали внимания на хозяйского мальчишку Володю, с любопытством бродившего около военной техники. Улучив момент, Володя выхватил из ящика горсть патронов и убежал. Вечером в овраге Володя Соколов вместе с друзьями развели костер, побросали туда патроны. За этим занятием их застал Борис Маринин. Мальчишки хо-

рошо знали дядю Борю, но последнее время они давно не видели его в поселке. Потолковав с ребятами, Маринин сказал, что ему позарез нужны патроны.

...Когда Володины карманы уже были до отказа набиты патронами, фашисты схватили мальчика. Вначале они хотели расстрелять юного героя тут же во дворе. Но этого им показалось мало. Они повели Володю за поселок, с тем, чтобы мальчик сам вырыл могилу. Это его и спасло. По дороге Володя рванулся в сторону

и бежал. Вскоре он был у партизан.

Через полгода Володя вернулся в родной Коростень, из которого враги уже ушли. Дома Володя уже не нашел ни матери, ни сестер. Да и сам дом был уничтожен. Вскоре подошли передовые части нашей армии, и Володя Соколов стал сыном полка.

Впереди были долгие фронтовые дороги, тяжелые бои, ранения. К концу войны на груди молодого бойца сверкали два ордена Славы и много медалей.

ВОПРОСЫ ЮНАРМЕЙЦАМ

1. Что такое пароль? Какие слова обычно используются для пароля?
2. Какая команда подается при прохождении моста колонной военнослужащих?
3. Кто первым отдает честь при равных воинских званиях?

КАК УСТАНОВИТЬ ПАЛАТКУ

Ставить палатку следует поближе к воде, задней стенкой к ветру. Никогда не прижимайтесь к стенкам палатки во время дождя — в этом месте может образоваться течь. Но ес-

ли это все же случилось, сделайте так: от места протечки проведите пальцем вниз, причем с сильным нажимом.

Зимой, предохраняя палатку от ветра, закопайте ее поглуб-

же в снег. Если нет печки, то палатку можно согреть нагретыми на костре камнями. Можно также прогреть костром то место, где будет установлена палатка.

ЧИТАЯ КНИГУ

Протрубил рог; в замке тоже в ответ протрубил рог; начались переговоры; нам отвечали со стен, где под колышущимися знаменами с грубыми изображениями драконов расхаживали воины в ШИШАКАХ и ПАНЦИРЯХ, с АЛЕБАРДАМИ на плечах.

Марк Твен
«Янки при дворе короля Артура»

ШИШАК — металлический шлем с острием, вершина которого обычно заканчивалась небольшой шишкой.

ПАНЦИРЬ — старинный доспех, защищавший туловище от ударов холодным оружием.

АЛЕБАРДА — старинное оружие, представляющее собой секиру на длинном древке.

РАЗ, ДВА, ЛЕВОЙ!

Кто не слышал этой команды, которую подает офицер, ведя по улицам колонну солдат. А почему, собственно, «левой»? Дело вот в чем. В давние времена, когда главным оружием воина были меч и щит, боец, готовясь к битве, выставлял левую ногу вперед, закрывая при этом левую сторону груди щитом. Меч — в правой руке. В дальнейшем все приемы на тренировках и упражнениях с оружием начались с левой ноги. Эта традиция сохранилась до наших дней.

Оформление В. Цикоты

Весёлый ЗВОНОК

В КАБИНЕТЕ директора

— А, это ты, Брюквин? Входи, входи, давно тебя дожидаюсь. Видишь, какая тебе честь — сам директор школы отложил свои дела, чтобы с тобой побеседовать!

— Я больше не буду...

— Ага, знает кошка, чье мясо съела! Значит, предчувствуешь, о чем пойдет разговор?

— Я больше не буду...

— Это мы уже слышали. Вот передо мной целый список твоих приключений. Просто какой-то мифологический герой! Двенадцать подвигов Геракла!

— Я больше не буду...

— Начнем с первого апреля. В этот день тебя не было в школе. Так думали учителя. А на самом деле ты все уроки просидел под партой — это была твоя «первоапрельская шутка»...

— Я больше не буду...

— Четвертого апреля, в понедельник, на уроке физкультуры ты забросил в баскетбольную корзину портфель ученицы Ани Карнауховой, который упал на голову твоему однокласснику Петухову!..

— Я больше не буду...

— Шестого апреля на уроке истории ты сделал сенсационное открытие: оказывается, декабристы получили свое название из-за того, что они все родились в декабре!..

— Я больше не буду...

— Одиннадцатого апреля во время перемены ты демонстрировал приемы каратэ, в результате чего пробил ногой перегородку и влетел в учительскую!..

— Я больше не буду...

— Во вторник, двенадцатого апреля, на уроке химии ты пытался растворить в азотной кислоте свой дневник, но, к счастью, не нашлось подходящей посуды...

— Я больше не буду...

— Через неделю, девятнадцатого числа, учительница русского языка попросила тебя на доске написать сегодняшнее число. И ты, не задумываясь, написал: «Сигодне фторник, дивитнацатое опреля», чем вызвал сердечный приступ у Марии Афанасьевны...

— Я больше не буду...

— Вчера на уроке литературы ты получил сразу две двойки. Одну за то, что подсказывал, а вторую — за то, что подсказывал неправильно: по-твоему выходит, что Муму — это кличка коровы, которая утопилась, не выдержав самодурства барыни...

— Я больше не буду...

— Ну что мне с тобой делать, Брюквин?! А ведь при желании ты можешь хорошо учиться. Вот, например, в прошлом месяце ты получил вполне заслуженную пятерку по математике!

— Я больше не буду...

Л. КАМИНСКИЙ

Перед уроком литературы Петя подошел к Виталику и сказал:

— Ты мне друг?

— Ну, — сказал Виталик.

— Тогда будешь мне писать на листке стихотворение, если меня вызовут.

Так и произошло. Анна Романовна сказала:

— Комаров, к доске! Читай стихи.

Петя вышел и устался на Виталика. Тот что-то написал

на бумажке и показал Пете.

— Мороз и солнце! — сказал Петя и замолчал.

В это время у Виталика выпала ручка.

— Ты чего ждешь? — спросила Петю учительница.

— Когда он ручку поднимет! — ответил Петя.

И все засмеялись.

Гена Жевняк,

5 класс,

г. Солнечный,

Семипалатинская область

ГДЕ ВИТАЕТ ИВАНОВ

— А на льдине, запятая,
Где жила медведица...
Иванов! Ты где витаешь? —
Анна Львовна сердится.
Иванов представил льдину,
Холодину,
Белый мех.
Он из парты шапку вынул
И надел.
А в классе смех!
— Иванов!
Тут класс, не сцена!
Маму вызову, учти!
Иванов решил мгновенно:
— Во! На сцену бы пойти!
Анна Львовна что ни скажет,
Все представить он готов!
Толком сам не знает даже —
Где витает Иванов!

Людмила ФАДЕЕВА

ИЗ НЕПОЛНОГО СОБРАНИЯ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

"Калитанская
дочка" — Мама
была дочерью ка-
питана дальнего
плавания.

"Это случилось в прошлом
тысячелетии
нашего века."

У Тети на голове
волосы росли дыбом.

На дереве
висели спелые
груши и яблоки

Посреди хитри-
цы на плите
варилась по-
хлебна, в ней
сидели муж
с женой.

Прислали: Марина Ключикова (Ишимбай), Лена Петрова (Чимкентская обл.), Андрей Чесноков (Уральск), Аня Корнилова (Усинск), Игорь Витрищак (Ворошиловград), Алена Петрухина (с. Зимино Алтайского края)

Толя иногда прогуливал уроки. Однажды, когда он пришел на урок истории, учитель спросил его:

— Лопушков, что ты нам можешь рассказать о войне 1812 года?

Толя, не подумав, тут же ответил:

— А меня тогда не было!
И все засмеялись!

Сергей Канюков,
4 класс,
Каменногорск
Ленинградская область

На уроке
англий-
ского

Мы составляли фразы по картинкам. Михаил Анатольевич показал картинку и спросил Витю:

— Кто здесь нарисован?

Витя ответил:

— Здесь нарисован мальчик.

— Скажи по-английски.

— Здесь нарисован английский мальчик!..

И все засмеялись!

Натasha Гулько,
4 класс,
Челябинская область

Был урок ботаники. Мы проходили тему «Сухие и сочные семена». Ирина Тимофеевна спросила у класса:

— Куда мы отнесем подорожник?

Витя Палочкин поднял руку:
— Подорожник мы отнесем в аптеку!

И все засмеялись!

Нелли Шакирова,
5 класс,
Кизел

ДЕВОЧКА-МУРАВЕЙ

ПО МОТИВАМ АФГАНСКОЙ СКАЗКИ

Жил в одном селении мудрец, который любил часами сидеть на берегу арыка, размышляя о непрочности и изменчивости всего земного.

И вот однажды он сидел так, погруженный в думы, а над ним пролетал преследуемый соколом воробей. Воробей держал в клюве муравья и, пролетая над арыком, выпустил муравья из клюва. Муравей упал у самых ног мудреца, тот поднял его и, жалея, отнес домой. Тут надо сказать, что мудрец еще был и волшебником, во всяком случае, он знал заклинания, с помощью которых можно превращать одно живое существо в другое. Принеся муравья домой, он положил его на пол и, повернувшись лицом к востоку, произнес нужные слова, отчего муравей стал расти, менять свой облик и превратился в маленькую девочку.

Мудрец взял ее за руку и отвел к своему другу, у которого было уже несколько детей и которому не трудно было вырастить еще одного ребенка.

Шли годы, и девочка превратилась в стройную прекрасную девушку.

Тогда мудрец призвал к себе ее приемного отца, и они стали рассуждать, что делать дальше.

— Я думаю, — сказал друг, — что настало время найти того, с кем она может идти дальше по жизни. В нашем селении много крепких красивых юношей. А кого она выберет — давай спросим ее.

Но девушка, когда она предстала перед ними (а она была действительно умна и прекрасна), сказала:

— О, вы, чьим словам я должна повиноваться. Не кажется ли вам, что те юноши, о которых вы говорите, уступают мне в достоинствах? А вы столько раз учили меня, что только равенство соединяет сердца.

— Ты права, — ответил, подумав, мудрец. — Но кто в этом мире достойнее и безупречнее всех? Самый сильный. А кто сильнее всех? Солнце, оно побеждает даже мрак.

— Хорошо, пусть будет солнце, — согласилась девушка.

И рано утром, едва только солнце взошло над вершинами Гиндукуша, мудрец крикнул:

— О, светило! Эта девушка достойна самого могущественного друга. Не возьмешь ли ты ее себе в спутницы?

— Она прекрасна, — ответило солнце, — и я было бы радо, если бы рядом со мной всегда сияла она. Но, увы, не я самое сильное и самое могущественное, а туча. Даже небольшое облачко закрывает меня.

Тогда мудрец и девушка отправились к туче. Они нашли ее лежащей у подножья высокой горы.

— Что делать, — ответила им туча, — и я была бы рада иметь тебя подругой, но мое могущество ограничено: ветер гонит меня куда хочет.

И они обратились к ветру.

— Разве это сила и мощь! — воскликнул в ответ им ветер. — Только слабые тучи, да гибкие деревья уступают мне. Посмотрите на гору — как несокрушима она, как прочно вросла в землю. Могущественнее ее, по-моему, нет на свете ничего.

Мудрец обратился к горе и повторил свою просьбу взять девушку в подруги.

— Нет, нет. Скажу по справедливости, уж если кто и обладает могуществом и настоящей силой, то это муравьи, — печально ответила ему гора. — Действительно, я не поддаюсь пока ветру, но муравьи уже изрыли все мое тело, они расширили в нем все трещинки. Они мудры и трудолюбивы. Я ничего не могу с ними поделать — ни прогнать их, ни уйти от них. Скоро мне наступит конец.

— Подожди меня! — сказал, подумав, мудрец, подошел к горе, выбрал среди тысяч муравьев, которые копошились на ее склонах, одного, взял его на палец и вернулся туда, где стояла красавица.

— Ты слышала все, — сказал он ей. — Смотри, подходит он тебе?

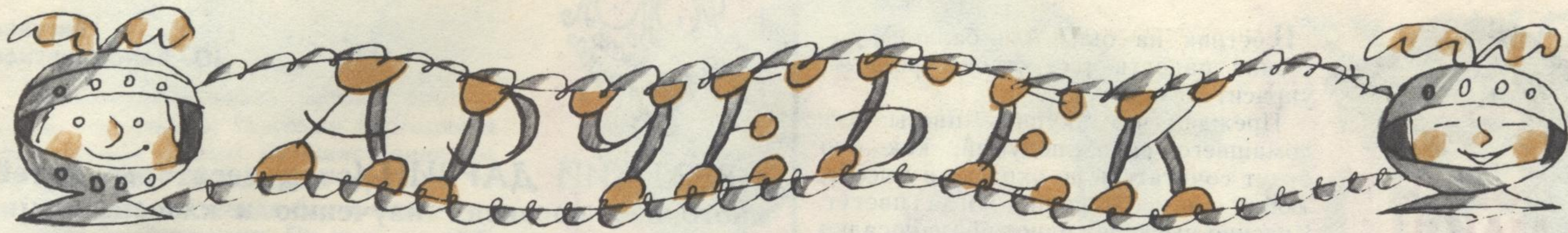
— Конечно, — ответила девушка, — ведь ты слышал: он равен мне достоинствами и он действительно самый сильный.

И тогда мудрец, повернувшись лицом к востоку, произнес известные ему слова заклинания, — тело девушки стало уменьшаться, изменять форму и она опять превратилась в муравья.

Два муравья взяли друг друга за руки и скрылись в расселине горы...

Обработал и пересказал С. САХАРНОВ
Рисунок А. Ветрогонского

ЧЕМПИОНАТ-83

Борьба за выход в финал разгорается! Сегодня 4-й тур.

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крс1, Фf1, Са8, пп. с5, е5; черные: Кре3.

Б. Белые: Крг1, Лд4, Кf2, Кh2, пп. b4, g4; черные: Крг3, пп. b5, g2.

Цель разведки: в обеих задачах (Юрий Селявкин, Воронеж), объявить черному королю мат в 4 хода.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: a1, b4, c5, g1, h2, h4, h6; черные: a3, a7, d2, d8, e3, e5, f6.

Б. Белые: c1, c3, f2, g1, g3, h2; черные: a5, a7, c7, d4, e5, f6.

Цель разведки: и в А и в Б (их автор Сергей Похвалитов, Симферополь) установить, могут ли белые выиграть.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 15, 29, 31, 37, 38, 47; черные: 8, 13, 14, 19, 22, 27.

Б. Белые: 15, 30, 31, 37, 40, 47, 48; черные: 4, 14, 19, 22, 33, 38.

Цель разведки: найти пути к победе белых.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь фигуры — белые: Кrf3, Лd1, Ке5, п. f6; черные: Кре8, Фg5, Лf7, п. g6. А теперь представь: ты командуешь белыми и тебе приказано обеспечить победу над твоим грозным противником. Как ты распорядишься? Какой сделаешь ход?

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

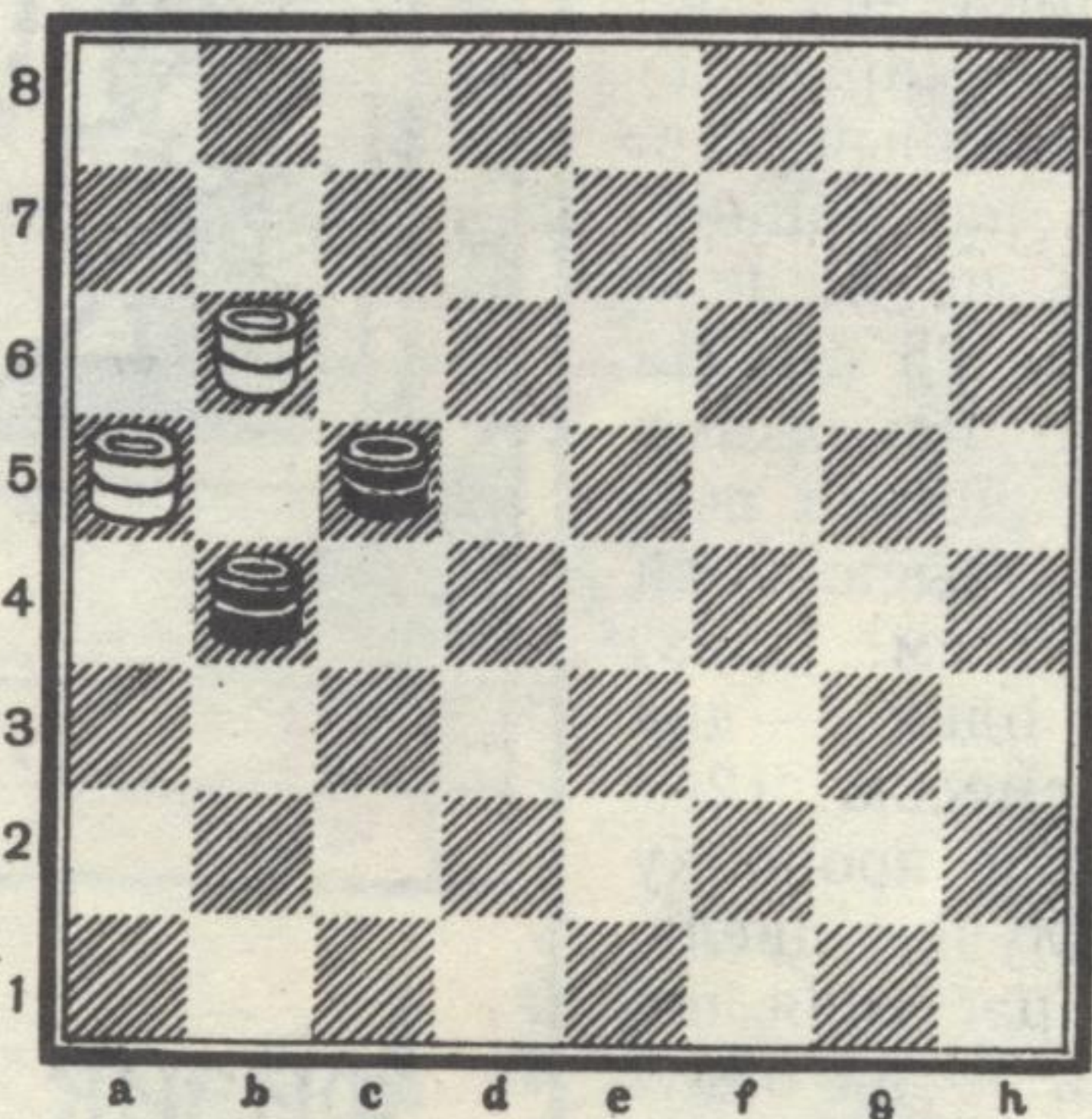
В конкурсе «Что сказал Знай?» («Костер» № 10, 1982 г.) награждаются разведчики: **Денис Повшедный (Караганда)**, **Галя Демина (Ярославль)**, **Игорь Фролкин (с. Белый Яр)**.

Отличные донесения прислали и многие другие разведчики, среди них — **Андрей и Сережа Черепановы, Костя Волобоев, Игорь Ванин, Гена Луценко, Сережа Шевцов, Таня Пайщикова, Боря Егоров, Костя Виноградов, Максим Майоров, Альберт Поле, Сережа Абраменко, Павел Кармазов, Дима Бахтин, Саша Нагорный, Сережа Мельников, Олег Малафеев, Андрей Карлов, Алишер Бегимов...**

Вот их ответ (он был подкреплен

убедительными вариантами-доказательствами) — «Знай сказал, что в положениях а) и в) белые выигрывают, а в б) и г) будет ничья». Тем, кто в этом сомневается, полезно взглянуть в «Костер» № 11, 1982 г. и в № 2, 1983 г.

КТО? КТО? КТО?

Две белые и две черные дамки стоят так, как на диаграмме. Ход белых. Могла ли такая забавная позиция возникнуть в игре, если партнеры не нарушали правил? «Могла!» — заявляет ее автор — **Юрий Новиков (Москва)**.

Кто же сумеет нарисовать какое-либо положение без шашек под боем и без соприкосновения белых шашек с черными, из которого можно получить позицию Новикова?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 2 решаются так:

Чемпионат. ШХМ. А. 1. Cd3! Б. 1. Лd4!

РШ. А. 1. d2! 2. f2! 3. a7X. Б. 1. d4! 2. b4! 3. g3 4. b2!X.

МШ. А. 1. 22!X. Б. 1. 28—23! 2. 34!X.

Стол находок. 1. Фd5! Кrf4 2. Фе6 Крг5 3. Фf7 Кph6 4. Фg8 Кph5 5. Фg7. А вот решения задач призового тура («Костер» № 10, 1982 г.)

ШХМ. А. (В. Киппинг) В 3 хода —

1. Кра5! е1Ф+ 2. Кrb6, или Лg7 2. Ке7+, или Лg8 2. Кd4+, или Лg5 2. Кrb6. **Б.** В 3 хода — 1. Крс5! Кре3 2. Ла4!, или Кре5 2. Фf1!, или Кrf5 2. Кpd4. **В.** В 3 хода — 1. Кpd5! Кrf7 2. Фh7+, или Кpd8 2. Крс6; или b5 2. Фе6+. **Г.** В 4 хода — 1. g5. Кре8 (Крг8 2. Кре6 Кph7 3. Кpf7) 2. Кре4!! Кrf7 3. Фd8!. **Д.** (Э. Паоли, Ю. Сарбийк). Белым не спастись: если 1. С:g3, то е5! 2. С:e5 Кpd2 3. Кре7 Кре3 4. Кре6 Кре4! и одна из пешек проводится в ферзи; если же 1. Кр:e7, то g2 2. Cd4 Кpd2 3. Кре6 Кpd3 4. Кре5 f4! 5. Сg1 d4! 6. Кр:f4 Крс3 и т. д. **Е.** (Г. Маттисон). Выигрыш: 1. b8Ф+! Кр:b8 2. g7 Ле5+ 3. Кrf1!! (но не 3. Кrf2? из-за Ле8 4. Лf3 Лс8 5. Лf7 Ке5 6. Лf8 Kg4+ и 7... Kh6 с ничьей) 3... Ле8 (Ке7 4. Лd7!) 4. Лf3! Лс8 5. Лf7!!

РШ. А. Лишь ничья: 1. е3! 2. c3! 3. c3! е7!!=. **Б.** Выигрыш: 1. d4! 2. ab2! d4 3. d2! 4. d2 5. a5 c5 6. g3 X. **В.** Выигрыш: 1. b2! a1 (h4 2. f2! 3. e3X) 2. d2! 3. e3X.. **Г.** Белым не спастись: если 1. b6, то g1! 2. a7 c7!!X (так как на 3. b8 следует ge3X, а на 3. h8 вносит ясность b2! 4. a1 b2! 5. b8 h2X); если же 1. h8, то g1 2. a1 c5 3. f6 ab2! 4. a1 b4! 5. c3 b2X. **Д.** Ничья: 1. fe3! 2. f2! 3. ed4! 4. g5 5. h6=. **Е.** Белым не спастись: если 1. hg5 h6 2. f6, то c3! 3. b2 c5! 4. e5 g7! 5. h8 ab4X, если же 1. f6, то е5! 2. h8 g1!X.

МШ. А. 1. 28—22! 2. 31 3. 21! 4. 48—42! 5. 41! 6. 38—33X. **Б.** 1. 21! 2. 41! 3. 34! 4. 24!X. **В.** 1. 17! 2. 21! 3. 12!X. **Г.** 1. 40! 2. 4 36 (или 39 3. 28 и, как в главном варианте) 3. 32—27 22 4. 27 40 5. 18! 45 6. 7! 7. 44!X. **Д.** 1. 26 22 2. 28!! 3. 37!! 40 4. 5X. **Е.** Ничья. Вот главный авторский вариант — 1.37 23 2. 42 29 3. 38 34 4. 37—32 31 5. 33! 36 (если 40, то 6. 27! =) 6. 29! =.

Победители Чемпионата-82 будут названы в «Костре» № 5.

ПРИКАЗ № 4

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. О выполнении боевых заданий всем арчебековцам отправить рапорты до 1 июля.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

СОВЕТЫ МАШИ ИСКУСНИЦЫ

Цветник на окне или балконе доставит радость тебе, твоим родным, украсит дом и улицу.

Прежде, чем купить цветы для домашнего сада, подумай, как они будут сочетаться по окраске и высоте, любят свет или тень, когда цветут. Красиво выглядят однотонные посадки ярко-красной герани или оранжевой настурции, но, высаженные рядом, они не будут гармонировать. А если ты посадишь между ними белые или серебристые цветы, сочетание будет приятно для глаз. Хорошо смотрится оранжевое или желтое с синим или фиолетовым.

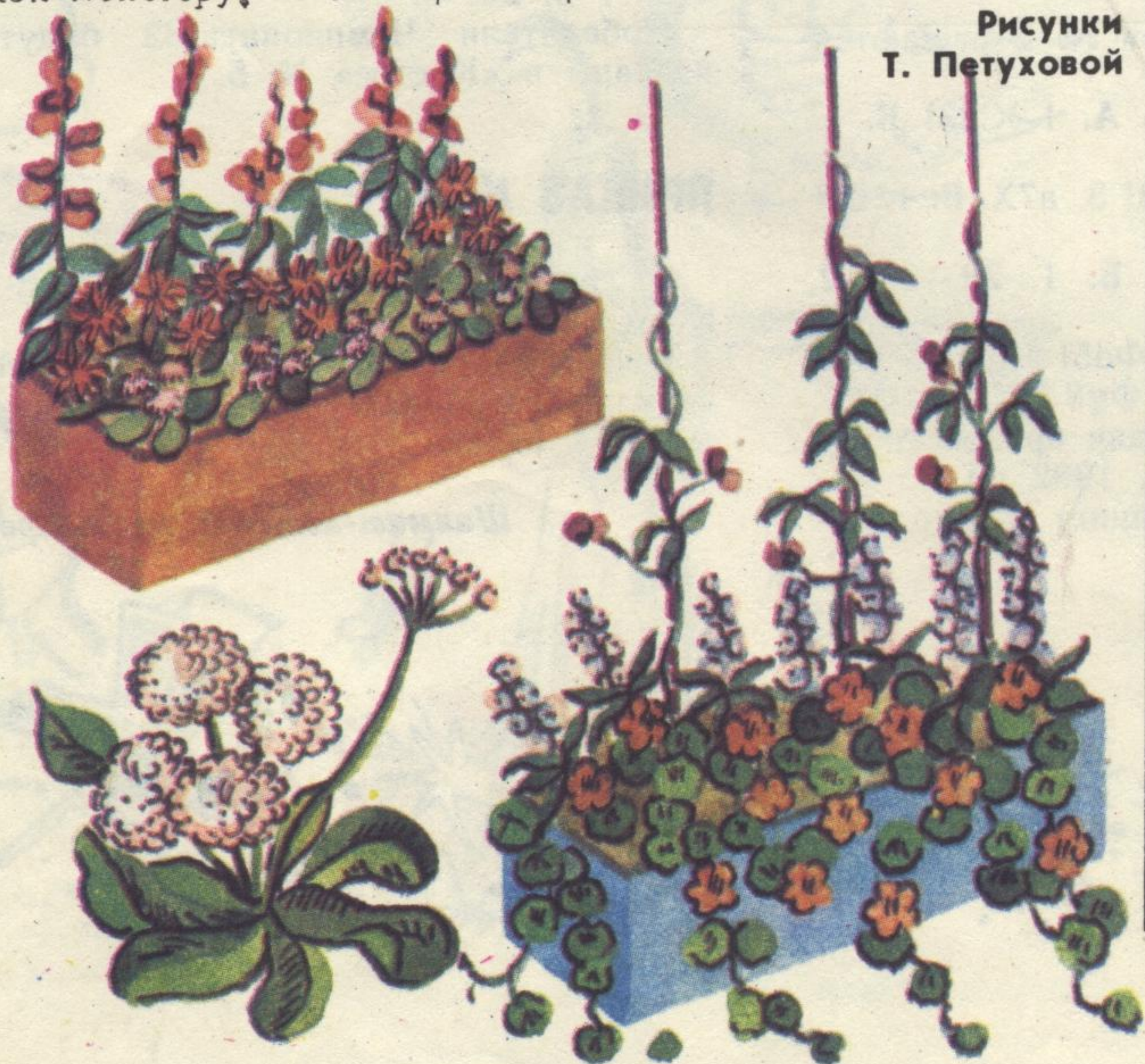
Теперь попробуй разместить цветы по высоте. В первом ряду могут быть посажены низкие растения (лобелии, маргаритки), во втором и третьем — средние (левкой, ноготки, астры). Либо так: первый и второй ряд занимают средние растения, третий — вьющиеся (декоративная фасоль, душистый горошек, хмель). Весь ящик может быть заполнен высокими растениями (душистый табак, семенной георгин), низкими или средними. Многие цветы любят яркий свет, а для тенистой стороны, куда солнышко заглядывает утром или вечером, подходят клубневая бегония, бархатцы, душистый табак, декоративная фасоль. По срокам цветения растения делятся на ранневесенние (анютины глазки, маргаритки, гвоздика турецкая, тюльпан), летние (львиный зев, бархатцы, левкой, петунии), осенние (астры, настурции). Размеры ящика зависят от окна или балкона, но ширина его должна быть не менее 25 см, а высота 20—25 см. На дне ящика сделай 5—7 отверстий и покрой их осколками цветочного горшка, насыпь 2—3 см крупнозернистого песка, потом землю, и слегка уплотни ее. Рассадку высаживай в шахматном порядке, промежутки — 10—15 см. Сразу же полей. Через две недели после посадки (и один — два раза летом) подкорми цветы питательной смесью (2—3 г смеси удобрений на 1 л воды). Не забудь про прополку и рыхление земли, а чтобы растения дольше и лучше цвели, удаляй отцветшие завязи. После заморозков растения погибнут и их нужно убрать, а землю взрыхлить — на будущий год ты добавишь в нее перегноя и снова посадишь цветы.

— Летом я вынесла комнатные цветы на балкон, и они погибли.

Оля Зенькова,
Колпино Ленинградской области

— Вычисти цветы на балкон в пасмурный день, приучив их еще в комнате к свежему воздуху — чаще проветривай, открывая на ночь окно. В первое время притеняй цветы от солнца марлей или газетой, чтобы они не обожглись. А чтобы предохранить от ожога корневую систему, поставь горшки в ящик с торфом, мхом, опилками или песком, постоянно смачиваемыми. Если на балконе есть ящики с землей, можно в них вкопать горшки с цветами. Не выставляй на балкон монстеру, бегонию-рекс, традесканцию.

Рисунки
Т. Петуховой

Рисунки
Ю. Беломлиной

ВЕЛИКИЙ ДАРВИН (отец десяти детей) много лет посвятил изучению и классификации усоногих рачков. Немудрено, что между детьми соседей и его детьми можно было слышать такие разговоры:

— Наш папа целый день на конюшне: он готовит к скачке лошадей!

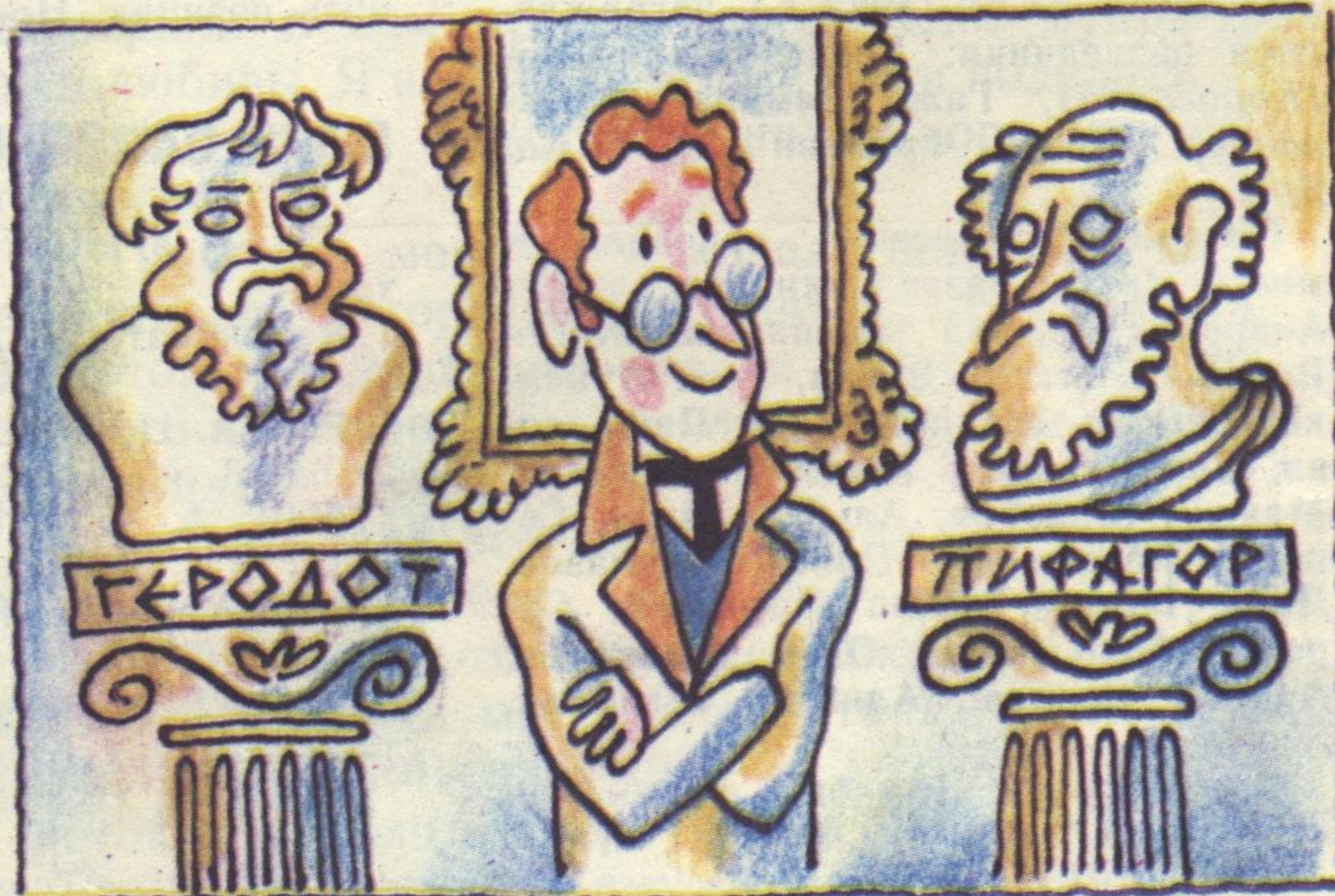
— Когда же ваш папа занимается усоногими рачками?

ФИЗИК РОБЕРТ МИЛЛИКЕН во время обучения в колледже отличался глубиной познаний в греческом языке. Каково же было его удивление, когда ему предложили преподавать... физику.

— Но я совершенно не знаю ее! — возразил Милликен.

— Пустяки, — успокоил его проректор, — Греция была колыбелью всех наук, студенты простят вам все, когда узнают, что вы говорите на языке Пифагора и Герона!

ЗНАМЕНИТЫЙ МАТЕМАТИК ГАУСС, размышляя над сложной задачей, воскликнул:

— Я уже имею ответ, вижу его неоспоримость, вот только не знаю пути доказательства.

Чайнвордыч очень любил составлять чайнворды. Поэтому Разгадайка предложил нашим путешественникам отправиться на машине времени в двадцатый век, когда были изобретены эти головоломки. По пути он объяснил членам клуба «За семью печатями», как составить простейший чайнворд:

— Главное, чтобы последняя буква первого слова была одновременно и первой буквой второго, а последняя буква второго — первой буквой третьего слова, и так далее.

На листке бумаги Разгадайка написал:

пусКовеРукАрена.

— Конечно, придумать такой чайнворд легче, чем ребус, — сказал он. — Но можно усложнить задачу. Пусть все слова в головоломке начинаются и кончатся одной и той же буквой. Попробуйте теперь составить чайнворд!

Кот Ангенс придумал чайнворд, где все слова начинались и заканчивались на букву «О» (рис. 1): 1. Металл. 2. Естественный водоем. 3. Река в Южной Америке. 4. Город во Флориде.

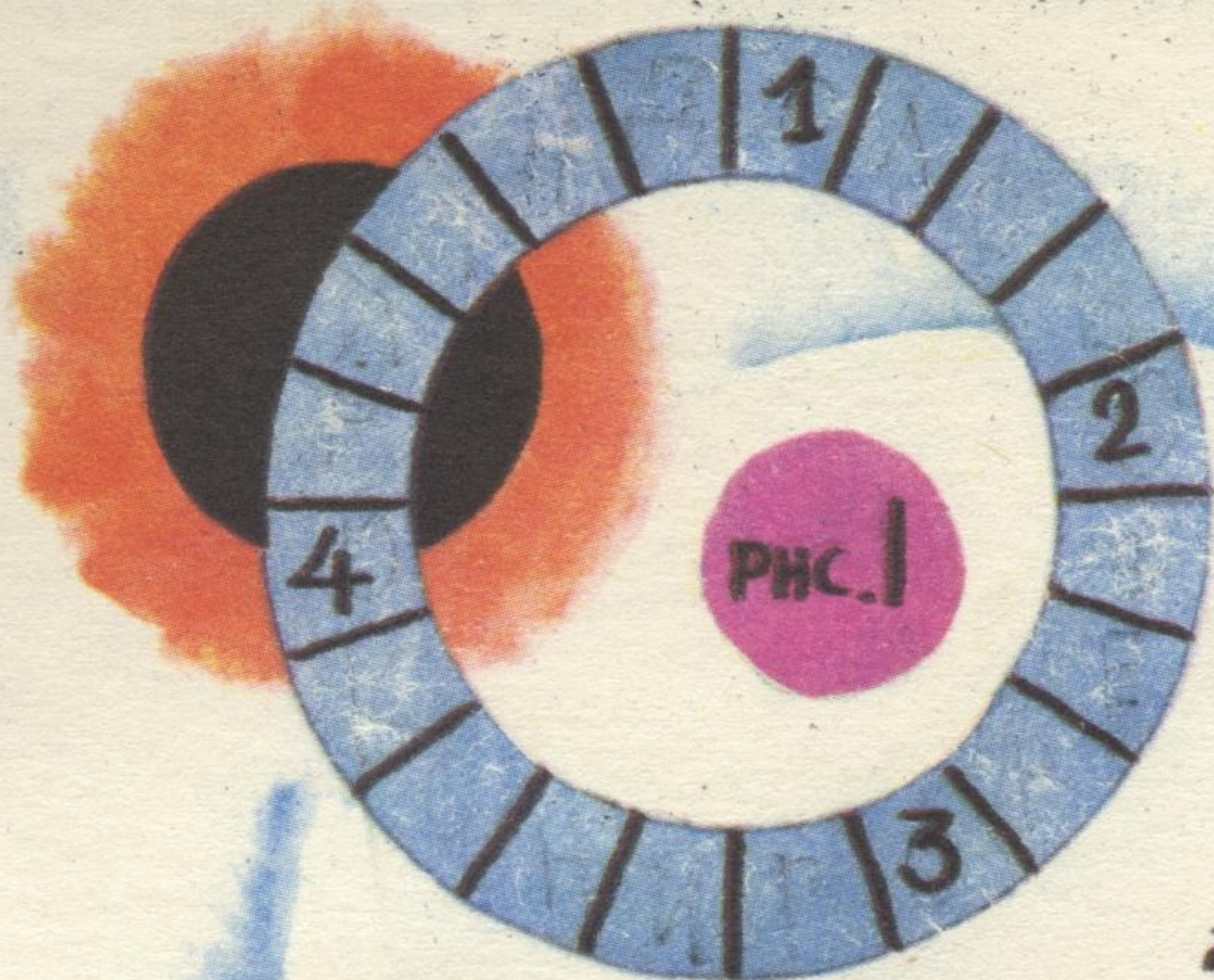
А в чайнворде, который придумал Разгадайка, все слова начинались и кончались на «А» (рис. 2).

Лук: 1. Старинное оружие в виде топорика на длинном древке. 2. Самая многоводная река в мире. 3. Исходное положение теоремы, принимаемое без доказательств.

Стрела: 4. Полярная область земного шара.

Пока члены клуба «За семью печатями» увлекались составлением головоломок, в дверь кто-то постучал. Это был профессор Галактиков. Он принес друзьям астрономический чайнворд (рис. 4): 1. Устройство, способное двигаться вокруг Земли без затраты дополнительной энергии. 2. Польский астроном XVI века. 3. Тело Солнечной системы, состоящее из разряженных газов и пылинок. 4. Созвездие Северного полушария неба. 5. Мельчайшая частица химического элемента. 6. Планета Солнечной системы.

Профессор Галактиков любил задавать каверзные задачки. И на этот

раз он попросил членов клуба «За семью печатями» ответить на следующие вопросы:

1. Темно или светло в центре солнца?
2. Может ли спичечный коробок весить 10 тонн?

3. Почему на Южном полюсе Земли холоднее, чем на Северном?
4. Всегда ли Полярная звезда будет «полярной»?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 3

Разгадайка отнял от получившегося количества зерен 1 зерно за первую клетку шахматной доски. Так как геометрическая прогрессия 2 никак не могла заканчиваться нулем, Разгадайка сделал вывод о неправильности написанного числа. Правильный ответ:

18 446 744 073 709 551 615.

Средневековая русская задача: 6 553 600 000 000 плетей.

Кроссворд «Мореплаватели»: Колумб, Поло, Беринг, Хейердал, Лаперуз, Челюскин, Гама, Невельской, Врангель, Литке, Седов, Магеллан, Головин.

Ребус: только смелым покоряются моря.

Оформление А. Януса

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), О. С. КУЗИН, О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

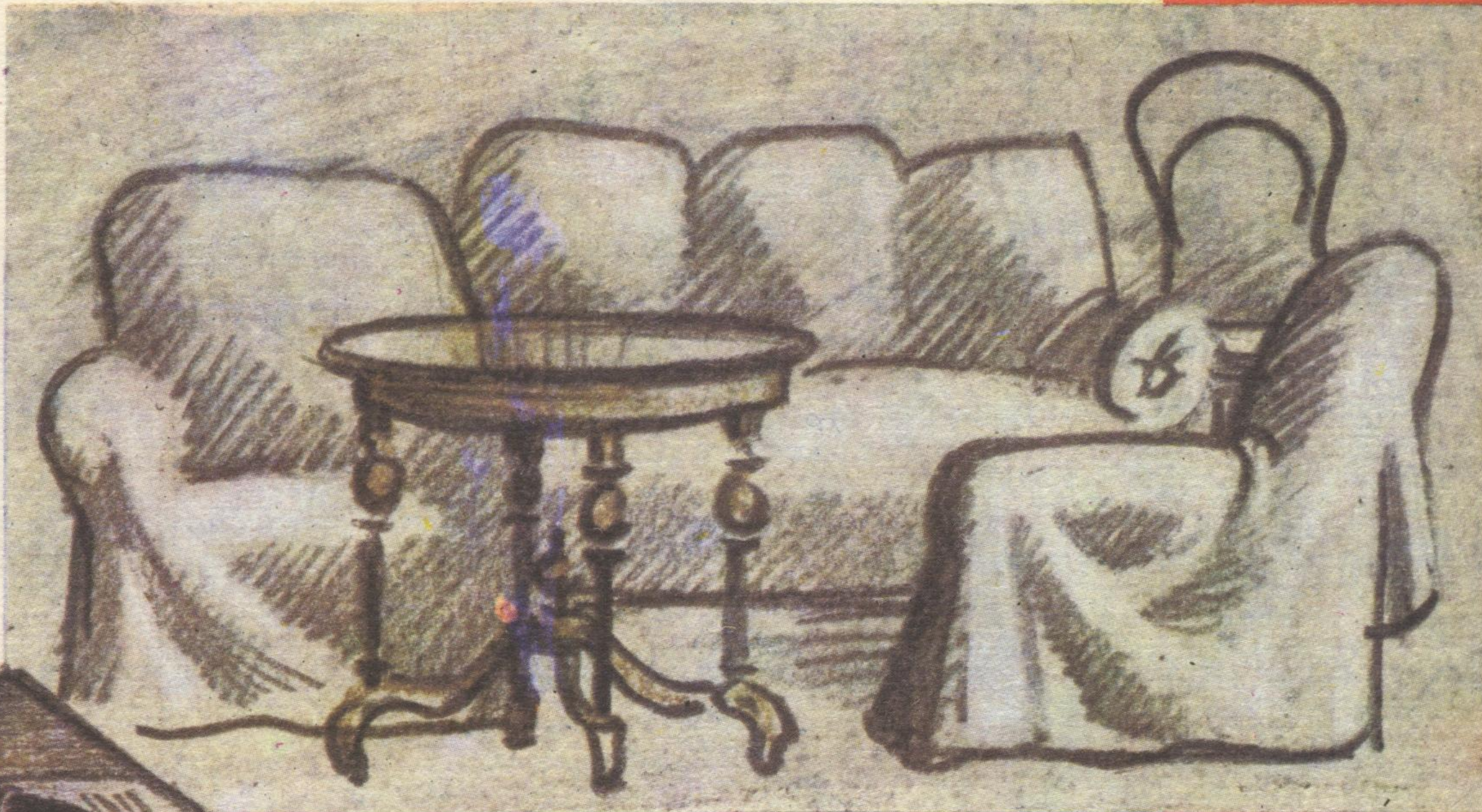
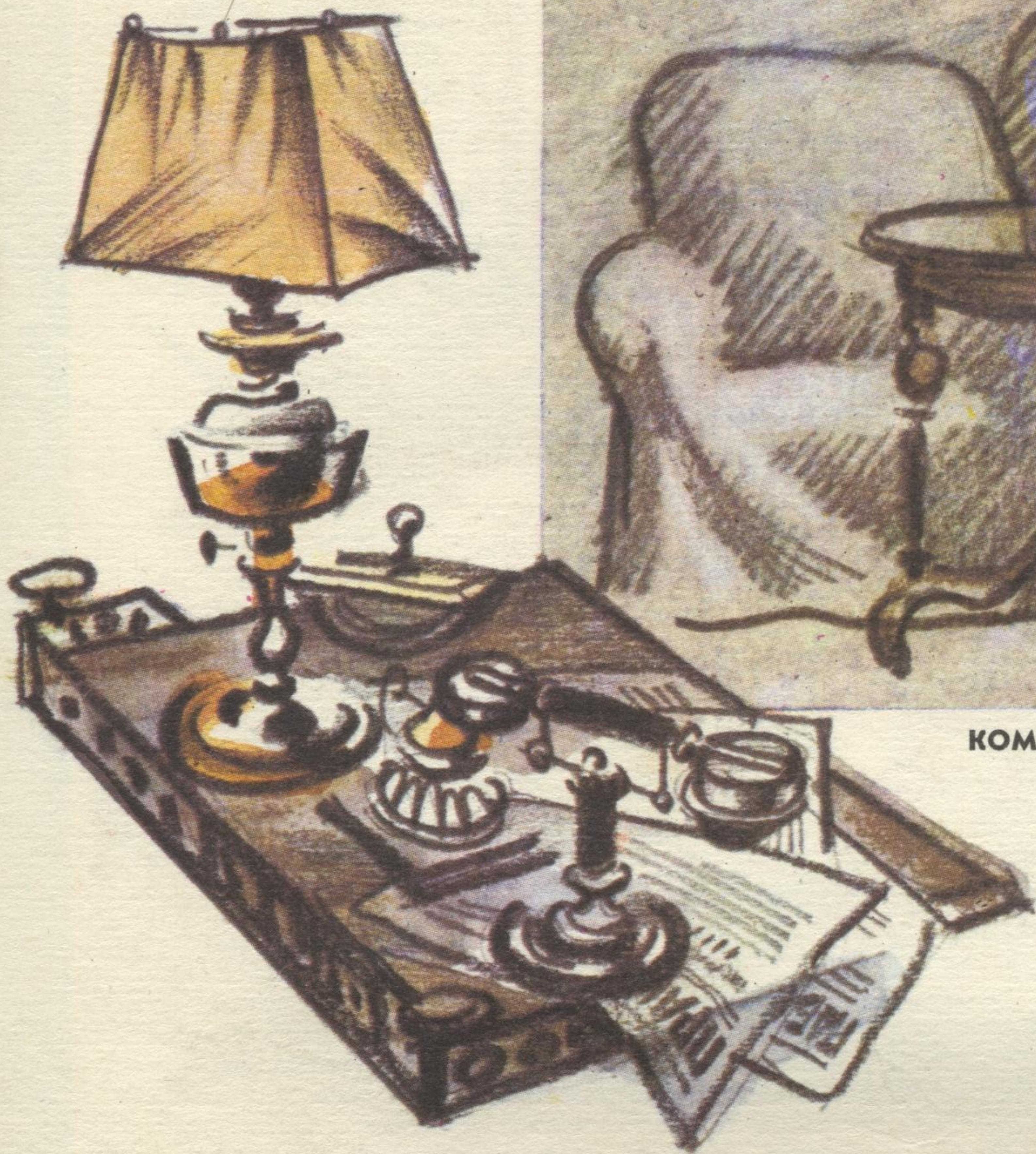
Корректор Д. Г. ЛАЗДАН

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-36586. Сдано в набор 05.01.83. Подписано к печати 04.03.83. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,6. Печать офсетная. Тираж 780 000 экз. Заказ 26. Цена 30 к.

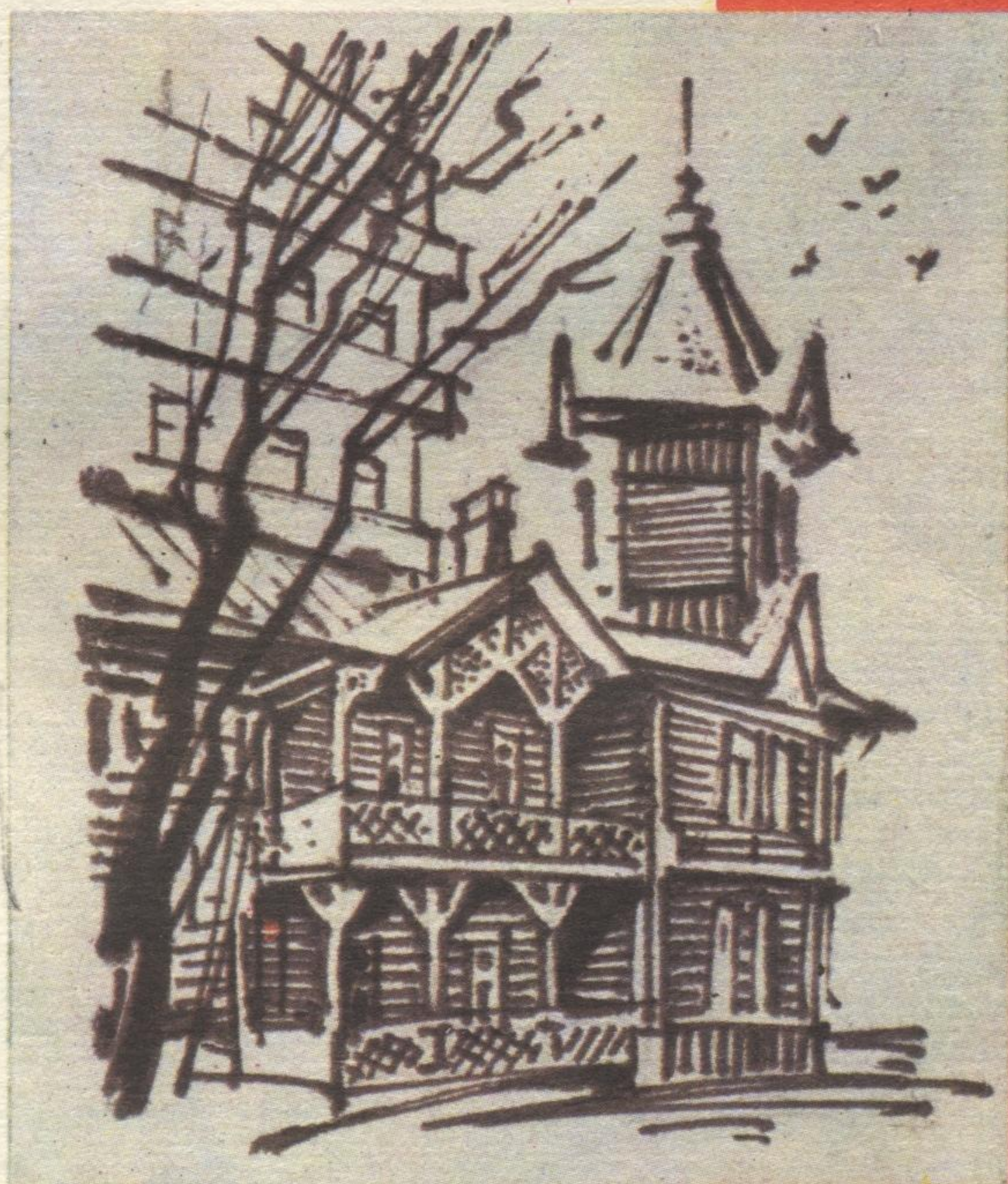
Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

30 к.
Индекс 70445

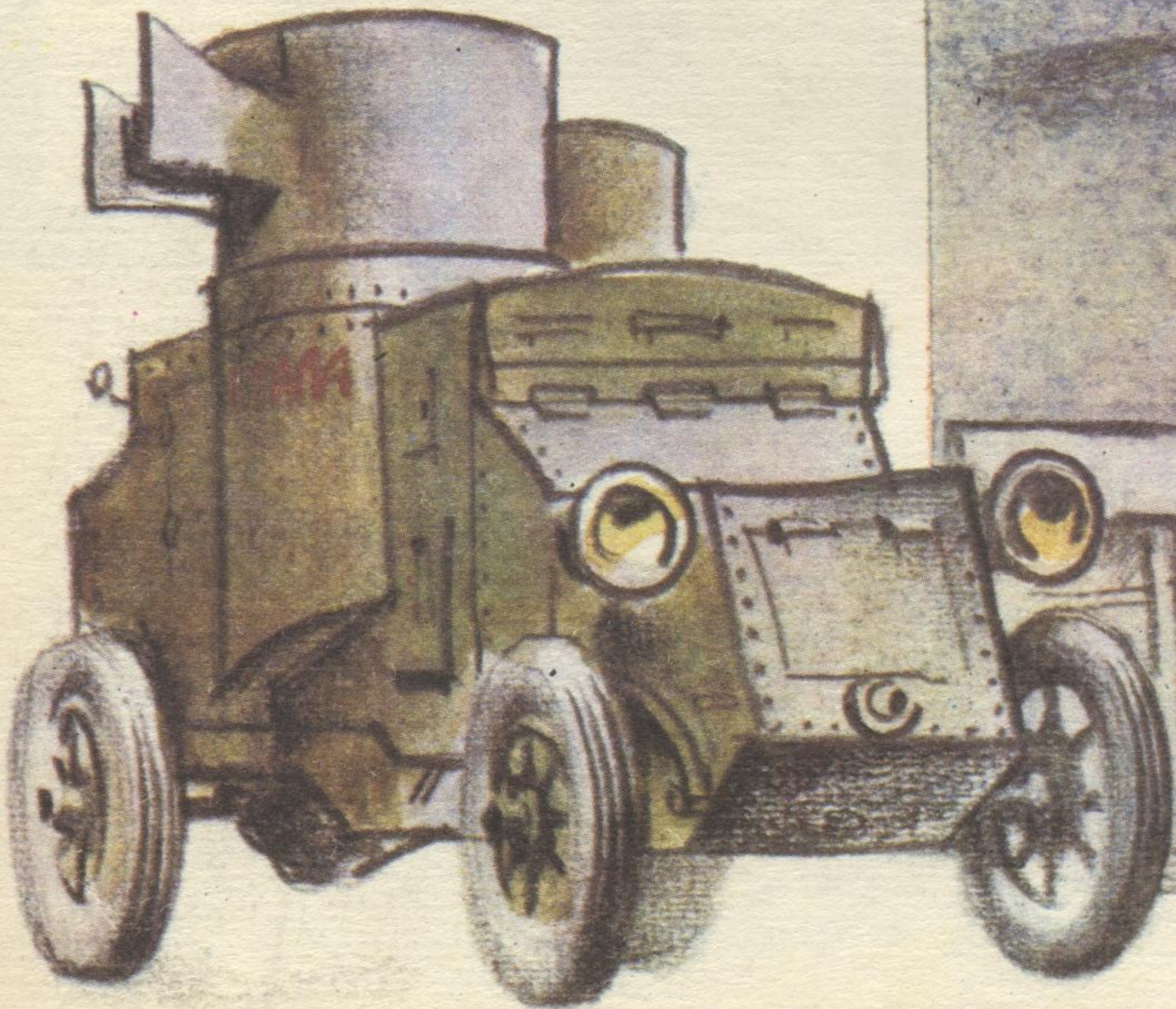
КОМНАТА-МУЗЕЙ В. И. ЛЕНИНА В СМОЛЬНОМ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
МУЗЕЙ
ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
(БЫВШИЙ ОСОБНЯК КШЕСИНСКОЙ)

ДОМ НА БОЛОТНОЙ УЛИЦЕ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ
ЛЕНИНСКИЙ БРОНЕВИК

ПЛОЩАДЬ ЛЕНИНА И ФИНЛЯНДСКИЙ ВОКЗАЛ